

2026 | Том 18 | №1

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

2026
Т. 18
№1

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНИЛА КАНТА

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2026 || Том 18 || № 1

КАЛИНИНГРАД

Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта

2026

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2026
Том 18
№ 1

Калининград :
Издательство БФУ
им. И. Канта, 2026.
163 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru>

© **Оформление,**
БФУ им. И. Канта, 2026

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Т. Ю. Кузнецова**, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); **В. В. Воинов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО МИД России (Россия); **П. Йонниemi**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худолей**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия). **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 13.04.2026 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология

Колосов В. А., Вендина О. И., Гриценко А. А., Зотова М. В., Карпенко М. С., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Геостратегические территории: история понятия, особенности и критерии определения4

Геополитика и международные отношения

Юрк А. В. Место и роль стран Балтии в трансатлантической политике США23

Трунов Ф. О. Современное военно-политическое сотрудничество Германии и Швеции в контексте милитаризации сторон: от взаимосвязи к взаимодополнению40

Рагозин Г. С. Образ России в шведском национал-консервативном дискурсе, 2014—2024 годы63

Леонов Е. С. Роль технологической дипломатии в позиционировании «малых стран» на международной арене (на примере Дании).....77

Чернов С. И., Лю И. Двусторонние отношения между Китаем и Латвией в контексте глобальных геополитических изменений: свобода выбора или геополитические императивы?.....96

Социально-экономическое развитие регионов

Белов В. И. Оценка энергоэффективности регионов России в контексте декарбонизации экономики и устойчивого развития территорий..... 117

Растворцева С. Н., Колчинская Е. Э., Панасюк С. А. Неравенство и пространственные эффекты в развитии цифровой экономики российских регионов134

TQWUEF

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ, ОСОБЕННОСТИ И КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В. А. Колосов

О. И. Вендина

А. А. Гриценко

М. В. Зотова

М. С. Карпенко

А. Б. Себенцов

Н. Л. Туров

Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

Поступила в редакцию 28.08.2025 г.

Принята к публикации 12.01.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-1

© Колосов В. А., Вендина О. И., Гриценко А. А., Зотова М. В., Карпенко М. С., Себенцов А. Б., Туров Н. Л., 2026

Термин «геостратегическая территория» использован в Стратегиях пространственного развития Российской Федерации, принятых в 2019 и 2024 гг. Однако принципы выделения таких территорий остались неясными, приоритеты и дифференциация не определены. Цель исследования — провести на основе мировой и отечественной литературы содержательный анализ понятия «геостратегия» и производных от него в различных сферах научного знания. За рубежом геостратегия ассоциировалась первоначально с военной географией и геополитикой. Ныне геостратегический анализ охватывает не только потенциал применения военной силы на внешних для государства территориях, но и возможности реализации его интересов другими средствами. В России под стратегической территорией подразумевается регион, испытывающий потенциальные или реальные внешние угрозы его безопасности и отличающийся особой уязвимостью к внешним вызовам, из чего вытекает необходимость специальной политики по устранению или смягчению их последствий. Термин «геостратегический» указывает на источники угроз — позицию территории в полимасштабном пространстве внешних и внутренних связей и сетевых структур. Внешние вызовы тесно переплетаются с внутренними: преодолением отсталости, бедностью, оттоком населения и т. д. Показано, что геостратегическое положение носит изменчивый, исторический характер и складывается из геостратегических свойств отдельных населенных пунктов и объектов. Однако похожие геостратегические свойства характерны и для обширных территорий, включающих несколько регионов (например, Арктика или Дальний Восток). Оценка геостратегического положения имеет дискурсивную природу и

Для цитирования: Колосов, В. А., Вендина, О. И., Гриценко, А. А., Зотова, М. В., Карпенко, М. С., Себенцов, А. Б., Туров, Н. Л. 2026, Геостратегические территории: история понятия, особенности и критерии определения, Балтийский регион, т. 18, № 1, с. 4–22, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-1

зависит не только от материальных факторов, но и от идентичности граждан, в том числе их представлений о действующих в мировой политике силах, угрозах национальной безопасности и отношения к соседним странам. В заключение приведены критерии отнесения территорий к геостратегическим, предложено их определение.

Ключевые слова:

геостратегические территории, пространственное развитие, стратегическое планирование, национальная безопасность, региональная политика, геостратегия, геополитика

Введение

В российскую практику стратегирования и территориального планирования сравнительно недавно вошел термин «геостратегическая территория». Впервые он был использован в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — СПР-2019), разработанной во исполнение федеральных нормативных правовых актов¹. Эти документы последовали за внедрением с середины 2010-х гг. системы создания и периодического обновления стратегий развития регионов и муниципальных образований. Стратегирование было призвано стать инструментом смягчения потенциально угрожающих территориальной целостности страны социально-экономических контрастов, возникших вследствие концентрации потенциала и населения в крупнейших городах, быстрого снижения его численности в большинстве других городов и сельской местности, увеличения различий в доходах и качестве жизни граждан между субъектами РФ и особенно муниципальными образованиями на внутрирегиональном уровне.

Геостратегические территории были определены в СПР-2019 как регионы, имеющие «существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности РФ», в которых сложились «специфические условия жизни и ведения хозяйственной деятельности». В список геостратегических было включено 47 субъектов РФ, то есть более половины их общего числа. Помимо очевидных кандидатов — Республики Крым, Севастополя и Калининградской области, то есть в то время регионов-эксклавов, не имевших сухопутного сообщения с основной территорией страны, в него вошли все остальные приграничные субъекты РФ, а также 25 регионов, расположенных на Северном Кавказе, Дальнем Востоке и в Арктической зоне.

Подготовка и ход реализации СПР-2019 вызвали оживленную критическую дискуссию [1 — 4]. Авторы отмечали, что критерии «геостратегичности» создатели СПР оставили неясными. Геостратегические территории сильно различаются между собой по географическому положению, плотности и составу населения [5; 6].

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации, федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 11.08.2025) ; О содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации (вместе с «Положением о содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации и подготавливаемых в ее составе предложений о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории Российской Федерации», «Правилами осуществления мониторинга и контроля реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации»), постановление Правительства РФ от 20.08.2015 г. № 870 (ред. от 24.06.2020), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185091/ (дата обращения: 11.08.2025) ; Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года, указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13, URL: <https://base.garant.ru/71587690/> (дата обращения: 11.08.2025).

Для одних регионов особенности геополитического положения играют первостепенную роль (например, для Калининградской области или Приморского края), у других оно мало сказывается на темпах и уровне развития (например, в Курганской области). Отсутствие приоритетов и дифференциации геостратегических территорий означало риск превращения в хаотический набор мер любой региональной политики в их отношении, что только усилило бы неравномерность пространственного развития [1].

Другое общее критическое замечание к выделению геостратегических регионов заключалось в том, что оно было лишено операциональности. За все годы реализации СПР-2019 категория «геостратегичности» не отразилась ни в каких подзаконных актах. Практически на всех геостратегических территориях уже применялся разнообразный набор инструментов региональной политики, действовавших в тех же границах. Выработка подходов к пространственному развитию столь разных регионов явно требовала их группировки, поиска инструментов, отвечающих специфике каждого их типа.

Новая версия СПР, рассчитанная до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., принятая в конце 2024 г., создавалась с учетом критики первой стратегии и содержит немало новаций. Однако в части списка геостратегических территорий она изменилась сравнительно незначительно. В списке остались Республика Крым, Севастополь и Калининградская область, дальневосточные, северокавказские и арктические регионы; большинство из них также являются приграничными. Остальные приграничные регионы исключены из числа геостратегических. В число геостратегических включены новые субъекты РФ, а также муниципальные образования ряда западных регионов, примыкающие к государственной границе со странами ЕС. Геостратегические территории по-прежнему охватывают значительную часть страны: их перечень включает 29 регионов полностью, а также целый ряд муниципальных образований, что в сумме эквивалентно 57 % площади страны. Пути и ограничения их развития так же недостаточно проработаны, принципиальные различия между ними в природе и особенностях уязвимостей, локальных субкультурах и идентичности населения не учтены. Фиксация существующих проблем сопровождается обобщенными программами их решения и примерным описанием ожидаемых результатов, тогда как острота ситуации требует конкретизации и локализации знания.

Как определяют понятия «геостратегия», «геостратегический» российские и зарубежные авторы, как можно интерпретировать соединение в них двух составляющих — «гео» и «стратегия», какими могут быть критерии отнесения территорий к геостратегическим? Авторы ставят целью рассмотреть в настоящей статье эти вопросы — естественно, не претендуя на исчерпывающую полноту и однозначность.

Что такое геостратегия?

За рубежом геостратегические территории интерпретируются в основном как внешние по отношению к тому или иному государству объекты, имеющие важное военно-политическое, экономическое, символическое значение.

Геостратегия родилась в лоне военной географии — одного из самых старых направлений географической науки. Впервые этот термин был употреблен в 1855 г. генералом Джакомо Дурандо, военным министром Сардинского королевства (Пьемонта) [7]. Однако более прочно он укоренился в научной литературе некоторых стран, в первую очередь Германии, США и Франции, лишь в начале XX в. С этого времени геостратегия постепенно обособляется от географического изучения театров военных действий, а с конца XIX в. теснее ассоциируется с геопол-

литикой. Во многих исследованиях более широкое использование термина «геостратегия» связывают с немецкой школой геополитики, особенно после появления трудов германского географа и геополитика К. Хаусхофера [8], выдвинувшего идею «*wehrgeopolitik*» («военной политики»), которая в отличие от военной географии «обращена в будущее, предполагает готовность применить военную силу» и оперирует «большими пространствами». Эту черту геостратегии отмечал также крупный французский географ А. Вигарье [9], подчеркивая, что она определяет многообразие мер защиты от потенциального противника. Политико-географ С. Розьер [10] отмечал, что геостратегия изучает географическое пространство не только как среду и театр [арену политической и военной деятельности], но и как предмет (*enjeu*) конфликта.

Толкование геостратегии как области знания, направленной на обоснование территориальной экспансии, а также связь К. Хаусхофера с руководством нацистской Германии привели к тому, что в большинстве стран мира геостратегия и геополитика в послевоенный период вплоть до 1980-х гг. считались маргинальными дисциплинами [11]. После Второй мировой войны концепции геостратегии получили дальнейшее развитие, геостратегические исследования велись различными организациями и военными академиями по всему миру. Термин «геостратегия» регулярно появлялся в авторитетных словарях. Так, в издании «Британника» [12] он ассоциировался с военной политикой. Международный словарь Вебстера [13] определял геостратегию как «раздел геополитики, занимающийся вопросами стратегии».

Диверсификация методов и форм контроля над пространством в послевоенный период, формирование военно-политических блоков и обострение проблемы международного терроризма привели к усложнению геостратегического анализа. Он не ограничивается отныне изучением потенциала применения военной силы в определенных регионах, но и учитывает способность государства влиять на различные сферы деятельности стран, находящихся в зоне его влияния: транспорт, энергетику, сельское хозяйство и т.д. На фоне реабилитации геостратегии и геополитики в 1980-е гг. наблюдалась «демилитаризация» этих дисциплин. Ставшие популярными геостратегические построения З. Бжезинского [14] и Г. Киссинджера [15] в меньшей степени опираются на военную силу и в большей — на обоснование способов экономического, информационного и политического доминирования. З. Бжезинский полагал, что геостратегия представляет собой «стратегическое управление геополитическими интересами», и подчеркивал их динамичность и необходимость активного прогноза на будущее [14].

Французский географ Э. Куто-Бегарье [16] вслед за этими авторами определял геостратегию как поиск государством наиболее эффективных путей трансформации (политического) пространства в соответствии со своими интересами, например путем блокирования коммуникаций, изоляции враждебного государства и его отдельных территорий, инспирирования оппозиции его политическому режиму, установления контроля над определенными регионами и населенными пунктами. Несколько позже приобретает популярность концепция так называемой мягкой силы [17], согласно которой в современных условиях государства скорее прибегают к угрозам применения военной мощи и демонстрации своих возможностей, нежели стремятся к их полномасштабной реализации, достигая своих геополитических целей посредством создания притягательных образов, информационного манипулирования и апелляции к социальным представлениям и ценностям. В том же духе П. Венье [18] полагал, что геостратегия — прикладное направление геополитики, представляющее собой разработку комплексных мер по реализации интересов государства за его пределами, в том числе по установлению контроля

над жизненно важными активами военного значения. По его мнению, геостратегия связана также с проблемами национальной безопасности и угроз со стороны реальных и потенциальных противников, сфокусирована на соотношении военно-политических сил на международной арене, в том числе возможностей проецирования военной мощи и контроля над пространством с помощью создания военных баз. Обычно «геостратегические» исследования в таком понимании ведутся в крупных державах или странах — региональных лидерах и направлены на обоснование различий в подходе государства к отношениям с определенными странами и регионами.

Сходное с господствующим за рубежом понимание понятия геостратегии как прикладного направления геополитики разделяли, хотя и редко, некоторые российские авторы. В российских исследованиях это понятие стало впервые применяться лишь в 1990-х гг. Так, К. Э. Сорокин подразделял геополитику на фундаментальную, изучающую развитие геополитического пространства планеты, и прикладную (геостратегию), разрабатывающую рекомендации по осуществлению генеральной линии поведения государства или группы государств на мировой арене [19].

Новые угрозы планетарного масштаба, усиление стратегического соперничества между ведущими центрами силы, растущая многополярность, возникновение новых виртуальных пространств и гибридные войны способствовали актуализации геостратегических исследований. Вместе с тем появление геоинформационных технологий, искусственного интеллекта и расширение цифровой среды вызвали глубокое обновление их методического инструментария [7].

Несмотря на указанные достижения, общепринятого понимания сущности и задач геостратегии не сложилось. Большинство авторов полагает, что геостратегия — это самостоятельное научное направление или раздел геополитики, изучающий взаимосвязь географического положения, территориального распределения военных, экономических и политических сил в мире и других географических факторов с национальными внешнеполитическими стратегиями. В авторитетной коллективной монографии «Геополитика, география и стратегия» [20], посвященной теории геостратегических исследований, даются разные трактовки понятия «геостратегия». Э. Долман трактовал геостратегию как отрасль геополитики, фокусирующуюся «на применении новых технологий на основе географических, топографических и позиционных данных» [21]. Дж. Тоал считал, что геополитика вообще и геостратегия в частности не должны замыкаться на вопросах связи пространства, политики и военной силы и что в современных условиях важную роль играют конструируемые посредством дискурса и соответствующих практик географические образы, мифы и представления [22].

В последние два десятилетия появились работы, в которых предпринята попытка выработать универсальное понимание геостратегического характера территории независимо от ее положения за рубежом или в пределах государственных границ. Дж. Слоан [11], исходя из максимы, что «география по-прежнему имеет значение», отмечал, что любая стратегия, имеющая пространственное выражение, является геостратегией. Похожего мнения придерживаются и некоторые латиноамериканские исследователи, продвигающие «геостратегии экономического пространства», под которыми понимают планы по развитию экономики больших регионов с учетом глобальной производственной фрагментации, стратегий транснациональных корпораций, а также сложных форм взаимодействия властей разных стран и разных пространственных уровней [23].

Наиболее широкий (полимасштабный) подход к геостратегии предложил известный французский географ, геополитик и публицист Ив Лакост [24]. По его мнению, геостратегия занимается исследованием соперничества и антагонизмов

между недружественными государствами и действующими за рубежом политическими силами, тогда как геополитика изучает конфликты, социальные представления и политический дискурс между гражданами государства. Лакост считал, что разработка геостратегии предполагает существование противника или военной угрозы и представляет собой набор выкладок и расчетов, обосновывающих потенциальный ответ на внешний вызов или план захвата определенной территории с учетом сил и средств, имеющихся в распоряжении государства, и их распределения на разных пространственных уровнях, а также прогноз возможной реакции противной стороны и других государств. Лакост в отличие от других авторов не проводил различия между внешними и внутренними угрозами и подчеркивал необходимость геостратегического анализа на глобальном, региональном и локальном уровнях. В эту концепцию органично вписываются специфичные для каждого государства неформализованные списки геостратегических территорий или объектов разного масштаба: отдельные страны и целые регионы (Центральная Азия для России, Китая и ЕС, Тихоокеанский регион, Арктика), территории и акватории, по которым пролегают международные транспортные пути: Панамский и Суэцкий каналы, Красное море и др.

Особенности истории, геополитического положения внутренних территорий за рубежом, как правило, отражаются не в государственных программах, как в России, а прежде всего в различиях в статусе — дополнительных компетенциях регионов или муниципальных образований, расположенных вблизи границ, на островах или территориях, отличающихся по этноконфессиональному составу жителей. Распространены «асимметричные» федерации, субъекты которых имеют разные полномочия. Так, в Италии пограничные и специфичные по структуре населения области Валле-д'Аоста, Трентино-Альто Адидже, Фриули-Венеция Джулия и островные Сицилия и Сардиния были наделены автономией (особым статусом) задолго до относительно недавних реформ, расширивших компетенции всех областей. Особый статус имеют удаленные на тысячи километров от метрополии островные «заморские сообщества» Франции, а до 2025 г. самая крупная из заморских территорий — Новая Каледония. В Индии наряду со штатами существует восемь союзных территорий, управляемых непосредственно федеральным правительством в связи с особым географическим положением, внешнеполитическими вызовами и историческими особенностями.

Особенности геостратегических территорий

Термин «геостратегический» — это не механическое соединение двух слов, а концепт, порождающий новые смыслы. «Стратегический» означает, во-первых, безусловную *важность территории или поселения в общегосударственном масштабе* и наличие потенциальных или реальных опасностей и угроз, во-вторых, необходимость выработки целенаправленной политики, позволяющей их избежать.

В России — стране исключительного разнообразия природных и социально-экономических условий — всегда существовали территории, благодаря своей значимости пользовавшиеся в определенный исторический период особым вниманием государства и специальным режимом. К ним принадлежали, в частности, пограничные казачьи территории [25]. Показательно, что термин «геостратегическая территория» появился в годы радикального изменения геополитического положения России, после 2014 г.

Цель «учреждения» геостратегических территорий — учет влияния на российские регионы внешних факторов национальной и региональной безопасности в СПР и региональных стратегиях. Отказ от глобалистской модели либеральной эко-

номики, западные санкции и сокращение зависимости от внешних поставщиков товаров и услуг предполагают преимущественную опору на внутренние ресурсы, импортозамещение и реиндустриализацию, а следовательно, обуславливают особую важность определенных месторождений полезных ископаемых, регионов и промышленных центров, коммуникаций и т.д. Стал настоящей необходимостью «поворот на восток», что повышает стратегическую значимость дальневосточных портов и Восточного полигона РЖД. При этом внешние обстоятельства становятся не только источником экзистенциальных угроз, но и стимулом государственной модернизационной политики, базовой рамкой регионального развития и социальной жизни страны.

Если еще относительно недавно внешнеполитические обстоятельства рассматривались как благоприятные для РФ, а трансграничные контакты - как дополнительный ресурс развития территорий ее приграничного контура, то в настоящее время те же факторы стали источником экзистенциальных рисков. «Геостратегичность» интерпретируется как *наличие потенциальных или реальных внешних угроз безопасности региона, его особая, повышенная уязвимость к внешним вызовам*, из чего, в свою очередь, вытекает необходимость выработки целенаправленной политики, позволяющей устранить или смягчить их последствия. Таким образом, введение в оборот термина «геостратегическая территория» в СПР подразумевало, с одной стороны, связь с геополитикой, с другой — его понимание как еще одной формы региональной политики наряду с ТОР, ОЭЗ и др. [26].

Корень «гео-» указывает на источник уязвимостей — территориальную проекцию разнообразных отношений (международных, двусторонних межгосударственных, макрорегиональных, межрегиональных, центр-периферийных, трансграничных, политико-культурных и др.). Иными словами, развивая положения, высказанные И. Лакостом, можно утверждать, что геостратегическое положение — это *позиция в многомерном, полимасштабном пространстве внешних и внутренних связей*, а не только место на карте. Например, в начале текущего столетия хозяйство Калининградской области благодаря близости к высокоразвитым странам ЕС ориентировалось на кооперацию с ними в развитии сборочных производств, продукция которых была предназначена для общероссийского рынка. После 2014 г. и начала украинского кризиса и особенно СВО преимущества того же геополитического положения превратились в свою противоположность ввиду крайней уязвимости коммуникаций с основной территорией России и антироссийских санкций западных стран.

Вместе с тем стало еще более очевидно *переплетение внешних вызовов безопасности регионов с внутренними*, особенно с преодолением отсталости и резкой территориальной неравномерности развития, низкого качества жизни, обеспечением целостности страны. С позиции глобальной геополитической повестки становится невозможно более допускать коммуникационную изолированность геостратегических территорий от других регионов, высокий уровень бедности, миграционный отток и сокращение населения, связанное с его старением и нарастающими диспропорциями на рынке труда. В свою очередь, нехватка квалифицированных кадров стала одним из главных препятствий на пути перестройки структуры экономики, ориентированной главным образом на добычу, первичную переработку и экспорт природных ресурсов. Сформировался порочный круг: ограниченность технологических инноваций лимитирует рост человеческого капитала, порождает миграционные вызовы, обнажающие проблемы депопуляции, замедляющие обновление экономики, усугубляющие отставание геостратегических территорий.

Однако ни в первой, ни во второй, значительно обновленной, СПР не раскрыт конкретно приоритет отдельных факторов (критериев), определяющих

геостратегическую значимость территории. Можно предположить, что в число критериев входят *периферийное положение, удаленность и изолированность от основных коммуникаций* (например, Калининградской области, дальневосточных и арктических субъектов РФ), *отставание* от других регионов по социально-экономическим показателям и их динамике, *реализации государственных программ и крупных проектов*. Но неблагоприятное состояние хозяйства, недостаточные доходы населения и депопуляция характерны также и для регионов, не включенных в число геостратегических. С другой стороны, некоторые геостратегические субъекты РФ вполне благополучны [27]. Преференциальные режимы хозяйствования — вовсе не исключительная привилегия геостратегических территорий, а государственные программы и крупные проекты реализуются не только на таких территориях [28].

Геостратегическое положение носит *изменчивый, исторический характер*. Оно может долго оставаться неизменным: так, Крым уже в течение нескольких столетий не утрачивает своего стратегического значения в Черноморском бассейне. Но чаще всего оно меняется в зависимости от политических и экономических обстоятельств, доминирующего политического дискурса, в свою очередь, трансформирующего территориальные отношения. Примером может служить российско-украинское пограничье — обширный ареал тесных контактов и взаимопроникновения двух близких культур, в котором существовали предпосылки интенсивных трансграничных взаимодействий и сотрудничества [29; 30]. Однако за считанные недели в 2014 г. пограничье между двумя странами превратилось в зону резкого размежевания и боевых действий. Таким образом, изменение позиции в системе территориальных отношений снижает или повышает уровень потенциальных угроз и опасностей.

Геостратегические свойства в политическом дискурсе нередко приписываются не только периферийным территориям, но и центральным, играющим ключевую роль в экономике и/или имеющим важные символические функции, особенно столицам. История знает немало примеров, когда политические события в столицах, мало затронувшие другие регионы, предопределили судьбы государства. Взятие противником столицы в ходе вооруженных конфликтов нередко вело к падению политического режима, потере независимости или распаду страны. Так, французские политики в прошлом были особо озабочены уязвимостью Парижа, сравнительно близко расположенного к границам страны и не защищенного естественными барьерами.

Понятие «территория» предполагает наличие более или менее отчетливых границ. Регионы и муниципальные образования имеют юридически закрепленные территориальные границы полномочий региональных органов власти. Однако «геостратегичность» субъекта РФ зависит не только, а иногда и не столько от географического положения, но и от *геостратегических свойств отдельных населенных пунктов и расположенных в них объектов*. Внутрорегиональные различия в геостратегической значимости территории, как правило, более значительны, чем межрегиональные. Функционирование «точечных» (локальных) стратегических объектов, связанных с обеспечением безопасности, локализацией месторождений полезных ископаемых и других объектов, коммуникативностью, процессами освоения (модернизации) и сжатием пространства под влиянием новых технологий [31], зависит от пространственных отношений разного масштаба — от локального до общегосударственного, а иногда и надгосударственного.

Не случайно в одном из ранних вариантов СПР-2024 в особый приоритет выделялись «стратегические поселения». Предполагалось, что они будут включать ЗАТО, транспортные узлы и порты, населенные пункты при важных предприятиях,

оборонных объектах, пограничных пунктах пропуска и т.д. Однако их очевидная разнородность, многочисленность и частое совпадение с опорными населенными пунктами, отобранными по другим критериям, заставили отказаться от этого приоритета.

Геостратегическая значимость отдельных поселений и других «точечных» объектов может быть больше, чем административного центра, а их коммуникативные свойства по крайней мере не уступать ему, что отражает укрепление многомерных сетевых структур, меняющих двухмерную (декартову) линейно-узловую, иерархическую конфигурацию территориальных связей [31, с. 33].

В то же время общие или сходные геостратегические свойства присущи обширным территориям, далеко выходящим за пределы одного региона и не имеющим политико-административной субъектности или институтов управления — Арктике или Дальнему Востоку. Эти свойства определяются географическим положением и доступностью, общностью коммуникаций, «ареальным» распространением стратегических природных ресурсов, природно-климатическим, социально-экономическим и культурным сходством [32]. В таких случаях необходима эффективная координация развития разных сфер деятельности, далеко выходящая за рамки компетенций отдельных ведомств и администраций, управленческая практика, сочетающая традиционный регионально-иерархический и сетевой подходы. Масштаб этих задач, связанный с судьбами «больших пространств», носит истинно геостратегический характер и диктуется долгосрочными интересами страны.

Геостратегические территории и национальная безопасность

Определение объектов и территорий как геостратегических и выстраивание их иерархии по степени значимости для страны зависит от оценки внутренних рисков, внешнеполитических вызовов и угроз безопасности, исходящих из разных регионов мира, а стало быть, имеет дискурсивную природу. В изучении общественных представлений о безопасности и угрозах ей как части геополитического видения (или картины мира) значительную роль играет критическая геополитика. В соответствии с развитыми в рамках этого научного направления подходами геополитическое видение мира определяются не столько реальными обстоятельствами, сколько устойчивыми мифами, символами, стереотипами и меняющимися мнениями, конструируемыми элитами и распространяемыми СМИ, системой социализации новых поколений.

Реакцией на новые риски и «мягкие» угрозы, порожденные глобализацией (международный терроризм, пандемии, неконтролируемая миграция, наркотрафик и т.д.), стало усложнение общественных представлений о безопасности. Отныне в качестве субъекта и объекта обеспечения безопасности рассматривается далеко не только государство. Стерлись различия между внешней и внутренней политикой, различаются безопасность государства, его части, социальной группы, отдельного человека и целого макрорегиона.

Для приграничных регионов, многие из которых причислены к геостратегическим, в условиях «одержимости безопасностью» [33] особенно важно обострение диалектического противоречия между необходимостью обеспечения международных коммуникаций, в том числе облегчения условий внешнеэкономических связей и совершенствования их инфраструктуры, и усилением контроля над трансграничными потоками, их тщательной фильтрацией. Всеобъемлющее понимание безопасности оправдывает любые чрезвычайные меры и сверхцентрализацию власти. Сталкиваются традиционное понимание безопасности, основанное на ведущей роли государства в ее обеспечении, опирающегося на мощь аппарата принуждения,

включая военную силу, и постмодернистское понимание, основанное на десекуритизации, то есть дискурсе, лишаящем текущие проблемы ореола экзистенциальной угрозы социуму. В таком дискурсе на первый план выдвигается открытость, приграничное сотрудничество и взаимовлияние культур соседних стран, способствующих превращению пограничья в локомотивы развития, а взаимодействие между силами правопорядка и современными технологиями превращается в главное условие борьбы с «мягкими угрозами».

Тем самым интересы государства, широко использующего запретительные меры и так или иначе ограничивающего мобильность людей, капиталов, информации, прямо или косвенно противопоставляются интересам субъектов экономической деятельности, жителей пограничья, рядовых граждан. В результате государство представляется внешней враждебной силой, препятствующей онтологической безопасности — предсказуемости условий деятельности людей в пограничных регионах.

В реальности десекуритизация порубежья между Россией и ее западными соседями оказалась ограниченной, а в ряде случаев невозможной. Она в сильной степени зависела от способов разрешения дилеммы безопасности, суть которой заключается в том, что меры по ее обеспечению в одних странах воспринимаются как потенциальная угроза в других, порождая острые конфликты и ответные действия. На пограничных территориях интерпретация роли государства как «внешнего» или даже враждебного актора может накладываться на спонтанные процессы трансграничной регионализации, вызванные усилением экономических взаимодействий, или целенаправленные попытки соседних государств реструктурировать пространство, генерируя вызовы регионализма. Определенное пространство начинает восприниматься как целостная территория, границы которой не совпадают с государственными [34; 35]. Конкуренция за лояльность граждан между внешними и внутренними социальными и политическими акторами порождает межгосударственные конфликты, категорически несовместимые с десекуритизацией.

Таким образом, безопасность и уязвимость геостратегических территорий зависит не только от материальных факторов — состояния экономики и т.д., но и от идентичности граждан, которая складывается в том числе и из представлений о месте своего региона в России, его перспективах, значимости для страны, а также силах, влияющих на мировую политику, угрозах национальной безопасности и отношения к соседним странам. Противопоставление локальных идентичностей общенациональной, виктимизация исторического прошлого и политизация проблем настоящего, изменение ценностных ориентиров могут создать реальную угрозу целостности страны. Поэтому важны культурные якоря, обеспечивающие консолидацию и солидарность населения, его связь со страной и местом проживания, выстраивание добрососедских отношений с соседями.

Согласно широко известному высказыванию Эрнеста Ренана, «существование нации — это повседневный плебисцит» или, иными словами, постоянная борьба государства за лояльность своих граждан, осознание ими своей принадлежности к определенному сообществу, сохранение и обновление маркеров «свой — чужой». «Повседневный плебисцит» предполагает выявление характера и источников угроз, которые могут подорвать национальную (гражданскую) идентичность, будь то массовая миграция, отставание в уровне развития и качестве жизни, целенаправленные усилия внутренних или внешних сил. Важнейшим условием сохранения устойчивости национальной идентичности служат устойчивая коллективная память о про-

шлом, символический капитал: иконография, материальные знаки, такие как «места памяти», мемориалы, праздники, парады и другие ритуалы, необходимые для конструирования прочной связи прошлого и будущего [36; 37].

К числу геостратегических отнесены территории со сложным историческим прошлым. Некоторые из них или их части вошли в состав российского государства по историческим меркам сравнительно недавно. Существенную часть населения новых регионов и некоторых других геостратегических территорий составляют представители этнических групп, являющихся в соседней стране титульными. Многие геостратегические регионы — пограничные: их жители отличаются высокой пространственной и, в частности, трансграничной мобильностью, что потенциально способствует их восприимчивости к культурно-символическим вызовам, которые могут повлиять на их ценностные ориентации и идентичность. Наконец, геостратегические территории охватывают тесно взаимосвязанные республики Северного Кавказа с пестрым этническим составом населения и значительным конфликтогенным потенциалом, в том числе таящемся в противоречивой исторической памяти различных этнических групп, мифах и стереотипах. Эти факторы предполагают необходимость гибкого сочетания политики пространственного развития региона и предупреждения возможных негативных тенденций в его духовной жизни.

Заключение и выводы

Подведем итоги и попробуем дать определение геостратегических территорий. В западных странах этот термин так или иначе относится к внешнеполитической и военной деятельности государства, оценке им источников внешних угроз и уязвимостей, способности проецировать свое влияние на территории за пределами своих границ, поиск возможностей доминирования в своем регионе или в мире. Лишь в единичных работах внешние и внутренние факторы, определяющие важность определенных территорий для государства, не разделяются. Однако ныне уже невозможно рассматривать отдельно тесно переплетающиеся внешние и внутренние, материальные и нематериальные факторы, делающие территорию геостратегической, в отрыве от интерпретации национальной и других видов безопасности.

В России сравнительно широкое применение термин «геостратегический» получил совсем недавно благодаря разработке двух СПР, в которых так были названы значимые по разным причинам территории, составляющие объект еще одного направления региональной политики.

Подобно географическому положению, «геостратегические» свойства территории исторически изменчивы и преходящи. Они зависят от международной ситуации, технологий, в том числе военных и транспортных, социально-экономического развития и многих других факторов, и имеют, как и связанное с ним понятие безопасности, дискурсивную природу. Эти свойства «асимметричны»: определенная территория может быть геостратегической для одной страны, но «обычным» регионом — для другой.

Ряд критериев геостратегической важности территории типичен для многих стран:

- 1) изолированное положение по отношению к основной части страны, что предопределяет военную и экономическую уязвимость;
- 2) совпадение внешних и внутренних вызовов устойчивому развитию, а иногда и самому существованию территории в рамках государства;

3) размещение военных баз и/или предприятий военно-промышленного комплекса;

4) наличие уникальных природных ресурсов;

5) специфический состав населения и историческое прошлое;

6) фрустрация, культурная ущемленность, ощущение населением «заброшенности» своим государством, часто вкупе с наступательными стратегиями влиятельных внешних игроков в сфере символической политики;

7) высокая зависимость территории от государственной социальной и культурно-символической политики и инвестиций независимо от их прямой или косвенной окупаемости — например, в целях применения принципа эффективной оккупации, дающей право на признание владения территорией, укрепления поддержки местным населением, улучшения коммуникаций с труднодоступными регионами и т. д.;

8) общегосударственное символическое значение территории в целом, находящихся на ней поселений и мест памяти, их важность для национальной идентичности, повышенное внимание и чувствительность общественного мнения к событиям и судьбам региона (яркий пример — Крым).

По нашему мнению, нескольких критериев, из которых особенно существенны первые три, достаточно, чтобы отнести регион к геостратегическим. Однако привести исчерпывающий перечень таких критериев вряд ли можно.

Корень «гео-» указывает на изменчивость положения геостратегических территорий, их место в системе разнообразных отношений разного уровня (международных, двусторонних межгосударственных, макрорегиональных, межрегиональных, центр-периферийных, трансграничных, политико-культурных и др.), и стало быть, на источник уязвимостей, вызванных некоторыми из них. Волатильность многих видов экономических и политических отношений в нынешний период геополитической турбулентности усиливает мобилизацию сил и средств на адаптацию к происходящим изменениям и необходимость государственной «опеки» геостратегических территорий. В качестве примера можно привести муниципальные образования вдоль западной границы России, пострадавшие от санкций соседних стран ЕС.

Изменение положения муниципальных образований и поселений в пространстве отношений и потоков (внешнеторговых, транспортных, туристических и иных) меняет их иерархию и место в сетевых структурах, выдвигая на приоритетное место те из них, в которых, например, осуществляются важные хозяйственные проекты, которые вовлечены в производственно-сбытовые сети крупных компаний или в которых возросли военные риски. Внутрирегиональные различия, как правило, гораздо более контрастны, чем межрегиональные. Поэтому недостаточный их учет — явный пробел СПР [38].

Исходя из описанных свойств и критериев, геостратегические территории можно определить как высоко зависимые от государственной региональной политики территории, испытывающие влияние острых внешних и внутренних, материальных и нематериальных вызовов безопасности и устойчивому развитию в их сочетании.

Применение любого инструмента политики пространственного развития требует более строгого обоснования приоритетов, что прямо касается и геостратегических территорий. Хотя число таких территорий во второй СПР было несколько сокращено, проблема осталась: учитывая масштабы задач, трудно представить, что когда-либо удастся разработать программу сходной и равномерной поддержки всех 29 субъектов РФ, отнесенных к геостратегическим. Упомянутые в СПР-2024 геостратегические территории исключительно разнородны: в их

числе и самая крупная республика Северного Кавказа — Дагестан, и заполярная Мурманская область, и муниципалитеты вдоль западной границы страны. Поэтому требуется тонкая настройка планируемых мер на основе детального знания территории и анализа возможностей, путей и ограничений их развития в условиях внешнеполитического давления, экономического сдерживания и роста внутренних напряжений.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта гранта РНФ № 25-17-00277 «Геостратегические территории России: внешние и внутренние вызовы». Раздел «Геостратегические территории и национальная безопасность» подготовлен по теме Государственного задания ИГ РАН № 124032900015-3 (FMWS-2024-0008).

Список литературы

1. Кузнецова, О. В. 2019, Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем, *Пространственная экономика*, № 4, с. 107—125, EDN: PWBYDT, <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
2. Лексин, В. Н. 2019, Дороги, которые мы не выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»), *Российский экономический журнал*, № 3, с. 3—24, EDN: ZCPKNS, <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-3-3-24>
3. Михеева, Н. Н. 2018, Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок?, *ЭКО*, № 5 (527), с. 158—178, EDN: UPTHCQ, <https://doi.org/10.30680/ESCO131-7652-2018-5-158-178>
4. Зубаревич, Н. В. 2019, Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты, *Вопросы экономики*, № 1, с. 135—145, EDN: YTNWNF, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
5. Домнина, И. Н. 2020, «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 126—141, EDN: VELKJM, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10074>
6. Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. 2019, «Геостратегические территории» и «Точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации, *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, № 4, с. 7—23, EDN: MVVQYQ, <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10098>
7. Boulanger, P. 2023, *Introduction à la géostratégie*, Paris, La Découverte, 127 p.
8. Haushofer, K. 1934, *Weltpolitik von heute*, Berlin, Zeitgeschichte, 269 p.
9. Vigarié, A. 1989, *Géostratégie des océans*, Caen, Paradigme, 399 p.
10. Rosière, S. 2001, Géographie politique, géopolitique et géostratégie: distinctions opératoires, *L'information géographique*, vol. 65, № 1, p. 33—42.
11. Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Abingdon, Routledge, 272 p.
12. *Britannica Book of the Year 1957: A Record of the March of Events of 1956, 1957*, Chicago, Encyclopædia Britannica, 863 p.
13. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*, 1961, Gove, P. (ed.), Unabridged, Springfield, Merriam-Webster, 2718 p.
14. Бжезинский, З. 1986, *План игры: Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР*, Москва, Прогресс, 243 с.
15. Киссинджер, Г. 2018, *Мировой порядок*, Москва, 544 с.
16. Couteau-Bégarie, H. 1999, *Traité de stratégie*, Paris, Economica, 1005 p.
17. Nye, J. 2005, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York, Public Affairs, 191 p.
18. Venier, P. 2010, Main Theoretical Currents in Geopolitical Thought in the Twentieth Century, *L'Espace politique*, vol. 12, № 3, <https://doi.org/10.4000/espacepolitique.1714>

19. Сорокин, К. Э. 1996, *Геополитика современности и геостратегия России*, Москва, Российская политическая энциклопедия, 167 с.
20. Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 272.
21. Dolman, E. 2000, Geography in the Space Age: An Astropolitical Analysis, in: Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 83—107.
22. Tuathail, J. 2000, Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Security, in: Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 107—125.
23. Falcão Vieira, E., Milano Falcão Vieira, M. 2008, Geostrategy of economic spaces: Innovation and Change in Latin America Territorial Administration, *Journal of Technology Management and Innovation*, vol. 3, № 3, p. 142—150, <https://doi.org/10.4067/S0718-27242008000100014>
24. Lacoste, Y. 1991, *Géopolitique et géostratégie, Stratégique*, vol 2, № 50.
25. Лексин, В. Н. 2025, Государственная политика «удержания населения» на особо значимых территориях, *Регион: экономика и социология*, № 3 (127), с. 3—25, EDN: WOQQSH, <https://doi.org/10.15372/REG20250301>
26. Домнина, И. Н. 2020, «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6 с. 126—141, EDN: VELKJM, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10074>
27. Михеева, Н. Н. 2025, Приоритетные геостратегические регионы Стратегии пространственного развития России, *ЭКО*, № 3 (603), с. 40—55, EDN: OGYNO, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-40-55>
28. Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н. 2024, Стратегия пространственного развития России: этап радикального обновления, *Региональная экономика. Юг России*, т. 12, № 1, с. 4—14, EDN: ERWVNW, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.1.1>
29. Колосов, В. А., Вендина, О. И., Зотова, М. В., Савчук, И. Г., Гриценко, А. А., Крылов, М. П., Журженко, Т. Ю., Кирюхин, А. М., Герцен, А. А. 2011, *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства*, Москва, 352 с., EDN: SUOSZJ
30. Анисимов, А. М., Глинкина, С. П., Вардомский, Л. Б., Колосов, В. А., Баринов, С. Л., Вертинская, Т. С., Герцен, А. А., Головина, Е. Д., Гриценко, А. А., Евченко, Н. Н., Зотова, М. В., Кирюхин, А. М., Либман, А. М., Лобанов, М. М., Пылин, А. Г., Себенцов, А. Б., Тураева, М. О., Ушкалова, Д. И., Часовский, В. И. 2013, *Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины*, Доклад № 17, Санкт-Петербург, Евразийский банк развития, 100 с., EDN: UBDBVN
31. Пилясов, А. Н. 2025, Пространство, которое мы потеряли (о новой Стратегии пространственного развития России-2036), *ЭКО*, № 3 (603), с. 7—39, EDN: TRIPJP, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-7-39>
32. Пилясов, А. Н. 2024, Состав арктических территорий для государственной поддержки: куда идти?, *Арктика и Север*, № 56, с. 92—111, EDN: LHAZZZ, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.92>
33. Golunov, S. 2012, *EU-Russian Border Security. Challenges, (Mis)Perceptions and Responses*, London, Routledge, 208 p., EDN: UEIYBH, <https://doi.org/10.4324/9780203106969>
34. Панов, П. В. 2020, Многоликий регионализм, *Вестник Пермского университета. Политология*, т. 14, № 1, с. 102—115, EDN: GGUBXG, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
35. Scott, J. W. 2009, Bordering and Ordering the European Neighbourhood: A Critical Perspective on EU Territoriality and Geopolitics, *Trames. Journal of the Humanities and Social Sciences*, vol. 13, № 3, p. 232—247, <https://doi.org/10.3176/tr.2009.3.03>
36. Малинова, О. Ю. 2015, *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*, Серия: Россия. В поисках себя, Москва, 207 с., EDN: UIAXZD
37. Севастьянова, Я. В., Ефременко, Д. В. 2020, Секьюритизация памяти и дилемма меморической безопасности, *Политическая наука*, № 2, с. 66—86, EDN: SKUFEA, <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>

38. Дружинин, А.Г., Колосов, В.А. 2025, Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи, *Проблемы прогнозирования*, № 4 (211), с. 47 — 57, EDN: FOQRDB, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-47-57>

Об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

E-mail: kolosov@igras.ru

Ольга Ивановна Вендина, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3650-1299>

E-mail: o.vendina@gmail.com

Антон Алексеевич Гриценко, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9335-4761>

E-mail: antgriksenko@igras.ru

Мария Владимировна Зотова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9162-4932>

E-mail: zotova@igras.ru

Михаил Сергеевич Карпенко, научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-5262-944X>

E-mail: mike.ck@yandex.ru

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

E-mail: asebentsov@igras.ru

Никита Леонидович Туров, научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0000-0001-7611-4985>

E-mail: turov@igras.ru

GEOSTRATEGIC TERRITORIES: THE HISTORY OF THE CONCEPT, FEATURES, AND DEFINITION CRITERIA

V. A. Kolosov

O. I. Vendina

A. A. Gritsenko

M. V. Zotova

M. S. Karpenko

A. B. Sebentsov

N. L. Turov

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
29 Staromonetnyi Pereulok, Moscow, 119017, Russia

Received 28 August 2025

Accepted 12 January 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-1

© Kolosov V. A., Vendina O. I., Gritsenko A. A., Zotova M. V., Karpenko M. S., Sebentsov A. B., Turov N. L., 2026

The term ‘geostrategic territory’ was introduced in the Spatial Development Strategies of the Russian Federation, adopted in 2019 and 2024. However, the principles for identifying such territories remained ambiguous, with no clear priorities or differentiation criteria specified. This study aims to conduct a substantive analysis of the concept of geostrategy and its derivatives across various fields of scholarly knowledge, drawing on both international and Russian literature. Historically, in international scholarship, geostrategy was associated primarily with military geography and geopolitics. Today, geostrategic analysis encompasses not only the potential use of military force beyond national borders but also the pursuit of national interests through non-military means. In Russia, a strategic territory is defined as a region facing actual or potential external threats to its security, necessitating specific policy measures to eliminate or mitigate their consequences. The term ‘geostrategic territory’ refers to the sources of such threats — specifically, a territory’s position within a multi-scale spatial system of network structures. External challenges are closely intertwined with internal ones, including the need to overcome economic backwardness, poverty, depopulation, and related socio-economic problems. The analysis demonstrates that a geostrategic position is dynamic and historically contingent, shaped by the geostrategic characteristics of individual settlements and strategic facilities. At the same time, similar geostrategic properties may also characterise extensive macro-regions encompassing several administrative units (e. g., the Arctic or the Russian Far East). The assessment of geostrategic position is inherently discursive, depending not only on material factors but also on the civic identity of the population, including their perception of global political actors, assessment of national security threats, and attitudes toward neighbouring countries. The article concludes by proposing criteria for classifying geostrategic territories and offers a refined definition of the concept.

Keywords:

geostrategic territories, spatial development, strategic planning, national security, regional policy, geostrategy, geopolitics

Funding. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant № 25-17-00277) within the international project “Geostrategic territories of Russia: external and internal challenges”. Research for the section “Geostrategic Territories and National Security” was supported by the State Assignment of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (№ 124032900015-3, FMWS-2024-0008).

References

1. Kuznetsova, O. V. 2019, Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation, *Spatial Economics*, № 4, p. 107—125, doi: 10.14530/se.2019.4.107-125
2. Leksin, V. N. 2019, The roads that we do not choose (On the Government “Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025”), *Russian Economic Journal*, № 3, p. 3—24, <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-243>
3. Mikhееva, N. N. 2018, Strategy of spatial development: new stage or repetition of old mistakes?, *EKO = ECO*, № 5, p. 158—178, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-5-158-178>
4. Zubarevich, N. V. 2019, Spatial development strategy: priorities and instruments, *Voprosy Ekonomiki*, № 1. p. 135—145, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
5. Domnina, I. N. 2020, “Geostrategic territory” as a form of spatial regulation of the economy, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 126—141, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10074>
6. Ivanov, O. B., Buchwald, E. M. 2019, “Geo-strategic territories” and “points of growth” in the strategy of spatial development of the Russian Federation, *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, № 4, p. 7—23, <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10098>
7. Boulanger, P. 2023, *Introduction à la géostratégie*, Paris, La Découverte, 127 p.
8. Haushofer, K. 1934, *Weltpolitik von heute*, Berlin, Zeitgeschichte, 269 p.
9. Vigarié, A. 1989, *Géostratégie des océans*, Caen, Paradigme, 399 p.
10. Rosière, S. 2001, Géographie politique, géopolitique et géostratégie: distinctions opératoires, *L'information géographique*, vol. 65, № 1, p. 33—42.
11. Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Abingdon, Routledge, 272 p.
12. *Britannica Book of the Year 1957: A Record of the March of Events of 1956, 1957*, Chicago, Encyclopædia Britannica, 863 p.
13. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*, 1961, Gove, P. (ed.), Unabridged, Springfield, Merriam-Webster, 2718 p.
14. Brzezinski, Z. 1986, *Game Plan: Geostrategic Structure of the Struggle between the USA and the USSR*, Moscow, Progress, 243 p. (in Russ.).
15. Kissinger, H. 2015, *World order*, New York, 432 p.
16. Couteau-Bégarie, H. 1999, *Traité de stratégie*, Paris, Economica, 1005 p.
17. Nye, J. 2005, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York, Public Affairs, 191 p.
18. Venier, P. 2010, Main Theoretical Currents in Geopolitical Thought in the Twentieth Century, *L'Espace politique*, vol. 12, № 3, <https://doi.org/10.4000/espacepolitique.1714>
19. Sorokin, K. E. 1996, *Geopolitics of Modernity and Geostrategy of Russia*, Moscow, Russian Political Encyclopedia, 167 p. (in Russ.).
20. Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 272.
21. Dolman, E. 2000, Geography in the Space Age: An Astropolitical Analysis, in: Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 83—107.

22. Tuathail, J. 2000, Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Security, in: Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 107—125.
23. Falcão Vieira, E., Milano Falcão Vieira, M. 2008, Geostrategy of economic spaces: Innovation and Change in Latin America Territorial Administration, *Journal of Technology Management and Innovation*, vol. 3, № 3, p. 142—150, <https://doi.org/10.4067/S0718-27242008000100014>
24. Lacoste, Y. 1991, Géopolitique et géostratégie, *Stratégique*, vol 2, № 50.
25. Leksin, V.N. 2025, The public policy of “population retention” in particularly significant territories, *Region: Economics and Sociology*, № 3 (127), p. 3—25, <https://doi.org/10.15372/REG20250301>
26. Domnina, I.N. 2020, “Geostrategic territory” as a form of spatial regulation of the economy, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 126—141, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10074>
27. Mikheeva, N.N. 2025, Priority geostrategic regions of spatial development strategies for Russia, *EKO=ECO*, № 3, p. 40—55, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-40-55>
28. Buchwald, E.M., Valentik, O.N. 2024, Spatial development strategy: stage of radical renewal, *Regional Economy. South of Russia*, vol. 12, № 1, p. 4—14, <https://doi.org/10.15688/re.vol-su.2024.1.1>
29. Kolosov, V.A., Vendina, O.I., Zotova, M.V., Savchuk, I.G., Gritsenko, A.A., Krylov, M.P., Zhurzhenko, T.Yu., Herzen, A.A. 2011, *Russian-Ukrainian borderland: twenty years of separated unity*, Moscow, 352 p., EDN: SUOSZJ
30. Anisimov, A.M., Glinkina, S.P., Vardomsky, L.B., Kolosov, V.A., Barinov, S.L., Vertinskaya, T.S., Gertsen, A.A., Golovina, E.D., Gritsenko, A.A., Evchenko, N.N., Zotova, M.V., Kiryuhin, A.M., Libman, A.M., Lobanov, M.M., Pylin, A.G., Sebentsov, A.B., Turaeva, M.O., Ushkalova, D.I., Chasovsky, V.I. 2013, *Trans-border cooperation in the regions of Russia, Belarus and Ukraine*, St. Petersburg, Eurasian Development Bank, 100 p. (in Russ.), EDN: UBDBVN
31. Pilyasov, A.N. 2025, The space we lost (on the new strategy for spatial development of Russia-2036), *EKO=ECO*, № 3, p. 7—39, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-7-39>
32. Pilyasov, A.N. 2024, Composition of Arctic territories for state support: which way to choose?, *Arctic and North*, № 56, p. 92—111, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.92>
33. Golunov, S. 2012, *EU-Russian border security: Challenges, (mis)perceptions, and responses*, EU Russian Border Security Challenges Misperceptions and Responses, 208 p., <https://doi.org/10.4324/9780203106969>
34. Panov, P.V. 2020, Multifaced regionalism, *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 14, № 1, p. 102—115, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
35. Scott, J.W. 2009, Bordering and Ordering the European Neighbourhood: A Critical Perspective on EU Territoriality and Geopolitics, *Trames. Journal of the Humanities and Social Sciences*, vol. 13, № 3, p. 232—247, <https://doi.org/10.3176/tr.2009.3.03>
36. Malinova, O.Yu. 2015, *The Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity*, Series: Russia. In Search of Oneself, Moscow, 207 p. (in Russ.).
37. Sevastianova, Y., Efremenko, D. 2020, Securitization of memory and dilemma of mnemonic security, *Political Science (RU)*, № 2, p. 66—86, <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>
38. Druzhinin, A.G., Kolosov, V.A. 2025, Spatial Development Strategy for Russia Up to 2030: Innovations and Tasks for Solution, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 36, № 4, p. 466—473, <https://doi.org/10.1134/s1075700725700194>

The authors

Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Head of the Geopolitical Research Laboratory, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

E-mail: kolosov@igras.ru

Dr **Olga I. Vendina**, Leading Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3650-1299>

E-mail: o.vendina@gmail.com

Dr **Anton A. Gritsenko**, Senior Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9335-4761>

E-mail: antgritsenko@igras.ru

Dr **Mariya V. Zotova**, Senior Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9162-4932>

E-mail: zotova@igras.ru

Mikhail S. Karpenko, Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-5262-944X>

E-mail: mike.ck@yandex.ru

Dr **Aleksandr B. Sebentsov**, Senior Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

E-mail: asebentsov@igras.ru

Nikita L. Turov, Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0000-0001-7611-4985>

E-mail: turov@igras.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ОУНОАФ

МЕСТО И РОЛЬ СТРАН БАЛТИИ В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ США

А. В. Юрк

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова
Российской академии наук,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 28.08.2025 г.
Принята к публикации 28.11.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-2
© Юрк А. В., 2026

Статья посвящена анализу места и роли стран Балтии в политике США в контексте трансформации трансатлантических отношений. В научной литературе данная тема освещена фрагментарно, что определяет актуальность исследования. Цель работы состоит в том, чтобы выявить, какие факторы определяли положение Литвы, Латвии и Эстонии в стратегии Вашингтона с момента обретения ими независимости и как сами Прибалтийские государства использовали взаимодействие с США для укрепления собственной безопасности и продвижения национальных интересов. Методологически исследование опирается на сравнительный анализ двух основных сфер: политико-дипломатической и военно-политической. Теоретическую основу составляют положения теории альянсов и исследований внешней политики малых государств, подчеркивающие их двойственный характер — зависимость от великих держав и способность оказывать на них влияние. Основные результаты показывают, что США рассматривают страны Балтии как «передовой рубеж» сдерживания России, усиливая свое военное присутствие и инфраструктуру в субрегионе, в то время как сами Прибалтийские страны активно продвигают антироссийскую повестку и добиваются расширенной поддержки со стороны Вашингтона. Таким образом, Прибалтийские государства выступают одновременно как инструменты и как самостоятельные агенты в рамках политики США, что соответствует теоретическим представлениям о роли малых государств в асимметричных альянсах.

Ключевые слова:

США, страны Балтии, НАТО, ЕС, трансатлантические отношения

Введение

Страны Балтии занимают особое место в политике США в отношении стран постсоветского пространства. Соединенные Штаты с самого начала не признавали вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. На этом фоне и в условиях обоюдного стремления к сближению Вашингтон после развала СССР взял курс на интеграцию Прибалтийских государств в евроатлантическое пространство.

Для цитирования: Юрк, А. В. 2026, Место и роль стран Балтии в трансатлантической политике США, Балтийский регион, т. 18, № 1, с. 23–39, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-2

Как справедливо пишет про страны Балтии В. Воротников, «трудно среди бывших советских республик найти государства, столь последовательно и неуклонно, нередко в ущерб собственному экономическому развитию, стремившиеся все эти годы к сознательному разрыву со своим прошлым и целенаправленной внешнеполитической и внешнеэкономической переориентации на Запад» [1, с. 133]. Вместе с тем США «благодаря не столько собственным амбициям, сколько потребностям их новых союзников по НАТО с их постоянным ощущением неизбежного “российского реванша” получили шанс стать одним из главных игроков в Балтийском регионе» [2, с. 5].

Значение отношений со странами Балтии для США значительно возросло после начала украинского кризиса в 2014 г., а затем в 2022 г. после начала специальной военной операции России на Украине. Регион Балтийского моря и в особенности три бывшие советские республики стали восприниматься как место возможного прямого военного столкновения России и НАТО. Прибалтийские страны стали одними из главных защитников Украины и сторонников максимально жестких мер в отношении России в трансатлантическом сообществе. Наконец, в среде американского внешнеполитического истеблишмента часто стали проводиться параллели между прибалтийским и украинским кейсами, сводящиеся к утверждениям, что США никогда не признают вхождение в состав России Крыма и новых регионов, как не признавали присоединение стран Балтии к СССР¹. В российском дискурсе по этой причине они часто стали восприниматься как полностью зависимые от США малые государства. Однако в этой связи возникает ряд вопросов: какое место отводилось Соединенными Штатами странам Балтии в контексте евроатлантических отношений и обострения российско-американских противоречий? Какую роль они были призваны играть среди европейских государств? Наконец, появляется и обратный вопрос — до какой степени взгляды и стремления прибалтийских элит повлияли на изменение внешнеполитического курса США на европейском и российском направлениях?

Проблематика отношений между США и странами Балтии неоднократно поднималась в научной литературе. В то же время отдельных исследований, посвященных данной конкретной теме, наберется не так много. Среди таковых можно выделить лишь работы А. Банки [3; 4], Г. Якстайте [5] и М. Варгулиса [6], которые предлагают региональную перспективу анализа данной проблематики. Впрочем, данная тема не раз освещалась в работах по политике США [2; 7] и НАТО в Балтийском регионе в целом [8; 9], отношениям России с Прибалтийскими государствами [10], политике стран Балтии [11; 12], а также роли, которую они играют в рамках Европейского союза [13; 14]. Однако комплексных работ по осмыслению изменений в политике США в отношении стран Балтии, в особенности после 2022 г., еще не появилось. Данная работа призвана заполнить имеющийся пробел в литературе.

Теоретико-методологические рамки исследования

С методологической точки зрения статья основывается на проведении сравнительного анализа взаимодействия между США и странами Балтии по двум ключевым направлениям: политико-дипломатическому и военно-политическому. Это позволяет нам определить, как и под влиянием каких факторов трансформировались место и роль стран Балтии во внешней политике США.

Кроме того, в работе использовались отдельные элементы теории альянсов и подходов к изучению внешней политики малых государств. Проблема взаимо-

¹ См., например: *Game-Changer: The Baltics Under Pressure, 2022, Commission on Security and Cooperation in Europe*, p. 5, URL: <https://www.csce.gov/hearings/game-changer/> (дата обращения: 06.07.2025).

действия великих и малых держав не находится в фокусе данных теоретических направлений, тем не менее ей уделяется значительное внимание. Так, С. Уолт в книге «Происхождение альянсов» развивает идею К. Уолтца о «балансировании» и «примыкании», предполагая, что малые государства имеют тенденцию примыкать к наиболее сильной державе [15, р. 29—30]. По мнению Р. Ротстейна, ключевое различие между великими и малыми державами заключается в том, что последние «не могут обеспечить собственную безопасность своими средствами» и потому вынуждены полагаться на помощь других государств [16, р. 29].

В то же время, как пишет Р. Кеохейн, «малые страны, расположенные на границах альянса, могут вести самостоятельную активную, мощную и временами буйную политику», а также «использовать альянсы для того, чтобы оказывать влияние на американскую политику и изменять американские походы к политике» [17, р. 162—163]. Стоит отметить также подход Б. Позена, который отмечал, что средние и малые державы, являющиеся союзниками США, нередко прибегают к двум стратегиям: «безбилетничеству» (*cheap riding*) и «безрассудному поведению» (*reckless behavior*), обе из которых направлены на манипулирование своим могущественным союзником¹.

Таким образом, не только великие державы, согласно распространенной логике, используют малые государства в своих целях, но и сами малые государства стремятся оказать влияние на своих покровителей и заставить их действовать в своих интересах. Наиболее точно подобную двойственность выразил В. Смирнов. По его словам, малые государства выступают «в качестве агента крупного(-ых) игрока(-ов) с определенной функциональной специализацией с целью приобретения элитой малого государства ресурсов, статуса и гарантий со стороны “империи”, которые затем можно использовать в своих интересах». По мнению В. Смирнова, «данный процесс далеко не всегда обретает форму прямых договоренностей, но это не отменяет реализацию данного обмена как такового, даже если он происходит негласно, путем молчаливой координации “империи” и ее “младших” партнеров». В то же время, он отмечает, что «элиты малых государств стремятся использовать (а нередко и стимулировать) принятие крупными государствами определенных обязательств и делегирование полномочий» [19, с. 138—139].

В этом контексте стоит упомянуть концепт евроатлантической архитектуры безопасности, внутри которой и развиваются отношения между США и странами Балтии. Безусловно, большое значение для нее имеют образующие ее институты, главным образом НАТО и ЕС, однако в контексте нашей работы наиболее важен другой ее аспект. Доминирование в ней Соединенных Штатов, а также ее эксклюзивный характер создают условия для развития конкуренции между странами-участницами за внимание Вашингтона в надежде получить «доступ к ушам» членов американского внешнеполитического истеблишмента, а вместе с этим — определенные материальные возможности, преференции и полномочия в рамках данной структуры.

Политико-дипломатическое направление

В начале 1990-х гг. после провозглашения Эстонией, Латвией и Литвой своей независимости США открыто выразили стремление к их интеграции в евроатлантические структуры. В начале 1994 г. страны Балтии стали членами программы

¹ Классификация дана по [18, р. 33—50]. Суть «безбилетничества» заключается в том, что страны не прикладывают достаточно усилий для обеспечения собственной безопасности, а «безрассудного поведения» — в том, что они предпринимают действия, которые могут навредить не только их собственным интересам, но и интересам США.

НАТО «Партнерство во имя мира», запущенной по американской инициативе, а уже через десять лет стали полноправными членами НАТО и — не без американской поддержки — ЕС. Кроме того, США стремились поддерживать и двусторонние отношения с новыми государствами Балтийского региона. В 1998 г. президент У. Клинтон и лидеры трех Прибалтийских государств подписали «Балтийскую хартию», провозглашавшую курс на построение «особых отношений» между США и странами Балтии¹.

В истории американо-балтийских отношений следует выделить два важных, системообразующих момента. Во-первых, начиная с президента Дж. Буша-ст. США использовали Литву, Латвию и Эстонию в качестве наглядного примера успехов своей политики в различных сферах. Сначала, когда мир вступил в эпоху однополярности и очередной волны демократизации, успехи стран Балтии в переходе к западной модели рыночной демократии стали демонстрацией превосходства американских ценностей, капитализма и нового мирового порядка [20]. При первой администрации Д. Трампа, настаивавшего на увеличении оборонных расходов стран НАТО до 2 %, страны Балтии, после 2014 г. начавшие резко увеличивать свои военные бюджеты, стали членами так называемого «клуба двухпроцентников» и стали позиционироваться как пример для остальных европейских стран [3, р. 167].

Во-вторых, сами Прибалтийские государства во многом стали строить свою внешнюю политику, исходя из необходимости привлечь внимание США и заслужить их признательность, чтобы взамен усилить вовлеченность американцев в обеспечение собственной безопасности. Для этого военнослужащие Прибалтийских государств принимали активное (по меркам своих возможностей) участие в возглавляемых США военных операциях в Афганистане и Ираке [21, р. 66]. Подобная политика проводилась ими с целью получить доступ к большему влиянию и возможностям по формулированию западной повестки дня [4, р. 167]. Что интересно, американские политические, дипломатические и военные круги прекрасно понимали готовность стран Балтии пойти на все ради благосклонности со стороны Вашингтона и охотно этим пользовались. Более того, подобный проамериканизм прибалтийских элит получал крайне позитивные оценки не только в официальных заявлениях американских официальных лиц, но и в частных разговорах и закрытых документах [4, р. 171 — 172].

Стоит также отметить и внутривнутриполитические связи между США и странами Балтии. В Вашингтоне активно действует сообщество балтоамериканцев, объединенное в Совместный балтоамериканский национальный комитет. Свою малочисленность они компенсируют взаимодействием с другими сообществами выходцев из стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), прежде всего с польским лобби [22, р. 883]. Их активная деятельность привела к формированию в 1997 г. в Конгрессе двухпартийного Балтийского кокуса, который занимается постоянной законодательской деятельностью.

Со своей стороны американские политики также широко участвовали в формировании внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии, в особенности ее проамериканского курса. Достаточно отметить, что на рубеже 1990 — 2000-х гг. президентами всех трех Прибалтийских государств были выходцы из Америки. Члены Конгресса США также активно помогали странам Балтии в формировании евроатлантической политики. В качестве яркого примера их значимости для этого процес-

¹ The Baltic Charter, 1998, *U.S. Department of State*, URL: https://1997-2001.state.gov/www/regions/eur/ch_9801_baltic_charter.html (дата обращения: 09.07.2025).

са можно привести высказывание эстонского посла в Вашингтоне, который охарактеризовал двухпартийную комиссию Конгресса по НАТО как «нашу гувернантку» [22, р. 887].

Несомненно, одной из самых важных тем в американо-балтийских отношениях является российская проблематика. Здесь в период до 2022 г. можно выделить два этапа, характеризующиеся двумя разнонаправленными тенденциями: с одной стороны, США стремились способствовать конструктивному взаимодействию стран Балтии с Россией в целях нейтрализации негативного эффекта интеграции стран Балтии в евроатлантические структуры, а с другой — противодействовали расширению влияния Москвы в регионе. На первом этапе, в период с 1990-х по 2014 г., в Вашингтоне доминировал первый подход, со временем постепенно уступавший место второму. После разгоревшегося в 2013—2014 гг. украинского кризиса в Вашингтоне окончательно возобладали второй подход, способствовавший превращению Литвы, Латвии и Эстонии из «посредников» в «привратников» и «миссионеров»¹. При этом стоит отметить, что в американских экспертных и политических кругах даже после 2014 г. сохранялись приверженцы необходимости сохранения диалога стран Балтии с Россией².

Отдельного внимания в рамках данного раздела заслуживает внешнеполитическая ниша «миссионера», активно эксплуатируемая Прибалтийскими государствами. После обострения противоречий между странами Запада и Россией они начали не без успеха позиционировать себя в рамках евроатлантического сообщества как эксперты по России, которые обладают и всегда обладали большим пониманием действий Москвы и «20 лет предупреждали [Запад]» о якобы планировавшихся ею агрессивных действиях³. Подобный подход нашел благодатную почву в США в лице антироссийски настроенных ветеранов Холодной войны и неоконсерваторов, и, таким образом, распространяемый странами Балтии вместе с другими странами ЦВЕ антироссийский дискурс частично повлиял на ужесточение американской позиции в отношении России.

В то же время в период между 2014 и 2022 гг. прибалтийские элиты не до конца были довольны российским направлением внешней политики США. Риторика Вашингтона все еще «заметно отличалась от конфронтационного подхода, предпочитаемого Польшей, странами Балтии и [генеральным секретарем НАТО А. Ф.] Расмуссеном», поскольку не изображала Россию как «угрозу американской безопасности» [23, р. 231]. Это свидетельствует о том, что до 2022 г. влияние стран Балтии на российскую политику США все еще не было настолько сильным, даже при наличии на этом фронте ряда союзников.

Стоит отметить еще два направления взаимодействия между США и странами Балтии в области внешней политики. Первым из них является непосредственно европейское направление. Литва, Латвия и Эстония здесь выступают в качестве ««клина» между Европой и Россией» и ««агентами влияния» [США] в Евросоюзе» [24, с. 21], а также как «инструмент «воспитания» союзников по НАТО, которые не всегда желают... выделять достаточные суммы на нужды обороны» [2, с. 30].

¹ Характеристика внешнеполитических ниш малых государств приводится по [19, с. 138]. Под «посредником» подразумевается страна-транзитер, соединяющая различные пространства-«империи», под «привратником» — форпост, препятствующий распространению влияния на «империю» других крупных государств, а под «миссионером» — агитатор или эксперт по сопредельным странам, транслирующий на них влияние «империи».

² U. S. Policy Toward the Baltic States, 2017, *U. S. House of Representatives Committee on Foreign Affairs*, p. 8, URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115hhrg24752/pdf/CHRG-115hhrg24752.pdf> (дата обращения: 21.08.2025).

³ Ibid. P. 40.

Со своей стороны прибалтийские элиты пытаются мягко балансировать между экономическими интересами, связанными с ЕС, и интересами безопасности, связанными с США.

Второе направление, проявившееся в американо-балтийских отношениях лишь в последнее десятилетие, — это китайский фактор. Изначально страны Балтии вместе с другими европейскими сторонниками трансатлантизма не хотели признавать объективный характер американского «поворота в Азию» [13, с. 30]. Впрочем, затем к ним пришло осознание того, что «США неизбежно будут оценивать своих европейских союзников по уровню поддержки, которую они предлагают в рамках противодействия возвышению Китая» [4, р. 175]. В итоге, найдя очередной способ привлечь к себе внимание Вашингтона, Прибалтийские государства начали проводить в отношении Китая даже более жесткую политику, нежели американская сторона. Наиболее ярким проявлением этого стала позиция Литвы, которая сначала вышла из формата «17+1», созданного КНР для взаимодействия со странами ЦВЕ, а затем открыла у себя представительство Тайваня, чем заслужила одобрение США. По мнению А. Ласта, одной из основных причин подобного поведения стало именно желание продемонстрировать свою солидарность с Вашингтоном по китайскому вопросу [25]. Неудивительно, что в Китае литовский демарш был воспринят как желание Вильнюса строго следовать в русле политики США [26, р. 386].

После 2022 г. указанные тенденции в американо-прибалтийских отношениях начали неуклонно развиваться в сторону упрочения связей между сторонами. Положение Литвы, Латвии и Эстонии на границе с Россией в сложившихся обстоятельствах укрепило их положение «прифронтовых государств», эксплуатируемое ими с 2014 г., и приковало к ним внимание американского внешнеполитического истеблишмента. Существенное увеличение военных бюджетов до 3—4 % ВВП, а также передача военного и другого имущества Украине на сумму величиной в 1,2—1,5 % ВВП повысило их статус «образцовых союзников» и примера для всех остальных стран НАТО, что было неоднократно отмечено в США на самом высоком уровне.

Балтийский кокус также заметно интенсифицировал свою деятельность. В период с 2022 по 2025 г. его численность увеличилась с 73 конгрессменов и 14 сенаторов США до 106 и 21 соответственно¹. Членами кокуса был разработан целый ряд законопроектов, таких как «Закон об обороне и сдерживании на Балтике» (*Baltic Defense and Deterrence Act*), «Закон о гарантиях странам Балтии» (*Baltic Reassurance Act*) и «Закон о Балтийской инициативе в области безопасности» (*Baltic Security Initiative Act*). Они предполагали увеличение поддержки стран Балтии через финансирование, модернизацию инфраструктуры и повышение совместных военных возможностей в рамках НАТО и двусторонних программ. Впрочем, ни один из этих законопроектов так и не был принят, что наглядно демонстрирует пределы возможностей балтийского лобби.

Значимость стран Балтии как «экспертов по России» и источников разведанных о положении дел у границ НАТО, а также на Украине резко возросла. Кроме того, они стали значительно чаще предоставлять возможность для пролетов американских самолетов-разведчиков и БПЛА у границ с Россией [27]. Изменилась также их роль в европейском сообществе: если раньше крупнейшие страны ЕС, такие как Германия и Франция, были скорее склонны к сотрудничеству с Москвой, то теперь именно точка зрения стран ЦВЕ, включая страны Балтии, на отношения с Россией стала доминирующей в европейском дискурсе [28, р. 544]. Дополнительный вес

¹ Baltic Caucus, 2025, *The Joint Baltic American National Committee*, URL: <https://jbanc.org/baltic-caucus/> (дата обращения: 02.10.2025).

странам Балтии в Европе придало избрание трех их представителей — К. Каллас, А. Кубилюса и В. Домбровскиса — на одни из важнейших постов в Еврокомиссии — верховного представителя по иностранным делам, комиссара по обороне и комиссара по экономике соответственно. Подобное развитие событий стало логичным продолжением стратегии Вашингтона по «вбиванию клина» в отношения между Россией и Европой.

С другой стороны, прибалтийские союзники США были не до конца довольны чрезмерно осторожной, по их мнению, политикой администрации Дж. Байдена в отношении украинского кризиса, направленной на предотвращение эскалации в российско-американских отношениях. Официальные представители избегали публичного выражения несогласия друг с другом в стремлении не наносить удар по трансатлантическому единству. Впрочем, по утверждениям *The Wall Street Journal*, президенту Дж. Байдену приходилось оказывать давление на прибалтийских союзников из-за их чрезмерной антироссийской риторики¹. Вынести возникшие противоречия в публичную плоскость представители политических элит стран Балтии и других государств ЦВЕ решились лишь в сентябре 2024 г., опубликовав открытое письмо к Дж. Байдену. В нем они предупреждали, что американский президент «запятнает свое наследие», если не снимет ограничения на использование ВСУ западного оружия, не передаст Украине 300 танков «Абрамс» и 1000 БМП «Брэдли» и не поддержит вхождение в НАТО Японии, Австралии, Южной Кореи, Филиппин и «любой другой демократической страны»².

Включение в письмо последнего пункта, касающегося стран Азиатско-Тихоокеанского региона, может быть продиктовано двумя причинами. С одной стороны, это развитие тенденции предыдущих лет, в рамках которой страны Балтии перешли к антикитайской политике в рамках стратегии по привлечению внимания США. Так, в августе 2022 г. Латвия и Эстония последовали примеру Литвы и вышли из формата «16 + 1», заслужив одобрение Вашингтона. Показательно также заявление министра иностранных дел Литвы Г. Ландсбергиса, обвинившего Китай в попытке «заменить *Pax Americana* на *Pax Sinica*», новый миропорядок, в котором будет действовать правило «кто сильный, тот и прав»³ и в котором, очевидно, страны Балтии не чувствовали бы себя так комфортно. Другая причина, также повторяющая американскую риторику, — это усилившееся на фоне специальной военной операции сотрудничество России и Китая, к тому же воспринимающееся в странах Балтии как прямая угроза собственной безопасности.

Таким образом, США и страны Балтии активно пытались использовать друг друга в своих интересах. Однако стороны находились в неравном положении. Если Прибалтийские государства были склонны к выполнению любых просьб и принятию на себя ролей, которые были необходимы Вашингтону, то в обратную сторону это срабатывало несколько хуже. США во многих моментах не шли на поводу у стран Балтии и кооперирующихся с ними других стран ЦВЕ, поскольку это грозило серьезным ухудшением отношений с Россией и, соответственно, обострением

¹ Thomas, K., Pancevski, B. 2023, President Biden Discusses Ukraine Strategy With Germany's Olaf Scholz, 04.03.2023, *The Wall Street Journal*, URL: <https://www.wsj.com/articles/president-biden-discusses-ukraine-strategy-with-germanys-olaf-scholz-2c940a7f> (дата обращения: 13.07.2025).

² Dupuis, O. 2024, Open letter: President Biden, this is how you can uphold your legacy by supporting Ukraine, 27.09.2024, *The Kyiv Independent*, URL: <https://kyivindependent.com/open-letter-president-biden-this-is-how-you-can-uphold-your-legacy-by-supporting-ukraine/> (дата обращения: 13.07.2025).

³ Varadarajan, T. 2023, Little Lithuania Stands Tall Against Russia and China, 05.05.2023, *The Wall Street Journal*, URL: <https://www.wsj.com/world/lithuania-stands-against-russia-and-china-landsbergis-taiwan-ukraine-war-362976d3?> (дата обращения: 14.07.2025).

ситуации в Европе, которое отвлекало бы США от более важных внешнеполитических вопросов, таких как «разворот в Азию». В то же время прибалтийский дискурс о России находил в Вашингтоне благодарных слушателей в лице многих американских политиков и экспертов, тем самым постепенно изменяя российское направление внешней политики США.

Военно-политическое направление

Другое направление нашего анализа — военно-политическое взаимодействие между США и странами Балтии. Возвращаясь к периоду 1990-х гг., стоит отметить, что изначально Министерство обороны США выступало против столь скорого приема в НАТО Литвы, Латвии и Эстонии. Пентагон был разочарован военными возможностями принятых ранее в Альянс более крупных и промышленно развитых Венгрии и Чехии [22, р. 22]. В этих условиях нежелание американских военных брать на себя ответственность за Прибалтийские страны выглядит более чем оправданным. Тем не менее политическое решение по расширению было принято, и возращения военных не были взяты в расчет.

Опасения Минобороны были не напрасными — страны Балтии в силу экономических трудностей первых лет независимости требовали серьезной поддержки извне. США ожидаемо стали играть здесь решающую роль, оказывая им помощь по программе Иностранного военного финансирования (FMF), распространявшейся главным образом на обучение военнослужащих, а также на поставки военной техники и оборудования. Кроме того, США безвозмездно передавали странам Балтии устаревшую или обновляемую военную технику [29, с. 11].

С течением времени финансирование данных программ неизбежно сокращалось. В то же время усиливалась непосредственно военная составляющая американо-прибалтийского взаимодействия. Как стало известно в 2010 г. из опубликованных группировкой *WikiLeaks* депеш Госдепартамента, по настоянию США и Германии в НАТО был принят секретный военный план «Орел-защитник» (*Eagle Protector*), направленный на оборону Польши, Литвы, Латвии и Эстонии в случае возможной военной агрессии против этих стран. Примечательно, что в этот раз инициатива разработки плана исходила от военных, тогда как американские дипломаты опасались создания на этом фоне «ненужной напряженности» в отношениях с Россией. Изначально субъектом защиты в рамках данного плана выступала исключительно Польша, тогда как страны Балтии были добавлены в него после неоднократных просьб о предоставлении им более существенных гарантий безопасности в виде конкретных оборонных планов¹.

После начала украинского кризиса в 2014 г. оборонное взаимодействие между США и Прибалтийскими государствами, как прямое, так и в рамках НАТО, резко активизировалось. В первую очередь модернизировалась институционально-правовая основа военного сотрудничества. Первой ласточкой на этом направлении стал запущенный в 2016 г. Американо-балтийский диалог, посвященный различным вопросам региональной безопасности и укреплению оборонного сотрудничества между США и странами Балтии.

В 2017 г. Вашингтон подписал с Прибалтийскими государствами Соглашения о сотрудничестве в области обороны. Они представляют собой унифицированные документы, предоставляющие американским вооруженным силам широкие операционные возможности на территории Литвы, Латвии и Эстонии. Эти соглашения

¹ Traynor, I. 2010, *WikiLeaks cables reveal secret Nato plans to defend Baltics from Russia*, 06.12.2010, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/dec/06/wikileaks-cables-nato-russia-baltics> (дата обращения: 05.08.2025).

были призваны обеспечить США неограниченный доступ к согласованным военным объектам, право предварительного размещения и хранения военной техники, проведения учений и строительства инфраструктуры с минимальными ограничениями со стороны принимающих стран. Документы фактически создали правовую основу для долгосрочного военного присутствия США в регионе, предоставляя американскому персоналу и технике широкие правовые льготы и свободу передвижения. В совокупности эти соглашения превратили страны Балтии в передовую военную базу США у границ России с возможностью быстрого развертывания сил и проведения операций¹.

Кроме того, в аналогичном двустороннем формате в 2019 г. США и страны Балтии подписали дорожные карты сотрудничества в области безопасности. Они имели несколько меньший размах и были призваны подчеркнуть конкретные приоритеты данного сотрудничества. В их число входили сохранение военного присутствия США в субрегионе, оказание помощи странам Балтии в совершенствовании их военных возможностей, регулярное проведение учений и обмена опытом, а также взаимодействие в сфере кибербезопасности².

Военное сотрудничество между США и странами Балтии имело и конкретное денежное выражение. Так, в период с 2015 по 2021 г. США выделили Литве, Латвии и Эстонии:

- 250 млн долл. по программе FMF;
- около 25 млн долл. в рамках программы Международного военного образования и подготовки;
- 605,5 млн долл. в рамках статьи 10 USC на обучение и оснащение вооруженных сил.

За этот же период Прибалтийские государства закупили в США оборонной продукции и услуг на общую сумму 503,9 млн долл. в рамках программы Зарубежных военных продаж (FMS), а также на 346,3 млн долл. в рамках программы Прямых коммерческих продаж (DCS)³. Важно отметить, что суммы выделенных денег и денег, затраченных на закупки вооружений, практически совпадают — 880 и 850 млн долл. соответственно, что неудивительно, учитывая, что данные гранты и займы выдаются Вашингтоном именно на закупки в США. Таким образом, переданные Соединенными Штатами средства не были потрачены зря, а вернулись в американскую экономику.

Кроме того, в 2020 г. Министерством обороны была создана Балтийская инициатива в области безопасности (BSI). Согласно ей, на 2021 финансовый год странам Балтии было выделено 169 млн долл., главным образом на развитие средств ПВО, сухопутных сил и осведомленности о морском пространстве⁴. Тем самым Прибалтийские государства плотно привязывались к США в качестве небольшого, но стабильного рынка сбыта оборонной продукции.

¹ См., например: Lithuania (17–227) — Agreement on Defense Cooperation, 2017, *U.S. Department of State*, 05.04.2017, URL: <https://www.state.gov/17-227/> (дата обращения: 03.10.2025).

² См., например: U.S., Lithuania Detail Roadmap for Cooperation Through 2024, 2019, *U.S. Department of Defense*, URL: <https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/1803578/us-lithuania-detail-roadmap-for-cooperation-through-2024/> (дата обращения: 03.10.2025).

³ U.S. Security Cooperation With the Baltic States, 2021, *U.S. Department of State*, URL: <https://2017-2021.state.gov/u-s-security-cooperation-with-the-baltic-states/> (дата обращения: 06.08.2025).

⁴ Congressional Record, 2020, vol. 166, №218, Part 3, *Library of Congress*, p. H8279, URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CREC-2020-12-21/pdf/CREC-2020-12-21-house-bk3.pdf> (дата обращения: 03.10.2025).

США также умело воспользовались моментом, чтобы усилить свое непосредственное военное присутствие у границ России. Впрочем, несмотря на призывы консервативных аналитиков сразу перейти к постоянному развертыванию американских войск на восточном фланге НАТО вопреки положениям Основопологающего акта Россия — НАТО¹, Вашингтон разместил воинские подразделения в странах Балтии на ротационной основе. Крупнейшим мероприятием подобного рода стала операция «Атлантическая решимость», финансируемая в рамках «Европейской инициативы по сдерживанию». Выделяемые на нее средства неуклонно росли, достигая до пика в 6,5 млрд долл. в конце первой администрации Д. Трампа, а затем начали постепенно снижаться. В Пентагоне подобный спад финансирования объясняли тем, что большинство строительных и инфраструктурных проектов уже были завершены [30, р. 13]. В то же время это можно связать и с рутинизацией «российской угрозы» в западном дискурсе.

Размещаемые в рамках данной операции в Прибалтийских государствах силы были невелики. Изначально на страну приходилось по одной усиленной роте (100—200 чел.), однако с 2019 г. ротные группы были заменены батальонными (600—800 чел.). Вместе с многонациональными батальонными группами стран НАТО, расположенными в Прибалтийских государствах в рамках программы Усиленного передового присутствия с 2016 г.², они должны были служить своего рода «растяжкой» (*tripwire*), призванной не столько сражаться с агрессором, сколько своим присутствием сдерживать возможную агрессию. В то же время на Западе сохранялись опасения по поводу возможного нежелания США втягиваться в конфликт с Россией из-за стран Балтии: эксперты сомневались, что «какой-либо американский президент обменяет Вашингтон на Ригу, просто чтобы сохранить доверие к НАТО» [31, р. 40].

Отдельно стоит выделить проблему противоракетной обороны. В августе 2014 г. Польша и страны Балтии на фоне развития американской системы ЕвроПРО обратились к НАТО с просьбами перенацелить ее против России. Впрочем, руководство Альянса отвергло подобные призывы, по всей видимости, не желая излишне провоцировать Москву в ракетно-ядерной сфере [7, с. 52—53].

Совместные военные учения как в двустороннем формате, так и в рамках НАТО также стали важным инструментом усиления военного влияния США в странах Балтии. Среди наиболее значимых и крупнейших учений можно выделить военно-морские учения *BALTOPS*, проходящие под руководством США в Балтийском море с 1971 г., а также сухопутные учения *Saber Strike* и *Spring Storm*. Любопытно проследить эволюцию данных учений на современном этапе. Так, если в начале 2000-х гг. Россия регулярно принимала участие в учениях *BALTOPS*, а *Saber Strike* предназначались для тренировки прибалтийских военнослужащих, готовившихся к отправке в Афганистан, то с 2014 г. учения приобрели ярко выраженную антироссийскую направленность [32].

С началом спецоперации на Украине оборонное взаимодействие между США и странами Балтии вышло на новый уровень. Находящиеся в Литве, Латвии и Эстонии батальонные группы армии США были значительно усилены, причем президент Дж. Байден объявил об этом еще 22 февраля 2022 г. в ответ на признание

¹ Coffee, L., Kochis, D. 2015, The Baltic States: The United States Must Be Prepared to Fulfill Its NATO Treaty Obligations, *The Heritage Foundation*, URL: <https://www.heritage.org/defense/report/the-baltic-states-the-united-states-must-be-prepared-fulfill-its-nato-treaty> (дата обращения: 06.08.2025).

² Warsaw Summit Communiqué, 2016, NATO, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 31.10.2025).

Россией независимости ДНР и ЛНР¹. Несмотря на это, уже к лету 2022 г. страны Балтии потребовали увеличить военное присутствие НАТО на своей территории до десятков тысяч военнослужащих, которых на тот момент могли предоставить только США².

Можно выделить две причины, по которым США не пошли на подобный шаг. Во-первых, резкое увеличение количества натовских военнослужащих у российских границ могло привести к нежелательной для Вашингтона эскалации конфликта между Россией и Западом. С другой стороны, дело упиралось в технические моменты — в странах Балтии не было и в ближайшее время не могло появиться инфраструктуры, способной принять столь большие воинские контингенты. В связи с этим в Брюсселе было принято решение постепенно увеличивать лишь многонациональные подразделения НАТО в странах Балтии, постепенно разворачивая их в полноценные бригады³. Это ведет к переходу от стратегии «передового присутствия» к стратегии «передовой защиты», целью которой является уже не сдерживание, а оборона от потенциальной агрессии. Кроме того, следует отметить, что в значительной степени именно другие страны — члены НАТО взяли на себя функции усиления военного присутствия в странах Балтии. Так, в дополнение к уже упоминавшимся многонациональным бригадам НАТО, в функционировании которых США не принимают участия, можно отметить такие операции, как *Baltic Air Policing*, направленной на патрулирование воздушного пространства региона⁴, а также *Baltic Sentry* (защита критической подводной инфраструктуры в Балтийском море) и *Eastern Sentry* (усиление военного присутствия НАТО на восточной границе после падения на территории стран — членов Альянса неопознанных дронов). Впрочем, американские эксперты отмечают, что на бумаге гарантии НАТО выглядят нерушимыми, тогда как на воплощение новых планов в жизнь понадобятся годы⁵.

Военное финансирование Прибалтийских государств со стороны США также было усилено, однако весьма неравномерно. Если в 2022 финансовом году объем средств, поступивших в страны Балтии по программе FMF составил 426 млн долл., что чуть ли не в два раза больше суммы за весь период 2015—2021 гг., то затем объемы военной помощи по данным статьям резко сократились — до 59 млн долл. в 2023 финансовом году и до 29,25 млн долл. в 2024 и 2025 финансовых годах. Это наглядно демонстрирует тенденцию к падению финансирования, по всей вероятности, вызванную необходимостью перенаправить ресурсы на поддержку Украины. Несколько более стабильно росли объемы помощи в рамках BSI (со 169 млн долл. в 2021 финансовом году до 225 млн долл. в 2025 финансовом году), однако, как следует из заявления высокопоставленного члена подкомитета Сената США по вопросам оборонных расходов К. Кунса, сде-

¹ Biden Shifts U. S. Troops in Europe to Defend Frontline NATO States, 2022, *U. S. Department of Defense*, URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2942958/biden-shifts-us-troops-in-europe-to-defend-frontline-nato-states/> (дата обращения: 07.08.2025).

² Birnbaum, M., Ryan, M. 2022, Splits open at NATO about how to boost presence in Eastern Europe, *The Washington Post*, URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/05/17/nato-troops-europe-russia-ukraine/> (дата обращения: 07.08.2025).

³ Madrid Summit Declaration, 2022, *NATO*, URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2022/06/29/madrid-summit-declaration> (дата обращения: 31.10.2025).

⁴ Budginaite-Froehly, J. 2024, NATO Air Defense Systems to Secure Baltic Skies, *CEPA*, URL: <https://cepa.org/article/nato-air-defense-systems-to-secure-baltic-skies/> (дата обращения: 31.10.2025).

⁵ Kepe, M. 2024, From Forward Presence to Forward Defense: NATO's Defense of the Baltics, *Freyr Trade & Services*.

ланного им в июле 2025 г., большая часть запрашиваемых на 2026 финансовый год средств по данной статье в реальности будет перенаправлена на поддержку Украины¹. В этой связи значимость BSI для повышения обороноспособности стран Балтии представляется весьма неоднозначной.

С помощью как американского, так и внутреннего финансирования страны Балтии увеличили закупки вооружений в США (табл.).

**Объемы закупок странами Балтии тяжелых вооружений в США
в период 2022 – 2025 гг.**

Страна	Тип техники	Общая стоимость заказов
Литва	РСЗО M142 HIMARS (8 ед.) + боеприпасы Ракеты ATAMCS (18 ед.) Ракеты AMRAAM для ЗПК NASAMS (36 ед.)	595 млн долл.
Латвия	РСЗО M142 HIMARS (6 ед.) + боеприпасы Ракеты ATAMCS (10 ед.) Противокорабельные системы NSM CDS (предположительно 1 батарея = 3 ед.) ² + боеприпасы	330 млн долл.
Эстония	РСЗО M142 HIMARS (6 ед.) + боеприпасы Ракеты ATAMCS (18 ед.)	500 млн долл.

Составлено на основе данных *Defense Security Cooperation Agency, U.S. Department of Defense*.

Таким образом, реальные объемы закупленных Прибалтийскими государствами у США вооружений относительно невелики. Однако не стоит забывать, что рассматриваемый субрегион является весьма компактным, потому даже в таком количестве американские РСЗО могут представлять серьезную опасность. С другой стороны, большинство заказанных образцов военной техники на сегодняшний день не доставлены в регион: учитывая первостепенность поставок вооружений для Украины, а также загруженность американских военных предприятий заказами для ее нужд и нужд армии США, Прибалтийским государствам сложно рассчитывать на скорые масштабные поставки.

Количество и размах военных учений в странах Балтии в рамках НАТО также существенно выросли. Наиболее показательным в этом отношении стал 2024 г., когда Альянс провел крупнейшие за последние десятилетия морские маневры *BALTOPS* (более 50 кораблей из 20 стран) и мультидоменные учения *Steadfast Defender* (90 тыс. чел. из 32 стран). Последние проводились по всей Европе, однако в рамках них состоялся и ряд менее масштабных мероприятий, проведенных непосредственно на территории стран Балтии, — *Saber Strike*, *Crystal Arrow*, *Spring Storm* и *Swift Response*.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о соотношении в восприятии Прибалтийских государств американских и европейских гарантий безопасности. В 2000–2010-х гг. страны Балтии безусловно отдавали приоритет НАТО и в пер-

¹ Zengerle, P. 2025, US Senate committee backs more Ukraine funding, following Trump shift on aid, 31.07.2025, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/world/us/us-senate-committee-backs-more-ukraine-funding-following-trump-shift-aid-2025-07-31/> (дата обращения: 07.08.2025).

² На сайте *DSCA* не указано точное количество заказанных установок. По косвенным данным, полученным в результате сравнения латвийского заказа (110 млн долл.) с заказом аналогичных систем Румынией в 2021 г. (две батареи за 286 млн долл.), можно предположить, что Латвия заказала только одну батарею.

вую очередь Соединенным Штатам как гарантам своей безопасности, в то время как ЕС и его Общая политика безопасности и обороны (ОПБО) воспринимались ими как нечто второстепенное. Не последнюю роль здесь играла позиция континентальных великих держав, таких как Франция и Германия, настроенных на прагматичное взаимодействие с Россией [14, р. 114]. Однако угрозы, возникшие во время первой администрации Д. Трампа, например снижение интереса США к ЦВЕ и Европе в целом, приближение брексита и укрепление франко-германского тандема привели к смягчению позиции стран Балтии в отношении европейских оборонных инициатив, таких как ОПБО и *PESCO* [1, с. 130; 13, с. 32]. После же обострения украинского конфликта в 2022 г. и на фоне укрепления связей между ЕС и НАТО следует ожидать дальнейшей активизации прибалтийского участия в европейских оборонных инициативах, однако лишь в рамках усиления европейской опоры НАТО. К разряду подобных шагов можно отнести, например, укрепление сотрудничества с Польшей и странами Северной Европы, а также участие в британском проекте Объединенных экспедиционных сил¹.

В целом можно говорить о том, что увеличение частоты и масштаба проведения учений, как и размещение воинских подразделений Армии США в странах Балтии, имели двоякую цель. С одной стороны, они выступали в качестве средства моральной поддержки республик, «демонстрации флага» и сдерживания потенциальной «агрессии» восточного соседа. С другой — привлечение различных воинских частей повышало качество взаимодействия военнослужащих из разных стран, улучшало их понимание театра военных действий и вероятного противника. Наконец, не стоит также исключать и возможный провокативный характер подобных мероприятий, которые могли быть направлены на то, чтобы вызвать неадекватную реакцию Москвы. Все это говорит о том, что США готовились к вероятному использованию Литвы, Латвии и Эстонии как плацдарма для вероятного военного конфликта с Россией. В этом отношении примечательно, что внешнеполитическое поведение стран Балтии говорило об их яркой готовности к исполнению данной роли в надежде на поддержку со стороны Брюсселя и Вашингтона. В то же время ряд американских шагов, таких как некоторое снижение военного финансирования Прибалтийских государств и отказ от чрезмерного усиления военного присутствия на границе с Россией, говорят о том, что в США не собираются идти на поводу у антироссийских радикалов в Европе и хотят держать под собственным контролем ситуацию на российско-прибалтийской границе.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что место и роль стран Балтии в трансатлантической политике США определяются главным образом их способностью встроиться в архитектуру евроатлантической безопасности. Вашингтон активно использовал страны Балтии в своих интересах как инструмент давления на несговорчивые страны Европы или же как таран в вопросах военной или экономической безопасности, связанных с Россией и Китаем. В свою очередь, обладая ограниченными ресурсами, страны Балтии сумели выгодно распорядиться своим статусом одних из самых преданных союзников США, превратив его в средство для укрепления собственной безопасности и увеличения своего политического веса.

США приходилось бороться и с рядом проявлений «безрассудного поведения» со стороны Прибалтийских государств, направленных на то, чтобы заставить

¹ Bajarūnas, E. 2025, The Baltics Adapt to Trump, *Center for European Policy Analysis*, URL: <https://cepa.org/article/the-baltics-adapt-to-trump/> (дата обращения: 10.08.2025).

Вашингтон совершать более радикальные действия в отношении Москвы. Таким образом, они могли действовать лишь в рамках, задаваемых американским руководством, что подчеркивает их стратегическую зависимость и подчиненность внешней политике США. В то же время стоит отметить, что определенные ограничения существовали лишь на стратегическом уровне, тогда как на тактическом уровне страны Балтии пользовались сравнительной автономией.

В конце хотелось бы отметить ряд изменений, которых следует ожидать в американо-балтийских отношениях в связи с возвращением в Белый дом Д. Трампа. В прибалтийских столицах, безусловно, ждали победы К. Харрис, однако после победы республиканца были вынуждены сменить курс, заявляя, что их приоритетом является работа с обеими партиями. Однако готовность Д. Трампа к переговорам с Россией, неспособность министра обороны П. Хэгсета безоговорочно подтвердить сохранение присутствия американских войск в странах Балтии и сомнения в эффективности всей евроатлантической архитектуры безопасности начали вызывать у них серьезные опасения.

Новая администрация посылает противоречивые сигналы в отношении стран Балтии. С одной стороны, мы видим существенное расширение закупок американских вооружений Эстонией на общую сумму 4,73 млрд долл.¹ В то же время американское руководство объявило о планах сократить размеры военной помощи, оказываемой странам Балтии². Все это соответствует политике администрации Д. Трампа по снижению затрат и рост самообеспечения союзников по НАТО. Такая ситуация, впрочем, полностью укладывается в отмеченную ранее тенденцию расширения участия стран Балтии в оборонных инициативах ЕС в рамках усиления европейской опоры НАТО.

Для России же подобная ситуация представляется весьма неоднозначной: да, США формально продают странам Балтии большое количество вооружений, однако теперь им придется покупать его за свои или европейские деньги. Кроме того, в условиях высокой загруженности американских оборонных предприятий неизвестно, когда оно поступит покупателям. Возможно, что подобная политика используется Вашингтоном в том числе как элемент давления на Москву. В подобных условиях России не стоит чрезмерно реагировать на сложившиеся обстоятельства, но в то же время необходимо иметь в виду, что роль стран Балтии как антироссийских застрельщиков Европы при Д. Трампе ничуть не изменилась.

Список источников / References

1. Воротников, В.В. 2019, Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги, *Современная Европа*, №7, с. 124—135, EDN: TPYRGB, <https://doi.org/10.15211/soveurope72019124135>

Vorotnikov, V. V. 2019, Euro-Atlantic integration of the Baltic states: Some results, *Sovremennaya Evropa*, № 7, p. 124—135, <https://doi.org/10.15211/soveurope72019124135>

2. Смирнов, П.Е. 2020, Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века, *Балтийский регион*, т. 12, №3, с. 4—25, EDN: IXULIM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>

Smirnov, P. E. 2020, The evolution of us political priorities in the Baltic sea region in the 2010s, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 4—25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>

¹ Raufoglu, A. 2025, Baltic Shield: Estonia Secures Massive US Long-Range Strike Capability in Wake of Russian Air Breaches, *Kyiv Post*, URL: <https://www.kyivpost.com/post/61185> (дата обращения: 05.11.2025).

² Slattey, G. 2025, After diplomatic blitz on Ukraine and Gaza, Trump moves to passenger seat, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/world/europe/after-diplomatic-blitz-ukraine-gaza-trump-moves-passenger-seat-2025-09-20/> (дата обращения: 05.11.2025).

3. Banka, A. 2021, Reclaiming a good ally status: Baltic coping strategies in the America First world, *European Security*, vol. 30, № 2, p. 159—177, <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1840361>
4. Banka, A. 2022, Neither reckless nor free-riders: auditing the Baltics as US treaty allies, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 20, № 2, p. 161—183, <https://doi.org/10.1057/s42738-022-00096-3>
5. Jakstaite, G. 2019, The U.S. Foreign Policy Towards The Baltic States: The Implications Of Ukraine Crisis, *Journal on Baltic Security*, vol. 5, № 1, p. 27—39, <https://doi.org/10.2478/jobs-2019-0003>
6. Vargulis, M. 2022, Framing the Baltic States in the US Security Policy Discourse During Donald Trump Administration, *Security Dimensions*, vol. 40, № 40, p. 80—96, <https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8155>
7. Конышев, В. Н., Сергунин, А. А., Субботин, С. В. 2016, Политика США по созданию систем противоракетной обороны в балтийском и североευропейском регионах, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 48—64, EDN: VOFDSN, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-3>
- Konyshov V. N., Sergunin A. A., Subbotin S. V. 2016, The US ballistic missile defence policy in the Baltic and Nordic regions, *Baltic Region*, vol. 8, № 1, p. 33—44, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-3>
8. Veebel, V. 2018, NATO options and dilemmas for deterring Russia in the Baltic States, *Defence Studies*, vol. 18, № 2, p. 229—251, <https://doi.org/10.1080/14702436.2018.1463518>
9. Regnier, C. 2023, Preparing for War: wargaming the NATO-Russia confrontation in the Baltics, *Critical Studies on Security*, vol. 11, № 3, p. 230—243, <https://doi.org/10.1080/21624887.2023.2253043>
10. Симонян, Р. Х. 2019, Страны Балтии и Россия в контексте украинского кризиса, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 9, с. 61—68, EDN: ECCFYB, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-61-68>
- Simonyan, R. K. 2019, The Baltic states and Russia in the context of the Ukrainian crisis, *World Economy and International Relations*, vol. 63, № 9, p. 61—68, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-61-68>
11. Оленченко, В. А. 2017, Страны Балтии: канун 25-летия независимости, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 61, № 4, с. 105—108, EDN: YPIHИH, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-105-108>
- Olenchenko, V. A. 2017, Baltic states: The Eve of the 25th independence anniversary, *World Economy and International Relations*, vol. 61, № 4, p. 105—108, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-105-108>
12. Варнавский, В. Г. 2024, Структурные сдвиги во внешней торговле стран Балтии, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 51—71, EDN: DKRLKY, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-3>
- Varnavskii, V. G. 2024, Structural shifts in the Baltic states' foreign trade, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 51—71, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-3>
13. Арбатова, Н. К. 2023, Страны Балтии и стратегическая автономия Европейского союза, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 67, № 8, с. 26—36, EDN: ZMONAU, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-26-36>
- Arbatova, N. K. 2023, The Baltic states and the EU strategic autonomy, *World Economy and International Relations*, vol. 67, № 8, p. 26—36, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-26-36>
14. Česnakas, G., Juozaitis, J. 2022, *European Strategic Autonomy and Small States' Security: In the Shadow of Power*, London, Routledge, Taylor & Francis group, 226 p., <https://doi.org/10.4324/9781003324867>
15. Walt, S. 1987, *The Origins of Alliances*, Ithaca, Cornell University Press, 321 p.
16. Rothstein, R. 1968, *Alliances and Small Powers*, New York, Columbia University Press, 341 p.
17. Keohane, R. 1971, The Big Influence of Small Allies, *Foreign Policy*, № 2, p. 161—182, <https://doi.org/10.2307/1147864>

18. Posen, B.R. 2014, *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*, Ithaca, Cornell University Press, 234 p., <https://doi.org/10.7591/9780801470875>

19. Смирнов, В.А. 2015, Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии), *Вестник МГИМО-Университета*, № 6, с. 135—145, EDN: VHIXNR, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-135-145>

Smirnov, V.A. 2015, Foreign Policy Niche of Small States: The Problem of Choice (The Case of Baltic States), *MGIMO Review of International Relations*, № 6, p. 135—145, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-135-145>

20. Hanska, J. 2015, *The Role of the Baltic Region for the United States*, The Finnish Institute for International Affairs, Working Papers № 86, 26 p.

21. Blachford, K. 2025, Baltic Defence Diplomacy Should Look Closer to Home, *The RUSI Journal*, vol. 170, № 3, p. 66—73, <https://doi.org/10.1080/03071847.2025.2499473>

22. Kasekamp, A. 2020, An uncertain journey to the promised land: The Baltic states' road to NATO membership, *Journal of Strategic Studies*, vol. 43, № 6—7, p. 869—896, <https://doi.org/10.1080/01402390.2020.1803066>

23. Böller, F. 2018, “Guardian of the international order”? NATO's contested identity, the discourses of Secretaries General, and the Ukraine crisis, *East European Politics*, vol. 34, № 2, p. 217—237, <https://doi.org/10.1080/21599165.2018.1458616>

24. Смирнов, В.А. 2017, К вопросу о роли элит в евроатлантическом выборе Литвы, *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение*, № 2 (8), с. 17—24, EDN: ZFHSMH

Smirnov, V.A. 2017, The role of the elite in the Euro-Atlantic choice of Lithuania, *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*, № 2 (8), p. 17—24 (in Russ.).

25. Lust, A. 2024, In Dire Straits: The Baltic States between Mainland China and Taiwan, *Asian Perspective*, vol. 48, № 2, p. 351—378, <https://doi.org/10.1353/apr.2024.a928620>

26. Banka, A. 2023, The Baltic Predicament in the Shadow of Russia's War in Ukraine, *Orbis*, vol. 67, № 3, p. 370—388, <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2023.06.003>

27. Banka, A. 2024, The covert ties that bind: US-Baltic intelligence relations, *Journal on Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 671—690, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2372049>

28. Mälksoo, M. 2024, NATO's new front: deterrence moves eastward, *International Affairs*, vol. 100, № 2, p. 531—547, <https://doi.org/10.1093/ia/iaae008>

29. Воротников, В.В. 2014, Страны Балтии в НАТО: итоги десятилетия, *Вестник МГИМО-Университета*, № 6 (39), с. 9—17, EDN: TFANEX, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-9-17>

Vorotnikov, V.V. 2014, Baltic States in NATO: Results of the Decade, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 6, p. 9—17, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-9-17>

30. Mix, D. 2020, Estonia, Latvia, and Lithuania: Background and U.S.-Baltic Relations, *Congressional Research Service*, 19 p.

31. Zapfe, M., Haas, M.C. 2016, Access for Allies? NATO, Russia and the Baltics, *RUSI Journal*, vol. 161, № 3, p. 34—41, <https://doi.org/10.1080/03071847.2016.1193355>

32. Banka, A., Bussman, M. 2023, Uncomfortable neighbors: NATO, Russia and the shifting logic of military exercises in the Baltics, *Defence Studies*, vol. 23, № 1, p. 1—24, <https://doi.org/10.1080/14702436.2022.2089657>

Об авторе

Алексей Владимирович Юрк, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр североамериканских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-3485-8588>

E-mail: alexey.yurk@mail.ru

THE PLACE AND ROLE OF THE BALTIC STATES IN U. S. TRANSATLANTIC POLICY

A. V. Yurk

Primakov National Research Institute of World Economy and International
Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO),
23 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 28 August 2025
Accepted 28 November 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-2
© Yurk A. V., 2026

This article analyses the place and role of the Baltic States in the U.S. policy in the context of the transformation of transatlantic relations. The topic has received only fragmentary coverage in the academic literature, which underscores the relevance of this study. The article aims to identify the factors that have shaped the position of Lithuania, Latvia, and Estonia in Washington's strategy since the restoration of their independence, as well as to examine how the Baltic States have used interaction with the United States to strengthen their security and advance their national interests. Methodologically, the study relies on a comparative analysis of two principal dimensions of cooperation: the political-diplomatic and the military-political. The theoretical framework draws on alliance theory and scholarship on the foreign policy of small states, which emphasises their dual character — simultaneous dependence on great powers and the capacity to influence them. The findings demonstrate that the United States views the Baltic States as a “forward line of containment” vis-à-vis Russia, reinforcing its military presence and infrastructure in the subregion. At the same time, the Baltic States actively promote an anti-Russian agenda and seek expanded political and military support from Washington. Thus, the Baltic States are both instruments and autonomous actors within U.S. policy, a pattern consistent with theoretical interpretations of the role of small states in asymmetric alliances.

Keywords:

The United States, Baltic States, NATO, the EU, transatlantic relations

The author

Dr **Alexey V. Yurk**, Research Fellow, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-3485-8588>

E-mail: alexey.yurk@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

FCIRXO

СОВРЕМЕННОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ И ШВЕЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ СТОРОН: ОТ ВЗАИМОСВЯЗИ К ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЮ

Ф. О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 51/21

Поступила в редакцию 15.12.2025 г.
Принята к публикации 12.02.2026 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-3
© Трунов Ф. О., 2026

В современных реалиях Германия и Швеция не только заметно нарастили военные расходы, но и стремятся резко укрупнить свои вооруженные силы, отличаясь этим от ряда стран НАТО. Важная цель милитаризации — вносить повышенный вклад в деятельность Альянса по «сдерживанию» России и тем самым реализовать свои лидерские устремления. При этом в сотрудничестве Германии и Швеции в сфере безопасности и обороны кооперация преобладает над конкуренцией. Статья исследует динамику и эволюцию содержания военно-политического сотрудничества ко второй половине 2020-х гг., особое внимание уделяет фактору вступления Швеции в НАТО (март 2024 г.). Методологически основу работы составили положения политического неореализма и теории строительства вооруженных сил. Исторически периоды наивысшего могущества двух государств не совпадали по времени. Как результат, стороны почти не вели масштабных войн друг против друга, что создавало благоприятный фон. ФРГ положительно воспринимала фактическое сближение Швеции с НАТО (с середины 1990-х гг.). Процесс приобрел возросшие масштаб и качество в условиях конфронтации Евроатлантического сообщества с РФ (с 2014 г.). Германия ужесточала «сдерживание» плавно и последовательно. В середине 2010-х гг. Берлин рассматривал еще как чрезмерно провокационное формальное вхождение Стокгольма в Альянс, донося видение до партнера через формат N3+1 (2014—2019) с участием североевропейских стран ЕС. С конца десятилетия ФРГ уже допускала, а затем стала активно поддерживать отказ Швеции от внеблокового статуса. На это указывали особенности работы площадки N5+1 (с 2019 г., с участием уже всех пяти государств Северной Европы) и двусторонних контактов на высшем уровне. В статье сравниваются модели запущенной милитаризации двух стран. Для Германии ценен опыт Швеции по возвращению призыва (с 2017 г.), что позволило существенно увеличить численность войск, особенно сухопутных. Раскрывается сотрудничество ВС при комплектовании сил передового развертывания (СПР) НАТО в Скандинавско-Балтийском регионе, география распределения нагрузки. Особый акцент сделан на рисках попыток блокировать Калининградскую область с востока, которые создает усиливаемая цепь контингентов двух стран в составе СПР. В выводах показаны причины гармонизации, которой Берлину и Стокгольму удалось добиться при координации своих военно-политических планов и действий, особенно под эгидой блока.

Ключевые слова:

Германия, Швеция, переговорные форматы, милитаризация, Балтийский регион, НАТО, «сдерживание», Россия, Калининградская область

Для цитирования: Трунов, Ф. О. 2026. Современное военно-политическое сотрудничество Германии и Швеции в контексте милитаризации сторон: от взаимосвязи к взаимодополнению, *Балтийский регион*, т. 18, № 1, с. 40–62, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-3

В первой половине 2020-х гг. европейские государства — члены НАТО заметно ужесточили подходы к «сдерживанию» РФ. Резко возрос потенциал Альянса как организации [1; 2], особенно в передовой части его зоны ответственности [3]. Милитаризация на национальном уровне выражалась прежде всего в заметном увеличении военных расходов, разработке новых образцов вооружений, развитии профильных производств. Вместе с тем многие государства — члены НАТО, в том числе крупнейшие (США, Великобритания, Франция), существенно не наращивали численность своих вооруженных сил (ВС). Эта тенденция преобладала в Северной Америке, в Западной, Северной и Южной Европе¹. Исключение составлял ряд стран Центрально-Восточной Европы (прежде всего Литва, Польша), Германия и Швеция. ФРГ постепенно приступала к масштабному увеличению размеров ВС. Королевство Швеция к моменту вступления в НАТО (март 2024 г.) вышло на траекторию заметного роста численности личного состава².

Официальный Берлин сохранял положение крупнейшего после США комплектатора группировок НАТО³. В свою очередь, Стокгольм начал претендовать на аналогичную роль в Северной Европе. Однако параллелизм данных намерений порождал в основном не конкуренцию, а кооперацию. В условиях формирования нового миропорядка цель обеспечить его максимально возможную западноцентричность и особенно ориентированность на страны-участницы ЕС объединяла истеблишмент Германии и Швеции [4; 5, р. 3—6]. В обеих странах он состоял из приверженцев либеральных ценностей, в том числе мультилатерализма [6; 7]. Доказывая это на практике, Стокгольм, как и Берлин, старался вносить заметный вклад в многосторонние силы НАТО. Тем самым каждое из этих государств подчеркивало повышенные возможности по сравнению со многими другими европейскими странами Альянса и одновременно практическую полезность для них в условиях ужесточаемой конфронтации с Россией. Соответственно, прослеживалось стремление Германии, как и Швеции, увеличить свою роль в Евroatлантическом сообществе, то есть наличие лидерских амбиций. Для их реализации стороны развивали тесное сотрудничество друг с другом с взаимовыгодным распределением нагрузок.

Цель статьи — исследовать кооперацию Германии и Швеции в сфере безопасности и обороны по состоянию на середину 2020-х гг. Поставлены следующие задачи: осмыслить исторический фон отношений; рассмотреть систему политико-дипломатических контактов, особенно переговорных форматов; изучить современные стратегии милитаризации у Германии и Швеции; с учетом этого раскрыть тенденции сотрудничества их ВС.

Возможности сравнительного анализа использованы в статье для сопоставления функционирования форматов $N3 + 1$ и $N5 + 1$ с участием официальных Берлина и Стокгольма, их подходов к милитаризации на национальном уровне.

Методологически автор опирался на положения теорий политического неореализма (структурного реализма), а также строительства вооруженных сил. Главный тезис первой теории — внешняя политика может быть успешна, только если она отвечает ожиданиям других игроков [8, р. 92—93], — находила подтверждение на примере диалога Берлина и Стокгольма, проявляясь в последовательном старании сохранять поддержку партнера, демонстрируя учет его пожеланий и обеспокоенностей. Как ни парадоксально на первый взгляд, ФРГ стремилась к этому даже в большей мере. Спор о старшинстве мог менять формы (переходить в преимущественно

¹ Defence expenditures of NATO countries (2014—2024), 2025, Brussels, NATO, p. 13.

² Ibid.

³ Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen, 2022, Bundeskanzleramt, 07.06.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (дата обращения: 19.11.2025).

латентные и наоборот), но в основе сохранялся в диалоге Берлина с большинством крупных европейских государств НАТО. Иллюстрацией тому служили отношения Германии с Польшей [9] или даже с Францией [10]. Поэтому ФРГ особенно нуждалась в поддержке от наиболее дружественных малых и средних партнеров по блоку, включая Швецию.

Теория строительства вооруженных сил рассматривает эволюцию их организационно-штатной структуры (создание, расформирование войсковых единиц, размещение за пределами границ страны) как индикатор фактических изменений приоритетов во внешней политике государства [11]. Данные положения востребованы при изучении стратегической активности как Германии, так и Швеции: обе запустили масштабную милитаризацию и одновременно резко увеличили объемы заграничного использования своих войск, особенно в Скандинавско-Балтийском регионе.

Отечественные и иностранные исследователи создали корпус работ, посвященный деятельности ФРГ на международной арене. В рамках ее североевропейского направления внимание чаще уделялось активности Германии в Арктике, отношениям с Норвегией [12; 13], а диалог с другим государством на Скандинавском полуострове освещен заметно слабее. Рассматривая стратегическую активность Берлина в Балтийском регионе, специалисты больше обращали внимание на взаимодействие Германии со странами Балтии (прежде всего с Литвой) и Польшей [9; 14; 15], чем со Стокгольмом [16, р. 3; 17, р. 4—6].

При изучении современной внешней политики Швеции эксперты главный акцент делали на процессе ее вступления в НАТО — изучались причины данного принципиального решения [18; 19, р. 3], особенности отказа от внеблокового статуса [20—23], последствия для безопасности, особенно РФ [24—26]. Притом эволюция межгосударственного диалога Стокгольма с большинством партнеров по блоку была в профильных работах периферийным сюжетом.

Источниковую базу исследования составили прежде всего находящиеся в открытом доступе документы военного и внешнеполитического ведомств Германии и Швеции, а также Ведомства канцлера ФРГ. Кроме того, использованы официальные материалы НАТО как организации. Это обеспечило значительный уровень верифицируемости положений работы. Данные источники содержат большой объем фактологических данных (в частности, статистических), что позволило создать объемную и достаточную детальную картину изучаемых сюжетов, без изъятий проследить ход и содержание контактов руководства двух государств.

Историко-политические тенденции отношений

Благоприятный фон для современного диалога во многом обусловлен тем, что периоды наибольшего могущества сторон в Новой и Новейшей истории хронологически не совпадали друг с другом. Как результат, потенциальное число войн, в которых Берлин и Стокгольм были бы противниками, невелико. Когда Швеция проходила эпоху великодержавия (1611—1721 гг., но во многом завершилась в 1709 г.), массив германских земель находился в состоянии феодальной раздробленности. В шведский (1630—1635) и франко-шведский (1636—1648) периоды Тридцатилетней войны ряд небольших и карликовых северогерманских государств поддерживали армию, созданную Густавом II Адольфом, считали ее гарантом свободы протестантского вероисповедания. По Вестфальскому миру (1648) Стокгольм включил в число своих владений часть Померании. Ее дважды в конце XVII — первой четверти XVIII в. в целом неудачно пытался занять Бранденбург, а затем уже Пруссия — Бранденбург. Стокгольм, который временно превратил Балтийское море

в свое «внутреннее озеро», главные усилия стал прикладывать к востоку от него. Показательна здесь Северная война 1700—1721 гг., в ходе которой Россия нанесла Швеции тяжелые поражения, ознаменовавшие завершение эпохи великодержавия королевства.

По итогам мощь и влияние Швеции оказались критически подорваны, что показал шведский вклад в войны в последующий век, вплоть до эпохи антинаполеоновских коалиций включительно. По итогам участия в последних (1815) Стокгольм передал Пруссии свои померанские владения (но получил Норвегию), чем оказался избавлен от участия в военных конфликтах за объединение Германии в 1864—1871 гг. Швеция де-факто с 1815 г., а де-юре с 1834 г. стала обозначить свой внешнеполитический курс как политику постоянного нейтралитета [18; 23]. На практике, однако, приверженность ему не всегда соблюдалась в полной мере. В Крымскую войну Швеция готовилась вступить в борьбу с Российской империей на стороне коалиции во главе с Великобританией и Францией (так называемый Ноябрьский трактат 1855 г.), но окончание боевых действий помешало этому. На фоне развития блокового строительства в Европе уже Второй рейх пытался заключить с формально нейтральной Швецией военную конвенцию (1910), побуждал Стокгольм к активному военному сотрудничеству на Балтике в годы Первой мировой войны [27]. Она, как и Вторая мировая, завершилась капитуляцией Германии. При этом в 1940—1945 гг. нейтралитет Стокгольма был дружественным по отношению к Третьему рейху. Помимо масштабных поставок железной руды (особенно востребованной для производства танков), Швеция разрешила использовать свою территорию для масштабных перевозок вермахта (прежде всего для нужд его группировки на Крайнем Севере) [18].

В Холодную войну ФРГ считалась органично и бессрочно встроенной в сообщество «западных демократий», вносила заметный вклад в «сдерживание» СССР, его союзников. С согласия «западных держав» (США, Великобритании, Франции) Боннская республика в 1955 г. вошла в Североатлантический альянс, а затем осуществила масштабную ремилитаризацию. Территория ФРГ с учетом ее расположения на передовой линии конфронтации и остроты «германского вопроса» выступала для Запада важнейшим бастионом для противодействия Востоку. Мощный бундесвер и группировки партнеров по НАТО на землях ФРГ представляли собой единое военно-стратегическое целое¹. В свою очередь, Швеция продолжала придерживаться внеблокового статуса. Несмотря на это, Бонн и Стокгольм в Холодную войну тесно сотрудничали в сфере безопасности и обороны. Чем вызвана эта парадоксальная на первый взгляд тенденция? Объединяющим началом для двух государств выступал капиталистический уклад, при этом было стремление придать ему социально ориентированный облик. Притом оба государства стремились в самой западной части Балтийского моря не только к экономической, но и к военной кооперации, которая носила антисоветскую направленность. Шведский истеблишмент, особенно его правоконсервативная часть, фактически рассматривал масштабный вклад ФРГ в «сдерживание» СССР как фактор, который опосредованно содействовал сохранению нейтралитета Королевства. В свою очередь, сонаправленными оказались усилия кабинетов двух стран с ведущей ролью у социал-демократов — В. Брандта в ФРГ (1969—1974) и У. Пальме в Швеции (его первый период пребывания у власти, 1969—1976 гг.). Двое эти главы правительств сыграли заметную роль в снижении напряженности в Европе и мире. При этом возвращение У. Пальме на пост

¹ The Bundeswehr on operations, 2009, Berlin, *Federal Ministry of Defence*, p. 14—19.

премьер-министра (1982—1986) пришлось на время «второго издания» Холодной войны, когда ФРГ при канцлере Г. Коле (от ХДС/ХСС) резко ужесточила подход к «сдерживанию» СССР.

В ходе ускоренного решения «германского вопроса» (февраль — сентябрь 1990 г.) Стокгольм в целом занимал благожелательную позицию по отношению к ФРГ. ФРГ сумела добиться, чтобы в ее состав вошли земли ГДР. Данное решение было оформлено в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. Согласно ему ФРГ де-юре обретала суверенитет (как результат отказа держав-победительниц от своих прав и обязанностей) и сохраняла членство в НАТО. При этом Германия добровольно бессрочно отказывалась производить оружие массового поражения / оружие массового уничтожения, владеть, распоряжаться им, устанавливала предельную численность своих ВС в 370 тыс. военнослужащих, в том числе не более 345 тыс. в сухопутных войсках и ВВС. Данный «потолок» считался установленным с момента, когда был завершен вывод советских (российских) войск с территории бывшей ГДР¹. Это событие произошло 31 августа 1994 г., оказав большое влияние на политику как Германии, так и Швеции: обе стали играть более заметную роль в деятельности институтов Евроатлантического сообщества в сфере безопасности и обороны. Практически сразу с сентября 1994 г. ФРГ стала поддерживать расширение НАТО на восток, то есть на постсоциалистическое пространство, резко активизировала использование бундесвера вне зоны ответственности Альянса. Иллюстративно прецедентное применение люфтваффе в операциях ВВС под эгидой блока против Республики Сербской (август — сентябрь 1995 г.) и Сербии (март — июнь 1999 г.). Эти шаги ФРГ предприняла, чтобы в военно-политическом отношении стать региональной державой, утвердиться в числе ведущих государств — членов НАТО (США, Великобритания, Франция). В свою очередь, уже в конце 1994 г. Швеция начала сближение с блоком, присоединившись к программе «Партнерство ради мира»². В 1995 г. Швеция в составе группы европейских стран с внеблоковым статусом (также Австрии и Финляндии) вступила в ЕС, что означало и присоединение к общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) объединения. Как результат, нейтральный статус Королевства стал условным. Одновременно Стокгольм начал направлять контингенты в состав миссий НАТО вне зоны ответственности. Это выступило ключевым проявлением стратегии Швеции в отношении Альянса: все теснее сотрудничать де-факто, но не вступать де-юре.

Для ФРГ такой подход оказался весьма выгоден не только из-за самой возможности развивать практическое сотрудничество с партнером под эгидой и ЕС, и НАТО. У официальных Берлина и Стокгольма был близок порог (набор условий) применения силы: он был достаточно высок, заметно отличаясь от низкого порога у США, Великобритании и Франции. Данная схожесть со Швецией облегчала для Германии в начале XXI в. задачу отстаивать свою особость от других «западных держав» в вопросах применения силы вдали от Евроатлантического сообщества — прежде всего в Ираке в 2003 г.

Одновременно обе страны активно взаимодействовали при проведении небоевых операций под эгидой НАТО: на Балканах (в Боснии в 1995—2003 гг. и Косово с 1999 г.) и особенно в Афганистане в рамках деятельности МССБ (ISAF) в 2003—

¹ Vertrag vom 12. September 1990 über die abschließende Regelung in Bezug auf Deutschland (Zwei-plus-Vier-Vertrag), 2025, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausserpolitik/regelbasierte-internationale-ordnung/voelkerrecht-internationales-recht/240218-240218> (дата обращения: 19.11.2025).

² Relations with Sweden, 2025, *NATO*, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52535.htm (дата обращения: 19.11.2025).

2014 г. Шведские подразделения действовали как часть многосторонних сил регионального командования «Север», где роль «рамочного государства», то есть ключевого комплектатора и координатора, играла ФРГ. Данное сотрудничество сохранялось и в 2015—2021 гг., когда вместо ISAF также под эгидой НАТО была запущена миссия «Решительная поддержка» (*Resolute Support, RSM*). Ее главной задачей было уже не поддержание мира, а реформа сектора безопасности: помогать в обучении и консультировать местные (афганские) армию и полицию. После смены ISAF силами RSM сократились масштаб миссии в целом, размеры контингентов Германии и Швеции, однако распределение их ролей в рамках регионального командования «Север» осталось неизменным¹. Опыт сотрудничества в Афганистане с середины 2010-х гг. стал применяться в Мали [28, р. 22—24] — по линии как военно-тренировочной миссии ЕС, так и многопрофильной миротворческой миссии ООН, в рамках которой ФРГ приняла роль «рамочного государства» в деле разведки и функционирования базы в Гао².

При этом уже с начала 2010-х гг. внеблоковая Швеция начала заметно снижать свой порог применения силы. Германия, будучи государством НАТО, до середины 2010-х гг. проявляла в данном вопросе большую инерционность и тем самым стратегическое благоразумие. Впервые данное различие заметно выразилось в ходе военно-воздушной операции НАТО против Ливии (март — октябрь 2011 г.), когда королевская авиация приняла в ней участие, а люфтваффе — нет³.

Весной — осенью 2014 г., сразу после того как возникла конфронтация между Евроатлантическим сообществом и Россией, декларируемый Стокгольмом подход к «сдерживанию» оказался жестче, чем у Берлина. Показательно, что Швеция весьма сдержанно отнеслась к идее запустить «Нормандский формат» в июне 2014 г. Однако инициатор его запуска Германия сама рассматривала данную переговорную площадку как необходимую для демонстративно вынужденного диалога с Россией с целью избежать неконтролируемой эскалации и одновременно продвигать консолидированную позицию Запада по Украине. Такой подход предопределил низкую эффективность «Нормандского формата», резкое снижение частотности встреч к концу 2010-х гг., объявление его недействующим на фоне СВО РФ.

Особенности современного политического диалога

ФРГ старалась ужесточать «сдерживание» РФ плавно и одновременно последовательно. Официальный Берлин постоянно и в деталях доносил до Стокгольма свою постепенно изменявшуюся позицию по вопросу отказа Королевства от условного нейтралитета, подчеркивал, насколько ценил доверительные отношения со своим скандинавским партнером. В конце 2010-х — в первой половине 2020-х гг. прямые двусторонние переговоры между главами правительств Германии и Швеции проходили часто — не менее одного раза в год.

Стороны сотрудничали в рамках ЕС, в том числе в реализации Стратегии для региона Балтийского моря (с 2009 г.). В увязке с этим Берлин и Стокгольм осуществляли кооперацию в Совете государств Балтийского моря (СГБМ, с 1992 г.). На самых первых этапах конфронтации работа СГБМ была приостановлена. Швеция поддер-

¹ Resolute Support Mission in Afghanistan (2015—2021), 2022, NATO, 30.05.2022, URL: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/topics_113694.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.11.2025).

² Antrag der Bundesregierung, 2021, *Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode*, Drucksache 19/28803, 21.04.2021, S. 9.

³ NATO and Libya, 2011, NATO, February — October 2011, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_71652.htm (дата обращения: 19.11.2025).

жала Германию в ее стремлении возобновить работу формата (2017), но так, чтобы он полностью превратился в площадку для согласованной позиции «западных демократий», а роль России в СГБМ стала бы номинальной¹. Кульминацией стал призыв 3 марта 2022 г. приостановить участие РФ в Совете², стремление использовать его площадку для продвижения решений с целью превратить Балтийское море во «внутреннее озеро» для НАТО. Не приемля такой подход, Россия в мае 2022 г. вышла из СГБМ.

Координация усилий сторон была еще большей в рамках форматов *N3+1* и *N5+1*. Единица обозначала Германию (и одновременно подчеркивала ее особую роль в работе каждой площадки), а первая часть названия — число участвовавших государств Северной Европы: три (Дания, Финляндия, Швеция) или все пять. Именно состояние (вне-)блокового статуса Швеции автор усматривает ключевой причиной того, в каком формате — с вовлечением лишь части или всех региональных игроков — предпочитала проводить переговоры ФРГ.

Переговорная площадка *N3+1* функционировала на высоком (глав МИД), но не на высшем уровне. Государствами-участниками от Северной Европы стали те, которые входили в Европейский союз; из них только Дания в период работы формата была также страной НАТО. Это отражало тот факт, что Германия запустила данный формат прежде всего для сотрудничества с условно нейтральными Финляндией и Швецией. Первая встреча прошла в Копенгагене в декабре 2014 г.³ Готовя запуск *N3+1*, Берлин уделил особое внимание кооперации со Стокгольмом⁴. Ранее, 5 сентября 2014 г., он (как и Хельсинки) подписал на полях Уэльского саммита НАТО меморандум о взаимопонимании с Альянсом, то есть о продвинутом стратегическом партнерстве [20]. Одновременно Швеция решила присоединиться к подготовке сил быстрого реагирования блока (СБР; *NATO Response Force, NRF*). СБР были предназначены оперативно выдвигаться из глубины зоны ответственности Альянса на наиболее значимые направления в передовой ее части, позволяя резко изменить соотношение сил. В комплектование *NRF* с 2014 г. вплоть до их реорганизации в 2023 г. наибольший вклад вносила именно ФРГ: была трижды сроком на год (2015, 2019, 2023) основным комплектатором наземной компоненты СБР [29]. С этим связан заметный рост качества и объемов фактического сотрудничества Германии и Швеции под эгидой блока.

Однако это отнюдь не означало, что в середине 2010-х гг. Берлин активно побуждал Стокгольм вступить в НАТО де-юре. Главной целью площадки *N3+1* выступало стремление ФРГ убедить партнера, что ключевые его обеспокоенности в сфере безопасности и обороны могут быть проработаны под эгидой ЕС, в ближайшее время не требуется отказ от внеблокового статуса. На начальных этапах конфронтации Берлин считал такой сценарий способным создать риск неконтролируемой эскалации. Иллюстративны здесь сам факт и содержание встреч в формате

¹ Vertrauen durch Dialog: Gabriel will Ostseerat wiederbeleben, 2017, *Auswärtiges Amt*, 21.06.2017, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/zusammenarbeit-staaten/ostseekooperation/170621-bm-ostseerat/290796> (дата обращения: 19.11.2025).

² Ostseekooperation. 2022, *Auswärtiges Amt*, 16.03.2022, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/zusammenarbeit-staaten/ostseekooperation/-/210006> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Enge Beratungen im neuen „N3+1“-Format, 2014, *Auswärtiges Amt*, 01.12.2014, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/daenemark-node/141201-n3-1-kopenha-gen/267302> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Außenminister Steinmeier trifft schwedische Außenministerin, 2014, *Auswärtiges Amt*, 04.11.2014, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/141104-am-schweden/266636> (дата обращения: 19.11.2025).

N3 + 1 в декабре 2014 г. и ноябре 2016 г.¹, а также то, что ФРГ воздержалась отправлять свой контингент для участия в крупнейших национальных учениях шведских ВС *Aurora 17* (сентябрь 2017 г.). Вместе тем бундесвер внес масштабный и функционально значимый вклад в маневры НАТО *Trident Juncture 18* (октябрь — ноябрь 2018 г.) в Норвегии [12].

Однако то, что Германия считала недопустимым в середине 2010-х гг., она начала рассматривать возможным в конце 2010-х гг., реальным — на рубеже десятилетий, необходимым — в начале 2020-х гг. Один из примеров: изменение подхода Германии к развертыванию военного присутствия, которое создавало очевидную угрозу для Калининградской области и всего Северо-Запада РФ, а также союзной ей Беларуси [30; 31]. В 2014 г. Берлин отказывался от активного участия в военно-тренировочной деятельности в странах Балтии. С января 2017 г. ФРГ стала «рамочным государством» для батальонной многосторонней группы НАТО в Литве, с ротацией контингента от бундесвера. Уже к февралю 2022 г. Германия увеличила вклад, а в июне 2022 г. заявила о решении постепенно трансформировать это формирование в бригаду. В ноябре 2023 г. было определено, что она будет размещена уже на постоянной основе, почти целиком состоять из германских военнослужащих, получит наименование от ВС ФРГ, а не НАТО (45-я танковая). Составной частью соединения оставался имевшийся многонациональный батальон [15].

К северу от Балтийского моря подходы Берлина эволюционировали схожим образом с тем, как это было к югу. В марте 2019 г. в Хельсинки состоялись третьи переговоры в формате N3 + 1. Их участники демонстрировали солидарность в «сдерживании» не только РФ, но и КНР, совместное неприятие давления на ЕС со стороны первой администрации Д. Трампа². Повестка свидетельствовала о доверительном уровне отношений Германии с трио североευропейских партнеров, особенно Швецией. Третья встреча в формате N3 + 1 оказалась финальной.

В августе 2019 г. переговорный механизм N5 + 1 впервые собрался на высшем уровне³, а в октябре 2019 г. — на высоком, глав МИД⁴. Фактическая замена одной площадки другой демонстрировала не только общее укрепление позиций ФРГ в регионе, но и то, что она переставала дифференцировать контакты с местными игроками, исходя из их членства в ЕС и НАТО. Это косвенно свидетельствовало о том, что Берлин начинал рассматривать как приемлемое вступление Стокгольма в Альянс.

Готовность к этому постепенно возрастала на практике, стала открыто декларироваться весной 2022 г., а поводом был избран старт СВО. К этому времени у власти в обеих странах находились правительства с направляющей ролью у социал-демократов: в Германии — «большой коалиции» О. Шольца (с участием ХДС/ХСС), в Швеции — кабинета М. Андерссон. Их первые переговоры прошли в Берлине 28 марта 2022 г. Непосредственно в ходе выступления политики не стали поднимать вопрос об отказе Швеции от внеблокового статуса. Однако канцлер заявил: «Мы

¹ Außenminister Steinmeier lädt Außenminister Dänemarks, Finnlands und Schwedens nach Berlin ein, 2016, *Auswärtiges Amt*, 07.11.2016, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/161107-bm-dk-fin-swe/284942> (дата обращения: 19.11.2025).

² Europe United: International geschlossen auftreten, 2019, *Auswärtiges Amt*, 19.03.2019, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/zusammenarbeit-staaten/maas-aussenpolitik-europa-daenemark-schweden-finnland-/2200644> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Bundeskanzlerin besucht Island, 2019, *Bundeskanzleramt*, 20.08.2019, URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/merkel-in-island-1661974> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Maas und die Nordics: Gemeinsam den Multilateralismus stärken, 2019, *Auswärtiges Amt*, 17.10.2019, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/maas-nordische-botschaften/2258252> (дата обращения: 19.11.2025).

[ФРГ] несем обязательства перед нашими партнерами по НАТО — там есть весьма конкретный пункт о взаимопомощи, но также, конечно, и перед всеми остальными, с кем мы вместе входим в ЕС»¹. Соответственно, О. Шольц рассматривал сотрудничество в сфере безопасности и обороны под эгидой Евросоюза как необходимое, но недостаточное, показывая преимущество одновременного членства в блоке.

Следующую встречу с М. Андерссон О. Шольц провел уже 3 мая 2022 г. в своей резиденции Мезеберг. Канцлер подчеркнул, что Германия рассматривала Швецию (и Финляндию) как ближайших партнеров, внимательно следила за дискуссиями о вхождении в НАТО². Этим заявлением О. Шольц признавал, что Стокгольм последовательно информировал Берлин о готовности полностью отказаться от внеблокового статуса, встречая поддержку. Обе ключевые встречи проходили в ФРГ (а не по очередности в каждой из двух стран), что символизировало роль последней как старшей в диалоге, во многом как проводника для бывшего условно нейтрального партнера в НАТО.

Швеция и Финляндия 18 мая 2025 г. официально подали заявки на вступление в Альянс³. Накануне Германия опубликовала национальное заявление о поддержке действий двух этих скандинавских государств, назвала их решения суверенными⁴. ФРГ в числе первых среди государств НАТО ратифицировала их обращения, стала всячески демонстрировать солидарность с Королевством Швеция в ситуации, когда против его скорейшего вступления в блок высказались Турция и Венгрия [21; 22]. Для Берлина и Стокгольма с их либеральным истеблишментом президент Р.-Т. Эрдоган и премьер-министр В. Орбан выступали идейными оппонентами внутри Запада.

Пятнадцатого августа 2022 г. состоялись вторые (после августа 2019 г.) переговоры в формате *N5 + 1* на высшем уровне. Они прошли в Норвегии. Показательны само проведение данной встречи, ее повестка (главный пункт — выражение поддержки Швеции в условиях затягивания ее вступления в НАТО), а также организованные на следующий день уже в Стокгольме двусторонние переговоры О. Шольца и М. Андерссон⁵. Перечисленные факты свидетельствовали о повышенном внима-

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und der Ministerpräsidentin des Königreichs Schweden Andersson zu ihrem Besuch in Berlin am 28. März 2022, 2022, *Bundeskanzleramt*, 28.03.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-der-ministerpraesidentin-des-koenigreichs-schweden-andersson-zu-ihrem-besuch-in-berlin-am-28-maerz-2022-2021168> (дата обращения: 19.11.2025).

² Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, der finnischen Ministerpräsidentin Marin und der schwedischen Ministerpräsidentin Andersson am 3. Mai 2022 in Schloss Meseberg, 2022, *Bundeskanzleramt*, 03.05.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-der-finnischen-ministerpraesidentin-marin-und-der-schwedischen-ministerpraesidentin-andersson-am-3-mai-2022-in-schloss-meseberg-2030188> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Finland and Sweden submit applications to join NATO, 2022, *NATO*, 18.05.2022, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_195468.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Nationale Erklärung Deutschlands zum NATO-Beitrittsbegehren Finnlands und Schwedens, 2022, *Bundeskanzleramt*, 17.05.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/nationale-erklaerung-deutschlands-zum-nato-beitrittsbegehren-finnlands-und-schwedens-2040396> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsidentin Andersson zum Besuch des Bundeskanzlers im Königreich Schweden am 16. August 2022 in Stockholm, 2022, *Bundeskanzleramt*, 16.08.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesidentin-andersson-zum-besuch-des-bundeskanzlers-im-koenigreich-schweden-am-16-august-2022-2073552> (дата обращения: 19.11.2025).

нии Германии к Швеции и подтверждали, что формат $N5 + 1$, фактически сменивший $N3 + 1$ с 2019 г., одной из главных задач имел содействие Стокгольму в решении отказаться от внеблокового статуса.

При высокой частотности очных встреч на высшем уровне главы правительств Германии и Швеции обсудили лишь в формате видеоконференции совместно с премьер-министрами Дании, Норвегии и генсеком НАТО подрыв газопровода «Северный поток-2» 26 сентября 2022 г. Он был признан терактом, однако остался периферийным сюжетом в межгосударственном диалоге.

Смена правительства в Швеции — по итогам выборов в Риксдаг к власти пришла Умеренная коалиционная партия во главе с У. Кристерссоном (октябрь 2022 г.) — не оказала негативного влияния на диалог с ФРГ. На двусторонних переговорах в марте 2023 г., которые вновь состоялись в Берлине, канцлер не только подчеркнул неизменную поддержку вступления Швеции в НАТО. О. Шольц и У. Кристерссон согласовывали усилия по поставкам военной техники для ВСУ (прежде всего танков и систем ПВО), дальнейшие меры с целью обеспечить сближение с ЕС Грузии, Молдовы, Украины, а также стран Западных Балкан¹. Содержание переговоров отражало уверенность в присоединении Королевства к блоку, важность дальнейшей активизации усилий по распространению влияния Евросоюза на постсоветском и постюгославском пространствах.

К весне 2024 г. Турция и Венгрия сняли возражения, и 7 марта Швеция официально вошла в состав НАТО. Всего через два месяца, в мае 2024 г., состоялась третья встреча в формате $N5 + 1$ на высшем уровне, притом именно в Стокгольме². Встречи на данной площадке проходили вскоре после самой подачи заявки Швеции в НАТО и ее затянувшегося одобрения, но не на промежутке между этими двумя событиями, что вновь подтверждало указанную выше нацеленность $N5 + 1$. Как и в августе 2022 г., на следующий день после шестисторонней встречи состоялась двусторонняя. Это иллюстрировало доверительность диалога и важность Швеции в стратегическом планировании Германии. В свою очередь, Германия была крупнейшим торговым партнером Швеции³. Переговоры в мае 2024 г. были посвящены уже не столько самому вступлению Швеции в НАТО, сколько согласованию конкретных мер сотрудничества в этой связи — прежде всего с целью превратить Балтийское море во «внутреннее озеро» блока. Данный круг вопросов, в том числе координация при запуске новой миссии НАТО «Балтийский часовой», был вновь подробно проработан на переговорах высшего уровня в январе 2025 г. [32]. Стороны последовательно продолжали согласовывать меры по поддержке Украины и в целом детали стратегии ужесточаемого «сдерживания» РФ⁴.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten des Königreichs Schweden Kristersson am 15. März 2023 in Berlin, 2022, *Bundeskanzleramt*, 15.03.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-des-koenigreichs-schweden-kristersson-am-15-maerz-2023-2171296> (дата обращения: 19.11.2025).

² Mehr als nur Nachbarn, 2024, *Bundeskanzleramt*, 13.05.2024, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/kanzler-nordischer-rat-stockholm-2281682> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kristersson am 14. Mai 2024 in Stockholm, 2024, *Bundeskanzleramt*, 14.05.2024, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-kristersson-am-14-mai-2024-in-stockholm-2282240> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Infrastruktur schützen, Ukraine unterstützen, 2025, 14.05.2024, *Bundeskanzleramt*, 17.01.2025, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/bk-kristersson-2330794> (дата обращения: 19.11.2025).

Эти приоритеты оставались неизменными при правительстве Ф. Мерца (блок ХДС/ХСС и СДПГ), которое было создано 6 мая 2025 г. по итогам выборов в Бундестаг в феврале. Всего через три недели после вступления в должность Ф. Мерц провел переговоры в формате *N5 + 1* (на данный раз в Финляндии)¹. Это подтвердило значимость североευропейского направления во внешней политике Германии. Особое значение приобретало сотрудничество со Швецией, которая не только резко наращивала расходы, но единственной из региональных игроков резко увеличила численность своих ВС.

Подходы Германии и Швеции к укрупнению своей военной мощи

Стратегии официальных Берлина и Стокгольма по осуществлению милитаризации принципиально схожи, что не исключало различий ряда тактик. Каждая страна традиционно учитывала опыт другой в деле строительства вооруженных сил. Притом если до начала 2020-х гг. это прежде всего относилось к Швеции по отношению к Германии [16], то затем отчетливой стала обратная зависимость. Берлин сталкивался с серьезными препятствиями в деле увеличения размеров бундесвера, поэтому обращал внимание на заметный рост численности шведских войск после возобновления обязательного призыва (2017).

Обе страны не располагали ядерным оружием, то есть их ВС были конвенционными. На протяжении четверти века после Холодной войны и Германия, и Швеция последовательно сокращали свои ВС. У каждой в середине 2010-х гг. они считались компактными по численности и сбалансированными по составу. В них неизменно находились достаточно мощные ВВС и ВМС, оснащенные в основном самолетами и кораблями собственной разработки и производства. При этом сухопутные войска оказались предельно уменьшены — более того, они столкнулись с риском критической потери боеспособности [33].

Данная проблема стала особенно очевидной в контексте тех растущих военных обязательств, которые Берлин и Стокгольм принимали на себя по мере развития конфронтации. Поэтому оба государства уже в конце 2010-х гг. утвердились в понимании того, что требуется серьезное увеличение сухопутных сил — тем более что до этого с начала 1990-х гг. именно они выступали основным объектом для сокращений внутри ВС. Осознание необходимости скорее перейти к масштабному восстановительному росту армии еще более окрепло с начала 2020-х гг. Реалии в зоне СВО отчетливо показали, что ключевая роль в ведении боевых действий по-прежнему продолжает принадлежать именно наземным войскам (притом их облик, особенно технико-технологический, заметно изменился). Поэтому для Германии и Швеции планы и действия именно по росту числа сухопутных формирований являлись ключевым индикатором в деле милитаризации.

При очевидной разнице в размерах ВС у Берлина и Стокгольма находились схожие стартовые позиции в отношении других значимых для них европейских государств НАТО и ЕС. Для Германии это прежде всего крупнейшие Великобритания, Франция, а также Италия и Польша, для Швеции — остальные страны Северной Европы (Дания, Норвегия, Финляндия; Исландия здесь не учитывается, так как у нее нет собственных ВС). На 2014 г. бундесвер уступал по количеству личного состава ВС Франции и Италии, превосходил Великобританию, что отражено в таблице 1. При этом по численности населения (81,7 млн жителей) ФРГ уверенно опережала каждую из данных стран (66,5 млн, 60,2 млн, 65,1 млн соответственно).

¹ Partnerschaft zwischen Deutschland und „Nordic 5“ richtungsweisend für EU, 2025, *Bundeskanzleramt*, 27.05.2025, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pk-merz-finnland-2350434> (дата обращения: 19.11.2025).

Таблица 1

Эволюция численности ВС крупных европейских государств НАТО, тыс. чел.

Государство	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*
Великобритания	168,7	141,4	139,5	149,4	146,6	144,0	147,3	148,2	143,6	138,1	138,1
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	183,9	183,2	181,7	185,6
Италия	183,5	178,4	176,3	174,6	174,1	176,4	173,4	170,3	170,0	170,7	171,4
Польша	99,0	98,9	101,6	105,3	109,5	113,1	116,2	166,8	176,0	206,5	216,1
Франция	207,0	204,8	208,1	208,2	208,2	207,8	207,6	207,6	207,1	205,3	204,7

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2025, Brussels, NATO, р. 13.

Примечание: * за 2024 г. данные предварительные.

Как следует из таблицы 2, вооруженные силы Швеции уступали по численности таковым у Дании, Норвегии, Финляндии, при этом ВС Финляндии — более чем в 2 раза. В свою очередь, по размерам населения официальный Стокгольм (9,8 млн) заметно опережал все остальные североευропейские страны (5,7 млн, 5,2 млн, 5,5 млн жителей соответственно).

Таблица 2

Динамика численности ВС государств Северной Европы, тыс. чел.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*	2025*
Дания	16,9	17,2	17,3	16,7	17,1	16,3	16,9	16,9	16,7	17,3	17,3	17,3
Норвегия	21,0	20,9	20,5	20,2	20,2	19,2	20,6	23,1	23,5	24,0	24,3	24,8
Финляндия	32,5	31,0	31,3	31,0	31,8	31,1	31,3	31,1	30,5	31,0	30,8	30,8
Швеция	14,7	15,0	15,0	15,9	17,8	19,1	20,1	21,1	20,9	21,5	23,1	24,9

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2025, Brussels, NATO, р. 13.

Примечание: * за 2024 и 2025 гг. данные предварительные.

Однако несмотря на указанное отстающее положение, ФРГ и Швеция обозначали весьма амбициозные планы по увеличению численности своих ВС. С июня 2022 г. высшее руководство ФРГ — сначала канцлер О. Шольц, а затем Ф. Мерц¹ — последовательно декларировали цель превратить в будущем бундесвер в крупнейшие конвенциональные ВС среди европейских государств — членов НАТО. Бундесвер в среднесрочной перспективе должен возрасти не менее чем до 260 тыс. военнослужащих на действительной службе и до 200 тыс. резервистов². В 2014—2023 гг. ежегодные изменения численности бундесвера имели как положительное, так и отрицательное значение; он незначительно вырос (почти на 2 %), что видно из таблицы 1. С 2024 г. военное ведомство ФРГ декларировало переход к неизменному росту. Вопрос, однако, в его темпах: для того чтобы к середине 2030-х гг. набрать дополнительно около 80 тыс. военнослужащих, официальный Берлин искал спосо-

¹ Regierungserklärung von Bundeskanzler Friedrich Merz, 2025, *Bundeskanzleramt*, 14.05.2025, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/regierung-serklaerung-von-bundeskanzler-friedrich-merz-2347888> (дата обращения: 19.11.2025).

² Eckpunkte für neuen Wehrdienst: Sechs Monate Dienstzeit, 260.000 Aktive, 2025, *Augengeradeaus*, 04.07.2025, URL: <https://augengeradeaus.net/2025/07/eckpunkte-fuer-neuen-wehrdienst-sechs-monate-dienstzeit-260-000-aktive/> (дата обращения: 19.11.2025).

бы восстановить обязательный набор на военную службу: с 2011 г. он не отменен, а имеет нулевое значение. Призыв должен обеспечить не только увеличение ВС в целом и резервистов, но и желающих стать профессиональными военными.

К 2025 г. по численности личного состава ВС Германия уже обошла не только Великобританию (у которой шло резкое уменьшение) и Италию (небольшое сокращение). Для французских вооруженных сил характерна стагнация численности (табл. 1). Бундесвер, особенно в случае возврата призыва, способен превзойти их. Вместе с тем эту задачу намного сложнее реализовать в отношении Войска Польского, которое по темпам и промежуточным результатам прироста резко опережало бундесвер. Озвучиваемые в Варшаве итоговые целевые показатели (до 300 тыс. военнослужащих) выше [9, с. 64—66], чем у Берлина, однако не исключено, что в реальности данный показатель будет включать резервистов, набираемых на краткосрочные сборы. К этой практике Германия стала активно возвращаться¹. Последовательно заявляемое желание Берлина иметь среди государств — членов НАТО одни из крупнейших вооруженных сил (третьи по размерам после США и Турции) — это проявление лидерских устремлений ФРГ, при этом на уровне европейской части Запада в целом.

Такие устремления, но применительно к «домашнему» региону, то есть Северной Европе, наблюдаются и у Швеции. В отличие от Берлина Стокгольм не декларировал итоговых целевых показателей. При этом запланировано дальнейшее увеличение набранных по призыву: с 7 тыс. в 2023 г. до 10 тыс. в 2030 г., 12 тыс. чел. в 2032 г.² Само по себе это должно привести к росту ВС Швеции минимум до 27 тыс. военнослужащих в начале 2030-х гг., исходя из данных таблицы 2. С высокой долей вероятности шведские войска к концу десятилетия будут насчитывать 30—35 тыс. военнослужащих. Уже в середине 2020-х гг. ВС Швеции обошли ВС Дании (стагнирующая численность) и Норвегии (небольшое уменьшение, а затем малозаметный рост). На перспективу Стокгольм может достичь того же результата и в отношении финляндских ВС, численность которых по вступлении страны в НАТО не возросла (табл. 2).

Осуществленный возврат призыва (2017) позволил Стокгольму создавать новые формирования войск (прежде всего наземных и сопредельных родов). Уже с 2018 г. Швеция укрупнила гарнизон на о. Готланд³, а в 2021 г. — в январе 2022 г. учредила два новых пехотных и дополнительный амфибийный полки⁴. В 2025 г. в шведских войсках уже создана первая бригада — субарктическая механизированная — на базе Норрботтенского полка⁵. На практике Германия двигалась по данному пути заметно медленнее.

Планы развернуть фактически первую новую бригаду бундесвера (45-й танковую с дислокацией в Литве) были озвучены в июне 2022 г., конкретизированы в ноябре 2023 г., но само соединение, будучи формально созданным в апреле 2025 г.,

¹ Ibid.

² Försvarsutskottets betänkande 2024/25. Totalförsvaret 2025—2030, 2024, Stockholm, *Riksdag*, s. 38.

³ Gotland regiment, 2025, *Försvarsmakten*, p. 18, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/gotland-regiment-p-18/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ См., например: Dalarna Regiment (I 13), 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/dalarna-regiment-i-13/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Norrbotten Regiment (I 19), 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/norrbotten-regiment-i-19/> (дата обращения: 19.11.2025).

должно быть полностью укомплектовано в 2027 г. В основном это происходит за счет уже имеющихся батальонов, которым должны передать другие, существующие, бригады¹. Первый новый батальон появился в бундесвере лишь в октябре 2025 г., это было артиллерийское подразделение, а не танковое или мотопехотное. Соответственно, на этом треке усилия Берлина стартовали на 7 лет позже, чем Стокгольма.

В деле набора дополнительных контингентов в состав ВС ФРГ как «старое» государство — член НАТО оказалась заметно более инерционна, чем Швеция с ее исторически длительным (до 2024 г.) внеблоковым статусом. Причина виделась в том, что Швеция привыкла рассчитывать лишь на собственные силы, придерживаться так называемой концепции «тотальной обороны».

Напротив, схожей у двух государств была траектория роста военных расходов. Берлин стал резко наращивать их с 2020 г., Стокгольм — с 2021 г. (табл. 3), то есть оба — до начала СВО. К 2025 г. Германия стала лидером по данным тратам среди европейских стран — участниц НАТО, приближалась к 100-миллиардной отметке, достигла показателя в 2 % от ВВП. В свою очередь, Швеция на 2024 г. обогнала по военным расходам в абсолютном измерении все остальные страны Северной Европы, в относительном — существенно превысила уровень в 2 % (более 2,3 %). Оба государства уверены в способности выйти на отметку в 3,5 % как целевую к 2030 г. согласно решениям саммита НАТО (2025).

Таблица 3

Военные расходы Германии и Швеции, млн долл.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*
Германия	46 176	39 833	41 606	45 470	49 772	52 549	58 652	62 054	61 045	73 138	93 747
Швеция	6205	5103	5017	5229	5396	5560	5984	9071	8562	9849	13967

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2025, Brussels, NATO, р. 8.

Примечание: * за 2024 г. данные предварительные.

**Вопросы сотрудничества вооруженных сил:
кейс сил передового развертывания НАТО
в Скандинавско-Балтийском регионе**

Берлин, как и Стокгольм, в середине 2020-х гг. старался принимать весьма активное участие в комплектовании системы группировок НАТО, полностью поддерживал подход, при котором акцент делался на развертывание наземных формирований. Практически все они были многосторонними (как минимум де-юре), постепенно приобретали межвидовой облик, то есть в них интегрировались подразделения от других родов войск (прежде всего спецназа, беспилотников). Так, осью сил передового развертывания (СПР) Альянса с начала 2020-х гг. считались наземные передовые силы (*Forward Land Forces, FLF*)², в составе *NRF* — наземное соединение повышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Forces, VJTF*). Сухопутная составляющая осталась важнейшей и для сил союзнического

¹ Die Bundeswehr hat eine neue Brigade, 2025, *Bundeswehr*, 01.04.2025, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/deutsche-panzerbrigade-45-litauen-indienststellung-5927738> (дата обращения: 19.11.2025).
² Strengthening NATO’s eastern flank, 2025, *NATO*, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 19.11.2025).

реагирования (*Allied Reaction Force, ARF*), которые с 1 июля 2024 г. сменили *NRF*, считаясь по сравнению с ними значительно более мобильными [2, с. 3–4]. *ARF* также должны были оперативно выдвигаться из глубины зоны ответственности на важнейшие направления у ее восточных границ.

Германия стремилась вносить повышенный вклад в комплектование всей перчисленной линейки группировки, а Швеция фокусировалась на участии в деятельности СПР. Основная причина состояла в разнице размеров ВС каждой страны: бундесвер был больше почти на порядок, эта разница в основе сохранится на обозримую перспективу (планируемые показатели действующего состава: около 260 тыс. и примерно 35 тыс. чел. соответственно). Оба государства в современных реалиях не были пограничными в рамках зоны ответственности НАТО, то есть потенциально могли играть активную роль в деятельности *NRF* и *ARF*. Стокгольм проявлял интерес к этому с начала конфронтации с РФ (2014) и до вступления Альянс (2024). Причина видится в том, что принципы комплектования СПР не предусматривали вовлеченного участия партнеров Альянса, то есть не входивших в него. В случае СБР такая опция имела.

Войдя в состав блока, Стокгольм по-иному расставил приоритеты. Новый ключевой приоритет — направлять значительные контингенты в состав многосторонних формирований *FLF*, при этом именно тех, которые расположены на территориях, входивших в состав Швеции в эпоху ее наивысшего подъема (1611—1721). Уже в январе 2025 г. Швеция направила танковый батальон в укрупняемую до бригады боевую группу НАТО в Латвии, где ведущим комплектатором выступала Канада¹. Стокгольм выразил готовность принять аналогичную роль для многостороннего формирования Альянса, которое в 2026 г. должно появиться в Лапландии, на севере Финляндии. Здесь разместится «ядро» бригады, в основном из шведских подразделений [34]. На выполнение этих обязательств нацелены важнейшие шаги с целью укрупнить шведскую армию. На базе 19-го Норрботтенского механизированного полка к 2026 г. создавалась субарктическая танковая бригада (*тбр*), которая и должна составить основу для формирования *FLF* в Лапландии². Она представляет собой авангард, позади которого, в самой Швеции, планируется развернуть еще одну субарктическую *тбр* (по всей видимости, на базе 4-го танкового полка, который постоянно дислоцирован на юге страны) и полк горных егерей (Норрландский)³. Стартовала реорганизация в бригаду и 7-го Южносконского танкового полка: это соединение ответственно за внесение ротационного вклада в боевую группу НАТО южнее Риги. Последняя должна взаимодействовать со шведскими войсками на юге континентальной Швеции (остальные силы 7-й *тбр*)⁴ и особенно на о. Готланд (боевая группа на базе 18-го танкового полка)⁵. В целом Швеция развертывала 3 бригады и боевую группу (неполную бригаду), то есть 4 соединения, причем «тяжелых»

¹ Historic Swedish force arrives in Latvia, 2025, *Försvarmakten*, 18.01.2025, URL: <https://www.forsvarmakten.se/en/news/2025/01/historic-swedish-force-arrives-in-latvia/> (дата обращения: 19.11.2025).

² Norrbotten Regiment (I 19), 2025, *Försvarmakten*, URL: <https://www.forsvarmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/norrbotten-regiment-i-19/> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Försvarsutskottets betänkande 2024/25. Totalförsvaret 2025—2030, 2025, Stockholm, *Riksdag*, s. 38, URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/betankande/totalforsvaret-2025-2030_hc01f%C3%B6u2/html/ (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ South Skåne Regiment, 2025, *Försvarmakten*, p. 7, URL: <https://www.forsvarmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/south-skane-regiment-p-7/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Krigsorganisationens utveckling 2025—2035, 2025, Stockholm: *Försvarmakten*, 05.06.2024, s. 2.

(по оснащению)¹. Каждое из них предназначено комплектовать СПР НАТО или поддерживать их. Вне процесса остался лишь ряд полков (в основном «легких»), некоторые из них могут в будущем оказаться задействованы в составе *ARF*.

Для комплектования *NRF*, а затем *ARF* Германия еще в начале 2020-х гг. выделила полную дивизию (1-ю танковую в составе трех «тяжелых» бригад). Еще одна таковая (10-я танковая, имевшая 2,5 бригады) зарезервирована под оперативное усиление присутствия в передовой части зоны ответственности. Также входит в 10-ю танковую дивизию размещенная здесь, а именно в Литве, 45-я танковая бригада бундсвера как формирование *FLF*². Ее концепция схожа с той, которую Стокгольм использует для соединения в Лапландии. Примечательно, что пока в составе СПР НАТО есть всего два государства, которые сформировали в основе собственные бригады как де-юре многосторонние боевые группы *FLF*: это Германия и Швеция. В данной связи уместно предположить, что Стокгольм опирался на концепцию Берлина (реализованную в Литве) как прецедент при определении схемы своего наземного присутствия на севере Финляндии. Резервируя крупные силы для потенциального усиления этой бригады-авангарда (соединение на базе 4-го танкового полка, regiment арктических горных стрелков), Швеция также использовала военно-тактические лекала Германии (предназначение 10-й танковой дивизии как главных сил для поддержки 45-й *тбр*). Это иллюстрировало высокий уровень сотрудничества двух государств в деле соотнесения своих амбиций как значимых комплектаторов СПР с интересами НАТО как организации и правилами функционирования ее *FLF*.

С учетом обширности Скандинавско-Балтийского региона Берлин и Стокгольм географически к удобству и выгоде друг друга распределили ответственность при использовании своих сухопутных войск. Швеция приняла нагрузку на двух направлениях в центральной части — на севере Финляндии (на юге страны многосторонних формирований НАТО не было) и в Латвии, а Германия — на флангах (прежде всего в Литве). Кроме того, контингент бундсвера активно участвовал в учениях Альянса в приарктической части Норвегии [12].

Особенно заметно германо-шведское сотрудничество по линии ВС в деле оказания давления на Калининградскую область как полуанклав России [34], а также союзную Беларусь [31]. Войска на юге континентальной Швеции (прежде всего главные силы бригады на базе 7-го танкового полка), на о. Готланд (боевая группа на основе 18-го танкового полка) и формирование *FLF* в Латвии с включенным в нее шведским контингентом тактически образовывали единую сеть формирований с 45-й *тбр* бундсвера. Она размещена вблизи Сувалкского коридора³.

Значимо, что почти все данные формирования (на Готланде, территориях двух республик Балтии) расположены восточнее Калининградской области, что делает их размещение особенно провокационным для безопасности РФ: данные войсковые единицы будут играть повышенную роль в случае попыток блокировать этот российский субъект-анклав.

На данном направлении активное развитие получило сотрудничество Берлина и Стокгольма не только по линии сухопутных войск, но также ВМС и ВВС. В Балтийском море и прилегающих акваториях оперировали 1-я постоянная морская (ПМГ) и 1-я постоянная контрминная (ПКМГ) группы, их состав комплектовался на ротационной основе. Германия с момента создания 1-й ПМГ и 1-й ПКМГ (2004)

¹ Krigsorganisationens utveckling 2025 — 2035, 2025, Stockholm: Försvarsmakten, 05.06.2024, s. 2.

² 10. Panzerdivision, 2025, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Самое узкое пространство, разделяющее Калининградскую область и Беларусь.

вносила в этот процесс заметный вклад, выделяя корабли из 1-й эскадры корветов¹ и 3-й эскадры минных тральщиков². Швеция начала задействовать боевые вымпелы из 3-й (в основном)³ и 4-й оперативных флотилий ВМС⁴, которые имели смешанный состав (корветы и минные тральщики в каждой). Германо-шведское военно-морское сотрудничество с 2025 г. стало развиваться еще по одному, третьему, треку (в дополнение к совместному участию в деятельности 1-й ПМГ и 1-й ПКМГ) — в связи с запуском миссии «Балтийский часовой» (*Baltic Sentry*) [32]. Миссия включала не только надводные корабли, но и подводные лодки (ПЛ). Это позволяло запустить германо-шведское сотрудничество с использованием 1-й эскадры ПЛ бундесвера и 1-й королевской флотилии ПЛ. В отработке в целом взаимодействия ВМС двух стран, в том числе подразделений морской пехоты и профильной авиации, большую роль играли ежегодно проводимые учения НАТО *BALTOPS*. В них Швеция начала участвовать задолго до 2024 г. как партнер Альянса.

Германия направляла истребители в состав воздушной миссии по патрулированию стран Балтии (*Baltic Air Policing*). К ее ротационному комплектованию по вступлении в Альянс присоединилась и Швеция.

Еще одна составляющая сотрудничества ВС — это синхронизированное использование военных инструкторов двух стран для обучения кадров ВСУ в увязке с поставками Украине различной боевой техники. Одна из ее ключевых составляющих — танки бундесвера *Leopard 2A6* и их версия в шведской модификации *Strv 122*. Каждая из стран играла решающую роль в подготовке определенных формирований ВСУ: Германия — 47-й механизированной бригады, Швеция — 21-й. Оба соединения считались элитными, играя заметную роль в наступлениях ВСУ, однако к 2025 г. их потенциал оказался заметно истощен, несмотря на неоднократные пополнения людьми и техникой.

* * *

Швеция представляет собой редкий пример европейской страны, с которой германское (германо-прусское) государство почти не вело масштабных войн. Как результат, фактически отсутствовал фактор исторической ответственности Берлина перед Стокгольмом. Это оказывало заметное влияние на их сотрудничество, особенно в условиях параллельных современных курсов на милитаризацию. Неуклонно развивавшееся сотрудничество Швеции с Североатлантическим альянсом, кульминацией которого стало ее вступление в блок спустя десятилетие с начала конфронтации Запада и РФ, соответствовало стратегии Германии по развитию системы «сдерживания»: делать это плавно, но последовательно. Берлину удавалось тесно координировать планы и практические шаги со Стокгольмом, что отражала работа формата *N3+1* (2014—2019), сменившей его площадки *N5+1*, а также интенсивных двусторонних контактов на высшем уровне. Сочетания этих двух переговорных возможностей достаточно, чтобы своевременно тщательно прорабатывать росший круг вопросов в сфере безопасности и обороны. Это одна из причин того, что на обозримую перспективу маловероятен запуск формата межпра-

¹ 1. Korvetengeschwader, 2025, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1/1-korvetengeschwader> (дата обращения: 19.11.2025).

² 3. Minensuchgeschwader, 2025, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1/3-minensuchgeschwader> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Third Naval Warfare Flotilla, 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/third-naval-warfare-flotilla/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ 4th Naval Warfare Flotilla, 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/4th-naval-warfare-flotilla/> (дата обращения: 19.11.2025).

вительственных консультаций. Другая причина состоит в том, что это фактически означало бы, что Германия признает Швеция в качестве безусловного политического лидера в Северной Европе. Это почти наверняка навредит доверительным отношениям ФРГ с Норвегией, которая особенно важна вследствие своего географического положения, позволяющего с ее территории осуществлять многостороннее стратегическое проникновение стран НАТО в Арктику. При этом Берлин заинтересован в Стокгольме как крупнейшем региональном военном вкладчике в деятельность блока.

В целом наблюдалась гармонизация усилий двух государств при распределении нагрузки в деле комплектования системы группировок блока, особенно в Скандинавско-Балтийском регионе. Это обусловлено масштабом задач по «сдерживанию» России и одновременно ограниченностью ресурсов (особенно по численности личного состава ВС) как Германии, так и Швеции, доверительностью отношений между ними. Важно и огромное взаимное желание максимально повысить эффективность совместных усилий с целью обеспечить предельно возможную европоцентричность для вновь возникающего миропорядка. Характер современного и планируемого сотрудничества по линии ВС позволяет говорить о взаимной поддержке усилий, которые Швеция прилагает, чтобы стать основным комплектатором группировок блока в «домашнем» для нее регионе, а Германия — в Европе в целом, а тем самым реализовывать свои лидерские амбиции через попытки демонстрировать военную дееспособность.

Усилия Германии и Швеции способствовали ускоренной масштабной европеизации состава мощи НАТО (как в военно-людском отношении, так и в финансовом). В данном принципиальном вопросе устремления истеблишмента в Берлине и Стокгольме, состоявшего из адептов «либеральной демократии», совпадали с интересами их идейного оппонентов в виде администрации Д. Трампа. Показательно, что в свое второе президентство (с января 2025 г.), в сравнении с первым, этот политик в заметной меньшей степени демонстрировал недовольство ФРГ [36].

Сотрудничество Германии и Швеции, которые не только активно следуют по пути милитаризации, но и объединяют ее с желанием еще более ужесточить «сдерживание» России, несет серьезные угрозы для безопасности и обороны Севера и Северо-Запада РФ. Наиболее опасно сотрудничество бундсвера и шведских войск при реализации под эгидой Альянса шагов, которые могут привести к попыткам блокировать Калининградскую область, создать иллюзию, что Балтийское море является «внутренним озером» для НАТО. В свою очередь, России уместно демонстрировать свою неизменную решимость пресечь такой сценарий, действуя прежде всего асимметрично. Здесь огромное значение имеет подчеркивание фактов технологического обновления парка носителей оружия массового уничтожения, готовности их применить при угрозе жизненно важным интересам России.

Едва ли возможно ожидать, что урегулирование украинского конфликта приведет к тому, что европейские «либеральные демократии» согласятся заметно смягчить подходы к «сдерживанию» РФ, пойдут на частичное сокращение системы присутствия под флагом НАТО. В такой ситуации положительным результатом могло бы стать восстановление многосторонней дипломатической координации с целью предупредить перерастание случайных инцидентов в полномасштабный военный конфликт. Реализовать такой шаг в Скандинавско-Балтийском регионе возможно только при готовности к этому МИД Германии и Швеции.

Список литературы

1. Трунов, Ф. О. 2024, Переход к новой модели сил НАТО как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных демократий», *Контуры глобальных трансформаций*, т. 17, № 6, с. 167 — 185, EDN: OKMHLO, <https://doi.org/10.31249/kgf/2024.06.10>

2. Deni, J. R. 2024, The new NATO Force Model: ready for launch?, *NATO Defence College*, № 4, 7 p.
3. Трунов, Ф. О. 2022, Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г., *Россия и современный мир*, № 4, с. 100—122, EDN: TYNRGV, <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.06>
4. Братерский, М. В. 2025, Экономические перспективы Евро-Атлантического сообщества в период глобальной политической перестройки, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 22—42, EDN: JYBHJD, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.02>
5. Zilla, C. 2022, Feminist Foreign Policy, *SWP-Aktuell*, № 48, 7 p., <https://doi.org/10.18449/2022C48>
6. Белинский, А. В. 2025, В ожидании ревизора: президентские выборы в США и реакция политических партий ФРГ, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 203—219, EDN: JDOHOO, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.11>
7. Петров, И. И. 2025, Три европейских партийных полюса и начало второго президентского срока Дональда Трампа, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 43—65, EDN: QSBHCH, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.03>
8. Waltz, K. 1979, *Theory of International Politics*, Reading, Menlo Park, Addison-Wesley Publishing Company, 250 p.
9. Трунов, Ф. О. 2025, Подход ФРГ к взаимодействию с Республикой Польшей в сфере безопасности и обороны (к середине 2020-х годов), *Балтийский регион*, т. 17, № 2, с. 49—72, EDN: VGSTRT, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-2-3>
10. Чернега, В. Н. 2024, «Держава Европа» по Э. Макрону и фактор США, *Актуальные проблемы Европы*, № 1, с. 85—105, EDN: GEJOWZ, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.05>
11. Пронько, В. А. 2000, Военная стратегия после Второй мировой войны, в: Золотарев, В. А. (ред.), *История военной стратегии России*, М., Кучково поле; Полиграфресурсы, с. 377—496.
12. Трунов, Ф. О. 2025, Особенности сотрудничества Германии и Норвегии в военно-политической сфере (конец 2010-х — первая половина 2020-х гг.), *Арктика и Север*, № 58, с. 136—158, EDN: VNPQIS, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.136>
13. Трунов, Ф. О. 2021, Особенности и результаты диалога ФРГ и стран Северной Европы в общеполитической и военной сферах в 2010-е гг., *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 12, № 11, EDN: AAOOCH, <https://doi.org/10.18254/S207987840017776-2>
14. Хорольская, М. В. 2022, Участие Германии в «инициативе трех морей»: перспективы для России, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 83—97, EDN: MPZHNQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-6>
15. Трунов, Ф. О. 2024, Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 61—80, EDN: JHXFDT, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>
16. Major, C., Swistek, J. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 49, 8 s., <https://doi.org/10.18449/2022A49>
17. Woelke, M., Keller, A., Müller, T. 2025, Cutting-edge, affordable, ready: Impulse zur Stärkung des europäischen Verteidigungssektors. *Bundesakademie der Sicherheitspolitik Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, № 3, 6 s.
18. Bring, O. 2008, *Neutralitetens uppgång och fall: eller den gemensamma säkerhetens historia*, Stockholm, Atlantis förlag, 453 p.
19. Paul, M. 2022, Arktische Implikationen des russischen Angriffskrieges, *SWP-Aktuell*, № 34, 4 s., <https://doi.org/10.18449/2022A34>
20. Килин, Ю. М. 2017, Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции, *Современная Европа*, № 2, с. 65—76, EDN: ZBMDNZ, <https://doi.org/10.15211/soveurope220176576>
21. Плевако, Н. С. 2023, Безопасность Швеции и НАТО: дорога с препятствиями, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, т. 31, № 1, с. 26—35, EDN: XHNRTQ, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran120232635>

22. Корунова, Е. В. 2024, «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО, *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, т. 16, № 3, с. 53—97, EDN: VPZTGG, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97>
23. Forsberg, T., Christiansson, M. 2025, *NATO's Northern Enlargement. Finland and Sweden's Path to Membership*, Bristol, Bristol University Press, 208 p.
24. Смирнов, П. Е. 2023, Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 42—61, EDN: PYLEYX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
25. Чеков, А. Д., Воротников, В. В., Чечевишников, А. Л., Якутова, У. В. 2023, Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 67, № 10, с. 19—29, EDN: MLEMOR, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29>
26. Конышев, В. Н., Сергунин, А. А. 2024, О новой военной стратегии США в Арктике, *Арктика и Север*, № 57, с. 226—243, EDN: GENTHS, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>
27. Новикова, И. Н. 2006, *Между молотом и наковальней : Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны*, Санкт-Петербург, EDN: TFALKT
28. Tull, D. M. 2022, *Ad-hoc-Koalitionen in Europa. Der Sahel als Katalysator europäischer Sicherheitspolitik?*, Berlin, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit SWP, 36 S.
29. Трунов, Ф. О. 2024, Роль Германии как «рамочного государства» НАТО, *Общественные науки и современность*, № 1, с. 46—59, EDN: RSXUBQ, <https://doi.org/10.31857/S0869049924010047>
30. Зверев, Ю. М. 2023, Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 24—41, EDN: HOTSGX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
31. Зверев, Е. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82, EDN: SQTQZW, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
32. Schneider, P. 2025, Schutz maritimer Kritischer Infrastruktur in der Ostsee: Braucht es den Schuss vor den Bug?, *Bundesakademie der Sicherheitspolitik Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, № 4, 7 S.
33. Трунов, Ф. О. 2024, Распределение вклада между «западными демократиями» в сдерживание России и КНР. Опыт использования наземных сил. *Международные процессы*, т. 22, № 1, с. 80—105, EDN: DHGNAW, <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.4>
34. Frelin, J., Jakobsson, E., Löfström, A. S. 2025, *NATO's Forward Land Forces. A new type of international military operation for Sweden*, Stockholm, 12 p.
35. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А. 2024, Эксклавность Калининградской области: опыт экспликации, *Балтийский регион*, т. 16, № 2, с. 4—17, EDN: YQNYSI, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-2-1>
36. Трунов, Ф. О. 2025, Переизбрание Д. Трампа (2024) и отношения США — ФРГ в сфере безопасности и обороны, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 220—241, EDN: ZHGJRG, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.1>

Об авторе

Филипп Олегович Трунов, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, отдел Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

E-mail: 1trunov@mail.ru

CONTEMPORARY MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN GERMANY AND SWEDEN IN THE CONTEXT OF MILITARISATION: FROM INTERCONNECTEDNESS TO COMPLEMENTARITY

Ph. O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
51/21 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russia

Received 15 December 2025
Accepted 12 February 2026
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-3
© Trunov Ph. O., 2026

Germany and Sweden have significantly increased military spending and have also sought to dramatically expand their armed forces, distinguishing themselves from several other NATO member states in this regard. A key objective of this militarisation is to enhance their contributions to NATO's deterrence posture against Russia, thereby advancing their respective leadership aspirations within the Alliance. At the same time, cooperation has consistently outweighed competition in German-Swedish security and defence collaboration. This article examines the dynamics and evolution of this military-political partnership in the late 2020s, with particular emphasis on Sweden's NATO accession in March 2024. Methodologically, it draws on political neorealism and theories of armed forces development. Historically, the two states' peaks of power never coincided, sparing them large-scale conflict and creating a favourable backdrop for cooperation. In the mid-1990s, West Germany viewed Sweden's de facto rapprochement with NATO positively. This process gained greater scale and depth amid the Euro-Atlantic confrontation with Russia that intensified after 2014. Germany pursued a strategy of gradual and consistent deterrence; in the mid-2010s, Berlin still considered formal Swedish NATO membership overly provocative, communicating this stance through the N3+1 format (2014–2019), which involved the Nordic EU member states. By the end of the decade, however, Germany had come to accept and actively support Sweden's abandonment of its non-aligned status, as evidenced by the N5+1 platform (from 2019, encompassing all five Nordic states) and high-level bilateral contacts. The study compares both countries' militarisation models. Germany particularly values Sweden's reinstatement of conscription in 2017, which has substantially boosted troop numbers, especially in ground forces. It details Armed Forces cooperation in manning NATO's Enhanced Forward Presence (eFP) battlegroups in the Scandinavian-Baltic region, including geographic burden-sharing. Special focus is given to the risks posed by strengthened German-Swedish eFP contingents, particularly concerning potential attempts to blockade the Kaliningrad region from the east. The conclusions identify the drivers of harmonisation achieved by Berlin and Stockholm in coordinating their military-political plans and actions under NATO auspices.

Keywords:

Germany, Sweden, negotiation formats, militarisation, Baltic region, NATO, deterrence, Russia, Kaliningrad region

References

1. Trunov, Ph. O. 2024, The Shift to a New NATO Force Model as an Indicator of Strategic Evolution and the Potential Intentions of Western Democracies, *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, № 6, p. 167—185, <https://doi.org/10.31249/kgf/2024.06.10>
2. Deni, J. R. 2024, The new NATO Force Model: ready for launch? *NATO Defence College*, № 4, 7 p.
3. Trunov, Ph. O. 2022, The evolution of NATO's Forward Presence Force by mid-2022, *Russia and the contemporary world*, № 4, p. 100—122, <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.06>
4. Bratersky, M. V. 2025, Economic prospects for the Euro-Atlantic community in a period of global political restructuring, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 22—42.
5. Zilla, C. 2022, Feminist Foreign Policy, *SWP-Aktuell*, № 48, 7 p., <https://doi.org/10.18449/2022C48>
6. Belinsky, A. V. 2025, Waiting for the government inspector: the US presidential election and the reaction of the political parties in the FRG, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 203—219, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.11>
7. Petrov, I. I. 2025, European tripolar space and the beginning of donald trump's second presidential term, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 43—65, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.03>
8. Waltz, K. 1979, *Theory of International Politics*, Reading, Menlo Park, Addison-Wesley Publishing Company, 250 p.
9. Trunov, Ph. O. 2025, Germany's approach to security and defence cooperation with Poland by the MID-2020s, *Baltic Region*, vol. 17, № 2, p. 49—72, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-2-3>
10. Chernega, V. N. 2024, "Power Europe" according to E. Macron and the US Factor, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, № 1, p. 85—105, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.05>
11. Pronko, V. A. 2000, The military strategy after World War II, *The history of military strategy of Russia*, Moscow, Kuchkovo pole, p. 377—496 (in Russ.).
12. Trunov, Ph. O. 2025, Peculiarities of German-Norwegian Cooperation in the Military-Political Sphere (Late 2010s — First Half of 2020s), *Arctic and North*, № 58, p. 136—158, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.136>
13. Trunov, Ph. O. 2021, The features and results of the dialogue between Germany and the Nordic Countries in the political and military spheres in the 2010s, *Electronic scientific and educational journal "History"*, vol. 12, № 11, <https://doi.org/10.18254/S207987840017776-2>
14. Khorolskaya, M. V. 2022, German participation in the three seas initiative: opportunities for Russia, *Baltic Region*, vol. 14, № 2, p. 83—97, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-6>
15. Trunov, Ph. O. 2024, Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 61—80, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>
16. Major, C., Swistek, J. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 49, 8 S., <https://doi.org/10.18449/2022A49>
17. Woelke, M., Keller, A., Müller, T. 2025, Cutting-edge, affordable, ready: Impulse zur Stärkung des europäischen Verteidigungssektors, *Bundesakademie der Sicherheitspolitik Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, № 3, 6 S.
18. Bring, O. 2008, *Neutralitetens uppgång och fall: eller den gemensamma säkerhetens historia*, Stockholm, Atlantis förlag, 453 p.
19. Paul, M. 2022, Arktische Implikationen des russischen Angriffskrieges, *SWP-Aktuell*, № 34, 4 S., <https://doi.org/10.18449/2022A34>
20. Kilin, Yu. 2017, Neutral states at the crossroad: The issue of Sweden and Finland's membership in NATO, *Sovremennaya Evropa*, vol. 74, № 2, p. 65—76, <https://doi.org/10.15211/soveurope220176576>

21. Plevako, N. 2023, The security of Sweden and NATO: road with obstacles, *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, vol. 31, № 1, p. 26—35, <https://doi.org/10.15211/vestnikier-an120232635>
22. Korunova, E. V. 2024, The die is cast: Sweden and Finland's long road to NATO, *Lo-monosov World Politics Journal*, vol. 16, № 3, p. 53—97, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97>
23. Forsberg, T., Christiansson, M. 2025, *NATO's Northern Enlargement. Finland and Sweden's Path to Membership*, Bristol, Bristol University Press, 208 p.
24. Smirnov, P. Ye. 2023, The accession of Finland and Sweden to NATO: geopolitical implications for Russia's position in the Baltic sea region, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 42—61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
25. Chekov, A. D., Vorotnikov, V. V., Chechevishnikov, A. L., Yakutova, U. V. 2023, Finland and Sweden joining NATO: consequences for Russia's national security, *World Economy and International Relations*, vol. 67, № 10, p. 19—29, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29>
26. Konyshchev, V. N., Sergunin, A. A. 2024, On the New US Military Strategy in the Arctic, *Arctic and North*, № 57, p. 226—243, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>
27. Novikova, I. N. 2006, *Between the hammer and the anvil: Sweden in the German-Russian confrontation in the Baltic during the First World War*, St. Petersburg (in Russ.), EDN: TFLAKT
28. Tull, D. M. 2022, *Ad-hoc-Koalitionen in Europa. Der Sahel als Katalysator europäischer Sicherheitspolitik?*, Berlin, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit SWP, 36 S.
29. Trunov, Ph. O. 2024, The role of Germany as a NATO «framework nation», *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, № 1, p. 46—59, <https://doi.org/10.31857/s0869049924010047>
30. Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic Regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
31. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The Republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic Region*, vol. 14, № 3, p. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
32. Schneider, P. 2025, Schutz maritimer Kritischer Infrastruktur in der Ostsee: Braucht es den Schuss vor den Bug?, *Bundesakademie der Sicherheitspolitik Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, № 4, 7 S.
33. Trunov, Ph. O. 2024, Burden-sharing between western states in containing Russia and China case of land forces usage, *Mezhdunarodnye Protsessy*, vol. 22, № 1, p. 80—105, <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.4>
34. Frelin, J., Jakobsson, E., Löfström, A. S. 2025, *NATO's Forward Land Forces. A new type of international military operation for Sweden*, Stockholm, 12 p.
35. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2024, Exclavity of the Kaliningrad Region: experience of explication, *Baltic Region*, vol. 16, № 2, p. 4—17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-2-1>
36. Trunov, Ph. O. 2025, The reelection of Donald Trump (2024) and the US — Germany relations in the sphere of security and defense, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, № 2, p. 220—241, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.1>

The author

Dr **Philipp O. Trunov**, Leading Research Fellow, the Department of Europe and America, the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

E-mail: 1trunov@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

FHRVXV

ОБРАЗ РОССИИ В ШВЕДСКОМ НАЦИОНАЛ-КОНСЕРВАТИВНОМ ДИСКУРСЕ, 2014–2024 ГОДЫ

Г. С. Рагозин

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова,
163002, Россия, Архангельск,
ул. Набережная Северной Двины, 17

Поступила в редакцию 18.09.2025 г.
Принята к публикации 25.02.2026 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-4
© Рагозин Г. С., 2026

Статья посвящена динамике образа России в национал-консервативном дискурсе Швеции 2014–2024 гг., а именно — в партии «Шведские демократы» и в аффилированном с ней издании *Samtiden*. Данный вопрос примечателен тем, что партия стала второй политической силой страны и ликвидировала «санитарный кордон» вокруг себя в Риксдаге в 2022 г., в том числе с изменением позиции в отношении России. Для изучения динамики образа этой страны в шведском национал-консервативном дискурсе необходим анализ в рамках исторической и политической имажологии. Это связано с актуализацией «Шведскими демократами» мифа о «русской угрозе» и его мобилизационной партией в политических целях. До 2014 г. «русская угроза» не считалась шведскими национал-консерваторами экзистенциальной проблемой для страны. Этим партия выделялась на фоне других шведских правых, в том числе «классической» Умеренно-коалиционной партии. Однако после обострения украинского кризиса в 2014 г. «Шведские демократы» начали коррекцию своего отношения к России. До «дела Скрипалей» в 2018 г. представители партии и связанные с ними колумнисты считали Россию частью мировой политики и фактором ее стабильности, однако затем данный образ сместился в сторону критицизма по отношению к российской внешней политике и политической системе. После февраля 2022 г. «Шведские демократы» превзошли по использованию «русской угрозы» остальные партии страны. Для этого «Шведские демократы» привлекали не только колумнистов в *Samtiden*, но и историков, политологов и специалистов в области международных отношений. Все это сыграло не последнюю роль в изменении позиции «Шведских демократов» в части членства страны в НАТО, а также в политической агитации там, где мифы о «русской угрозе» были релевантны.

Ключевые слова:

Швеция, «Шведские демократы», *Samtiden*, «русская угроза», национал-консерватизм, русофобия

Введение

Восприятие России в общественном мнении стран Балтийского региона является острой проблемой для российской внешней политики и региональной и европейской безопасности. Опыт событий 2014–2024 гг. и рост антироссийской риторики при геополитических изменениях обнажил проблему политической и культурной

Для цитирования: Рагозин, Г. С. 2026, Образ России в шведском национал-консервативном дискурсе, 2014–2024 годы, *Балтийский регион*, т. 18, № 1, с. 63–76, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-4

русофобии в ряде государств. Особым случаем здесь предстает внеблоковая до марта 2024 г. Швеция. Несмотря на политику неприсоединения к альянсам после 1814 г. и огромный опыт отношений с Россией в разных областях, в историческом сознании этой страны господствует миф о «русской угрозе». Он был неотъемлемой частью скептицизма к России и до и после 1991 г. В 2022 г., руководствуясь антироссийской риторикой и практикой последних лет, Швеция пересмотрела свою внешнеполитическую стратегию и подала заявку на вступление в блок НАТО. Партия «Шведские демократы» до 2014 г., в отличие от остальных шведских политических движений, не высказывала определенной позиции по отношению к России. Однако затем эта позиция стала меняться, в том числе в привязке взаимоотношений «Швеция — НАТО — Россия».

Рост напряженности в российско-шведских отношениях с 2014 г. обозначился в конце legislatury кабинета Умеренно-коалиционной партии во главе с Фредериком Рейнфельдтом. Тогда же активизировалась дискуссия о членстве страны в НАТО, и фактор «русской угрозы» был здесь одним из ключевых. Он обсуждался основными политическими силами страны, и до 2022 г. Социал-демократическая рабочая партия, Умеренно-коалиционная партия и партия «Шведские демократы» высказывали разное отношение к нему и к России в ходе предвыборных кампаний 2014, 2018 и 2022 гг. и во время парламентских и экспертных дискуссий [1]. Однако до 2022—2024 гг. это не вело к отказу от так называемой «свободы от союзов»¹, несмотря на углубление сотрудничества с НАТО.

После начала Россией специальной военной операции на Украине в 2022 г. Швеция подала заявку на вступление в НАТО, а в марте 2024 г. стала членом Альянса. Старые и новые образы «русской угрозы», тиражируемые в общественном мнении Швеции, сыграли в этом не последнюю роль. Обычно противостоявшие друг другу по вопросу членства в НАТО и сотрудничеству с ним Умеренно-коалиционная партия и партия «Шведские демократы» оказались единодушны именно на почве негативного образа России.

Настоящее исследование нацелено на выявление основных элементов негативного образа России, получивших развитие в дискурсе национал-консервативной силы Швеции — партии «Шведских демократов» — в 2014—2024 гг. Выбор этой партии связан с ее меняющейся ролью в шведском политикуме: по итогам выборов в Риксдаг 2014, 2018 и 2022 гг. «Шведские демократы» набирали силу и смогли стать второй партией по числу мест в парламенте. Соглашение в Тидё 14 октября 2022 г. с Умеренно-коалиционной партией, «Либералами» и «Христианскими демократами» означало и преодоление партией «санитарного кордона» в Риксдаге. «Шведские демократы» в своей платформе изменили позицию по отношению к России в течение 2014—2024 гг. Будучи ранее благожелательной или индифферентной к ней, партия интегрировала русофобию в свою программу и идеологию. Все это показали в полной мере восприятие партией мифа о «русской угрозе» и придание ему своего прочтения, а также позиция партии по ряду острых вопросов внешней политики Швеции, в том числе членства в НАТО.

Обзор литературы

Динамика образа России в Швеции является давним предметом исследования историков и политологов. Классической работой по истории восприятия России и русских шведами стала «Русская угроза» Швеции: система взглядов элит малой

¹ В Швеции по отношению к внеблоковому статусу использовался термин *Alliansfrihet*, дословно — «свобода от союзов». Он не во всем является тождественным термину «нейтралитет».

державы на стратегию в эпоху империализма» Гуннара Оселиуса [2]. На примере господствовавшего во второй половине XIX — начале XX в. в общественном мнении Швеции мифа о «русской угрозе» Оселиус представил архетип восприятия России и «русских» в шведском сознании. Он связывался с борьбой за лидерство на Балтике в XVI—XVIII вв., падением Шведского великодержавия, а также связанными с ними историческими травмами страны. После этого Россия и «русские» отпечатались в стратегической культуре страны и ее общественном мнении как экзистенциальная угроза.

Продолжают эту тенденцию работы, посвященные стратегической культуре страны. Якоб Вестберг исходил из «русской угрозы» как фактора мобилизации шведского общества и императива поведения страны на международной арене в 1815—2015 гг. [3; 4]. В том же ключе написана работа Улофа Кронвалля и Магнуса Петтерсона, в которой изучалась динамика образов СССР и США в годы Холодной войны [5]. С иной позиции смотрит Микаэль Нильссон: он сконцентрировался на вовлечении Швеции в американскую стратегию с позиции «мягкой силы» [6]. Карл Марклунд изучал динамику антиамериканской риторики в Швеции во время премьерства Улофа Пальме в 1973—1986 гг. [7].

Помимо этого изучение образа России в Швеции связано с вопросом интеграции страны в НАТО. Политологи и историки, обращаясь к восприятию России в Швеции, полагают его решающим в вовлечении страны в сотрудничество с Альянсом¹, а также в изменении политики национальной безопасности (К. Вальбек, М. Хольмстрём, К. Блюдаль, Д. Гюлленспорре) [8—11]. Рост антироссийских настроений в Швеции с началом украинского кризиса в 2013 г. исследовали С. Ольссон и А. Висландер [12; 13]. Они связывали его с «Восточным партнерством» ЕС, инициированным при участии Стокгольма. В качестве одного из катализаторов ухудшения восприятия России и шведско-российских отношений также выделяются устойчивость образа страны в шведском обществе и его встраивание в новую архитектуру европейской и национальной безопасности (Д. Броммерсон, А.-М. Экенгрен, А. Михальски, Т. Перссон, С. Вильдмальм, В. Савич, К. Иден, Й. Берндтссон) [14—17]. Общественное мнение как фактор формирования внешней политики страны на примере Швеции исследовал коллектив под руководством Ларса Норда и Йеспера Стрёмбека [18].

Вне Швеции обращение к вопросу происходит с позиций сравнительного анализа образа сверхдержав в Скандинавских странах (П. Рослинг-Йенсен) [19]; проблем скандинавской безопасности (М. Петтерссон) [20]; политики Швеции в отношении стран Балтии и их выхода из состава СССР в 1988—1991 гг. (М. Кульдкёпп) [21]. Отношение к России здесь анализируется с позиции критицизма в адрес внешней политики СССР — РФ. Также данный вопрос изучается с позиции противоречия участия Швеции и Финляндии в системе безопасности ЕС вне членства в НАТО до 2022 г. (Т. Форсберг, Т. Ваахторанта) [22] и присоединения Швеции и Финляндии к НАТО (У. Альберк, Б. Шреер) [23], а также вопросов безопасности в Арктике с позиции противоречий России и НАТО (Л. Одгорд, Д. Делледж) [24; 25].

В российской исторической и политической науке обращаются к образу России в Швеции с позиции мифа о «русской угрозе» предыдущих периодов (О. В. Зарецкая) [26]; «травм» в шведском историческом сознании и их связи с современным образом России (К. В. Воронов) [27; 28]. Все эти работы обращаются к «Полтавскому синдрому», краху Великодержавия, утрате господства на Балтике и к исторической

¹ Holmström, M. 2016, "Säpo: Ryska agenter motarbetar på svensk mark", *Dagens Nyheter*, April 30, URL: <https://www.dn.se/nyheter/sverige/sapo-ryska-agentermotarbetar-pa-svensk-mark/> (дата обращения: 02.06.2024).

памяти и исторической политике страны. Также изучалась культивация на их основе негативного отношения к российскому государству в общественном мнении Швеции в последующие периоды. Во всех случаях критицизм к России в правом дискурсе считался средством политической мобилизации.

Также российские исследователи обращаются к правому популизму как фактору изменения политической системы в странах Европы, в том числе Северной (Л. С. Окунева, А. И. Тэвдой-Бурмули) [29] и к изменению восприятия России и политики по отношению к ней в странах Северной Европы с началом украинского кризиса в 2013 г. (В. В. Воротников) [30]. Исследования, посвященные этому вопросу, проходили в тесном сотрудничестве шведских и российских политологов (Г. Симонс, А. Манойло и Ф. Трунов) [31].

Методология и методы

Основным источником для анализа в рамках исследования выступают материалы, опубликованные на страницах электронного издания *Samtiden*, аффилированного со «Шведскими демократами». Члены партии возглавляют редколлегия и выступают в качестве обозревателей. Издание — «рупор» партии — привлекает к формированию национал-консервативной повестки историков, политологов и специалистов в области международной политики. На страницах *Samtiden* также публикуются рецензии на работы, посвященные истории Швеции и шведско-российских отношений¹. Там же представлены и информационно-аналитические материалы, критика и дискуссии по проблемам повестки партии, страны и мира. В рамках исследования были проанализированы 35 очерков по вопросам, связанным с Россией в мировой истории и политике. Вторым источником выступает официальный сайт партии «Шведские демократы», на котором публикуются предвыборные программы и выступления ключевых лиц партий².

Настоящее исследование основано на подходах исторической и политической имагологии, так как подвергнут анализу создаваемый образ «другого». Его компонентами выступают этностереотипы и восприятие опыта двусторонних отношений предыдущих периодов, заданные политическим контекстом. Все это раскрывается с позиции дихотомии «я — другой» через символическое взаимодействие, а также через восприятие своего государства в себе и чужого в «другом», а также миссии своего государства в мире [32]. Восприятие «другого» также влияет на формирование собственной идентичности в меняющемся мире [33].

Главный акцент, выбранный в образе России и ее поведении на международной арене, в том числе в отношении Швеции, связан с инаковостью политической и стратегической культуры, опытом конкуренции и противостояния на Балтике. В настоящем исследовании посредством дискурса-анализа изучается пересборка и применение таких концептов в образе России в шведском национал-консервативном дискурсе, как «авторитаризм», «империя», «национализм» и «русская угроза».

Восприятие России как участника мировой политики в дискурсе партии «Шведские демократы», 2014—2024 годы

Ухудшение шведско-российских отношений началось в первую фазу украинского кризиса (2013—2014) в заключительный период legislatury кабинета Фредерика Рейнфельдта (Умеренно-коалиционная партия). Именно в это время началось укрепление позиций «Шведских демократов», которые по итогам выбо-

¹ *Samtiden*, 2025, URL: <https://samtiden.nu/om-oss/> (дата обращения: 12.08.2024).

² *Sverigedemokraterna*, 2025, URL: <https://sd.se/> (дата обращения: 12.08.2024).

ров 2022 г. стали второй по численности фракцией в Риксдаге. Более того, правые партии — «Христианские демократы», Умеренно-коалиционная партия и «Либералы» — пошли на заключение со «Шведскими демократами» коалиционного соглашения в Тидё 14 октября 2022 г.¹

Предвыборная кампания 2022 г. для «Шведских демократов» отметилась исключительно активным использованием образа «русской угрозы». Однако в течение предшествовавших этому восьми лет в связанном с партией издании *Samtiden* шла активная дискуссия с участием членов партии, колумнистов, историков и специалистов в области международных отношений. Они высказывали различные точки зрения о роли России в мировой политике, и все это повлияло на образ страны, сложившийся к 2022 г. и связанный с возможным членством Швеции в НАТО.

В программе 2014 г. «Шведские демократы» не формировали враждебного образа России. В ходе работы Риксдага созыва 2014—2018 гг. на страницах *Samtiden* связанные со «Шведскими демократами» колумнисты позитивно оценивали такие шаги России, как борьба с «Исламским государством» (террористическая организация, запрещенная в РФ) и радикальным исламом в целом²; поддержание диалога в части европейской безопасности, в том числе на Балтике и посредством Совета государств Балтийского моря в целях деэскалации³. «Чрезмерный и несправедливый скептицизм» в отношении России в Швеции и ЕС партия осуждала: Россия в понимании колумнистов *Samtiden* должна была быть неотъемлемым гарантом мировой безопасности⁴.

При этом связанные со «Шведскими демократами» обозреватели соглашались с позицией президента США Дональда Трампа, предпочитавшего иметь дело с Россией, а не с ЕС. Они выражали эту позицию фразой «Стыдно смотреть на Европу», осуждая антитрампистскую риторику и политику с позиции роли США как «спасителей континента от нацизма и коммунизма»⁵. Однако идеальным видением роли России в Европе и мире виделся конструктивный российско-американский диалог и «совместная работа в деле обеспечения стабильности и мира», хотя это и считалось «маловероятным». Лидеры партии считали необходимым диалог с Москвой ради деэскалации на Балтике, в Европе и мире⁶.

Критика в отношении России у партии уже в этот период увязывалась с сотрудничеством Швеции и НАТО. Отправной точкой было обращение *Samtiden* к вопросам о признании Крыма частью России и о статусе Донбасса. Это было использовано для одобрения возможного углубления кооперации с НАТО, в том числе с отсылкой к «травматичному» историческому опыту Финляндии и стран Балтии, связанному с СССР. Так образ России стал выражаться формулировкой «Россия

¹ Överenskommelse för Sverige, 2022, Tidöavtalet, 14.10.2022, *Liberalerna*, URL: <https://moderaterna.se/app/uploads/2022/10/Tidoavtalet-Overenskommelse-for-Sverige.pdf> (дата обращения: 26.06.2024).

² 2016 — hopp och förtvivlan, 2025, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/01/2016-hopp-och-fortvivlan/> (дата обращения: 27.06.2024); Donald Trump har rätt om Syrien, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/10/donald-trump-har-ratt-om-syrien/> (дата обращения: 27.06.2024).

³ Oberoende utredare vägleder de osäkra om Nato, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/08/oberoende-utredare-vagleder-de-osakra-om-nato/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁴ Ny världsordning med Donald Trump, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/11/ny-varldsordning-med-donald-trump/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵ Trump avskyr Europas eliter så som de avskyr honom, 2018, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2018/07/trump-avskyr-europas-eliter-sa-som-de-avskyr-honom/> (дата обращения: 21.06.2024).

⁶ Oberoende utredare vägleder de osäkra om Nato, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/08/oberoende-utredare-vagleder-de-osakra-om-nato/> (дата обращения: 24.06.2024).

как страна понимает лишь силу, а не разговоры о гуманитарном великодержавии и феминизме». Все это совмещалось с обвинением ООН и главы шведского МИД Маргот Вальстрём в «бездействии»¹.

После того как в адрес России прозвучали обвинения в кибератаках с целью вмешательства в президентские выборы в США в 2016 г., риторика партии стала сильнее тяготеть к использованию «русской угрозы»². Рост роли БРИКС в мировой экономике связанные со «Шведскими демократами» кolumnисты считали фактором мирового баланса, действие которого «нивелировалось коррупцией и медленными темпами демократических преобразований в странах — членах организации»³. По мнению «Шведских демократов», Москва пыталась расколоть Запад посредством фейковых новостей, нацеленных на формирование негативной ситуации в Швеции. Партия обращала эту проблему против своих оппонентов из Социал-демократической рабочей партии и «Зеленых»: их обвиняли в создании угрозы национальной безопасности и содействии российским агентам влияния⁴.

Так в среде «Шведских демократов» развивался тезис о России как о стране, желающей реванша. С позиции партии, он был востребован из-за неудавшегося «возвращения в Европу» в силу отсутствия продуманного курса у президента России Бориса Ельцина и восприятия «мягкой силы» США и ЕС как аналога «жесткой» в силу действий Вашингтона и Альянса в 1991 — 2014 гг. и его продвижения на Восток. Все это, по мнению «Шведских демократов», стало почвой для недовольства Москвы курсом Запада, а затем и ответного антизападного курса⁵. Перечисленное изображалось как угроза Швеции: в пользу этого приводились грузинский и украинский кризисы вкупе с ростом военной активности России на Балтике⁶. Позицию элит ряда ключевых стран ЕС, например активно торговавшей с Россией Германии, «Шведские демократы» называли «лицемерной», соглашаясь с Дональдом Трампом⁷.

С началом «дела Скрипалей» в 2018 г. лидер «Шведских демократов» Йимми Окессон открыто назвал Россию «угрозой Швеции»⁸. Вопрос о вмешательстве третьих сторон, в том числе Москвы, в выборы президента США был назван внутри-

¹ Nato är det bästa alternativet, 2026, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/05/nato-ar-det-basta-alternativet/> (дата обращения: 25.04.2023) ; Meningslös seger i FN, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/06/meningslos-seger-fn/> (дата обращения: 27.06.2024).

² Cybersäkerhet i fokus efter ryska attacker, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/12/cybersakerhet-fokus-efter-ryska-attacker/> (дата обращения: 25.06.2024).

³ Årskrönika: Väst dominerar världen också 2017, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/12/arskronika-vast-dominerar-varlden-ocksa-2017/> (дата обращения: 25.06.2024).

⁴ Varning för falska nyheter! 2017, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2017/01/varning-falska-nyheter/> (дата обращения: 25.04.2024).

⁵ Hur agera när Ryssland söker revansch? 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/12/hur-agera-nar-ryssland-soker-revansch/> (дата обращения: 25.06.2024).

⁶ Räcker Sveriges underfinansierade försvar mot krigshot i Östersjöområdet? 2017, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2017/07/racker-sveriges-underfinansierade-forsvar-mot-krigshot-ostersjoomradet/> (дата обращения: 25.06.2024) ; Försvarsmakten behöver pengar akut, 2018, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2018/02/forsvarsmakten-behoover-pengar-akut/> (дата обращения: 25.04.2024).

⁷ Trump är oförsämd nog att säga sanningar, 2018, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2018/07/trump-ar-oforskamd-nog-att-saga-sanningar/> (дата обращения: 25.06.2024).

⁸ Landets ende oppositionsledare — Jimmie Åkesson, 2018, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2018/09/landets-ende-oppositionsledare-jimmie-akesson/> (дата обращения: 25.04.2024).

американской «охотой на ведьм»¹. Эти заявления были сделаны в условиях подготовки к выборам в Риксдаг в 2018 г., то есть антироссийская позиция стала частью партийной программы и риторики.

Позднее партия требовала не возвращать России право голоса в Совете Европы в связи с украинскими событиями²; осудила приглашения представителей России, Китая, Саудовской Аравии и Ирана, названных «режимами-убийцами», на церемонию вручения Нобелевских премий³; высказывалась в пользу «самодостаточной Швеции» в случае введения Россией эмбарго на поставки энергоносителей в Европу⁴. Партия констатировала «смерть гуманитарных сверхдержав», в том числе Швеции. Иными словами, по мере роста международной напряженности второй половины 2010-х гг. «Шведские демократы» стали активно продвигать негативные образы России. В то же время продвижение враждебных России нарративов под лозунгом распространения «западных ценностей» партия назвала «опасным» и «ведущим к войне мировоззрений»⁵.

С началом специальной военной операции России на Украине риторика «Шведских демократов» окончательно стала антироссийской. Так, в своей программе на выборах в Риксдаг 2022 г. партия призвала к поддержанию санкций против «регрессивных стран», в которые были включены Россия, Беларусь и Турция. «Шведские демократы» требовали сдерживать российскую и китайскую активность в Арктике при максимальном продвижении интересов Швеции⁶. После этого позиция партии стала похожа на взгляды ключевой правой партии Швеции — Умеренно-коалиционной⁷. В дальнейшем члены партии и связанные с ней обозреватели стали обвинять в «пророссийской» и «капитулянтской» позиции левые партии Швеции⁸.

Мифы о «русской угрозе» как фактор эволюции взглядов «Шведских демократов» на членство Швеции в НАТО

В начальный период украинского кризиса, который совпал с предвыборной кампанией 2014 г., позиция «Шведских демократов» о членстве в НАТО была отрицательной. Это контрастировало с заявлениями Умеренно-коалиционной партии о необходимости сотрудничать с Альянсом ради сдерживания «русской угрозы». «Шведские демократы» считали членство в НАТО «непригодным для противодей-

¹ Ryssutredningen var en grundlös häxjakt, 2019, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2019/04/ryssutredningen-var-en-grundlos-haxjakt/> (дата обращения: 25.05.2024).

² Löfven hårt pressad om EU:s sociala pelare, 2019, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2019/11/lofven-hart-pressad-om-eus-sociala-pelare/> (дата обращения: 26.06.2024).

³ Nobelstiftelsen: "Rutin" att bjuda in mördarregimer, 2019, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2019/12/nobelstiftelsen-rutin-att-bjuda-in-mordarregimer/> (дата обращения: 26.06.2024).

⁴ Sverige utan självförsörjning — Vad händer när handeln inte fungerar? 2020, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2020/03/sverige-utan-sjalfvorsorjning-vad-hander-nar-handeln-inte-fungerar/> (дата обращения: 26.06.2024).

⁵ Kinas makthunger en del av globaliseringens baksida, 2021, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2021/02/kinas-makthunger-en-del-av-globaliseringens-baksida/> (дата обращения: 26.06.2024).

⁶ Sverigedemokraternas Valplattform 2022, 2022, Inriktningsprogram för Sverigedemokraternas inflytande över svensk politik under nästa mandatperiod, Stockholm, p. 57, *Sverigedemokraterna*, URL: <https://www.sd.se/wp-content/uploads/2022/07/sverigedemokraternas-valplattform-2022-april.pdf> (дата обращения: 26.06.2024).

⁷ Tid att visa blågul solidaritet — i praktisk handling, 2022, *Moderaterna*, URL: <https://moderaterna.se/nyhet/tid-att-visa-blagul-solidaritet-i-praktisk-handling/> (дата обращения: 25.06.2024).

⁸ Vänstern redo att ge upp Sverige och kapitulera vid krig, 2024, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2024/01/vanstern-redo-att-ge-upp-sverige-och-kapitulera-vid-krig/> (дата обращения: 26.06.2024).

ствия ей, несмотря на втягивание страны в инфраструктуру блока»¹. Этот вопрос, по мнению партии, требовал детальной проработки, а также конструктивного взаимодействия Стокгольма с Москвой и НАТО, в том числе в ключе деэскалации на Балтике. В пользу этого партия обратилась к наработкам исследователей в области международных отношений, проанализировав монографию «Sweden, NATO and security»², выпущенную в 2016 г.

Исходя из этого, «Шведские демократы» осуждали рост американского военного присутствия в Европе, считая, что это не поможет наладить диалог с Россией³. В то же время партия считала необходимым укреплять шведские вооруженные силы, которые нуждались в увеличении финансирования и модернизации⁴. Виновым в эрозии шведской политики неприсоединения партия считала премьер-министра Швеции в 1991 — 1994 гг. Карла Бильдта, который начал перестраивать шведскую политику безопасности на Балтике после распада СССР⁵. Партия в целом соглашалась с тем, что «свобода от союзов» Швеции требовала согласования с новыми реалиями.

К предвыборной кампании 2018 г. позиция «Шведских демократов» о членстве страны в Альянсе не изменилась: партия была против вступления Швеции в блок. По их мнению, шведское общество «не желало и не должно было жертвовать жизнями своих солдат за чужие интересы»⁶. Взамен предлагались укрепление национальной обороны: вооруженных сил, добровольческих организаций, полицейских формирований и шведского ВПК. Последний должен был иметь приоритет при размещении заказов на технику и вооружение для шведской армии и флота. В то же время на страницах издания *Samtiden* связанные с партией обозреватели, историки и политологи заявляли о важности НАТО в мировой и европейской политике второй половины XX — начала XXI в.

Так Улоф Хеденгрэн отметил, что НАТО как блок имел все шансы «тихо умереть», однако «с началом войны в Корее Запад осознал необходимость сдерживать экспансию СССР», который характеризовался Хеденгреном как «ядерная держава с мегаломаньяком Сталиным у власти». Вторым аргументом в пользу НАТО Хеденгрэн назвал раскол Германии, вина в котором им перекладывалась на СССР в контексте «навязывания своих условий странам Центрально-Восточной Европы». По мнению обозревателя, блок справился с противодействием «Советской империи», а также помог «добиться единства и свободы Германии и Европы». Для Швеции, как считал Хеденгрэн, «НАТО — возможность глубоко модернизировать свою оборону в условиях роста угрозы стране»⁷. Так в условиях кампании 2018 г. партия обнаружила противоречие в своей программе: укрепление национальной обороны без НАТО и «жертвы во имя чужого интереса» соседствовало с апологетикой Альянсу, его потенциалу для Швеции и его действиям в Европе и мире с 1949 г.

¹ Nato är det bästa alternativet, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/05/nato-ar-det-basta-alternativet/> (дата обращения: 25.04.2023).

² Blix, H., Ekéus, R., Hirdman, S., Schori, P., Åkerström, L., Oscarson, S., Ingelstam, L. 2016, *Sweden, NATO and security*, Stockholm, Celanders Förlag, 222 p.

³ USA skickar 330 marinkårssoldater till Norge, 2016, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2016/10/usa-skickar-330-marinkarssoldater-till-norge/> (дата обращения: 27.06.2024).

⁴ Försvarsmakten behöver pengar akut, 2018, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2018/02/forsvarsmakten-behover-pengar-akut/> (дата обращения: 28.06.2024).

⁵ Carl Bildt i halvfigur, 2017, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2017/10/carl-bildt-halvfigur/> (дата обращения: 27.06.2024).

⁶ Sverigedemokraterna. Försvarspolitik, 2018, *Samtiden*, URL: <https://web.archive.org/web/20181028000252/https://sd.se/vad-vi-vill/forsvarspolitik/> (дата обращения: 28.06.2024).

⁷ Nato, Trump och svensk säkerhetspolitik, 2018, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2018/07/nato-trump-och-svensk-sakerhetspolitik/> (дата обращения: 28.06.2024).

После начала Россией специальной военной операции на Украине «Шведские демократы» изменили свою позицию по членству Швеции в НАТО. В ходе кампании перед выборами в Риксдаг в 2022 г. они озвучивали необходимость увеличить финансирование национальной обороны, укреплять вооруженные силы, национальный ВПК и вспомогательные формирования «вне зависимости от членства в НАТО». Мотивом этого была «растущая угроза со стороны России» в адрес Швеции и Финляндии. С Финляндией предполагалось максимально усилить коллективную оборону¹.

В дальнейшем при утверждении заявки Швеции на вступление в НАТО партия характеризовала позицию страны как «более выгодную для Альянса, чем для Швеции» в силу «необходимости помочь уязвимой перед Россией Финляндии». В то же время процесс утверждения заявки Швеции членами блока колумнисты *Samtiden* назвали «базарным торгом». Причиной этого стало выдвижение встречных условий президентом Турции Реджеп-Тайипом Эрдоганом и премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном². Вина в этом возлагалась на премьер-министра Швеции Магдалену Андерссон. При этом «Шведские демократы» обратили внимание на существенное отличие политики НАТО от ЕС. Оно, по мнению партии и колумнистов, заключалось в том, что в НАТО «каждый сам платит за свою оборону до нападения на одного из членов Альянса», а также в превентивном характере военного союза. Политика ЕС же трактовалась «Шведскими демократами» как «перераспределение доходов от налогов политическими решениями»³. Де-факто партия согласилась с членством Швеции в Альянсе, полагая его более полезным для национальной обороны, чем институты ЕС.

В дальнейшем «Шведские демократы» обратили вопросы о «русской угрозе» и участии Швеции в НАТО в средство критики своих оппонентов. Они обвиняли оппонентов «в забвении исторического опыта противостояния с Россией⁴»; в содействии распространению антинаатовских нарративов на российских мероприятиях мозговыми центрами, аффилированными с социал-демократами, например сотрудницей SIPRI⁵ Тарьей Кронберг⁶; в готовности капитулировать перед Россией в случае, если социал-демократы вернутся к власти⁷. То есть после 2022 г. «Шведские демократы» сделали нарративы о «русской угрозе» неотъемлемой частью своей программы и риторики.

Вопрос о взаимоотношениях «Швеция — НАТО — Россия» в повестке партии «Шведские демократы» за 2014—2024 гг. прошел серьезную эволюцию. Если на первых порах партия считала необходимым налаживание диалога по вопросам безопасности на Балтике и в Европе, то после 2018 г. в ее внешнеполитической программе обнаружился крен в сторону восприятия России как «экзистенциаль-

¹ Sverigedemokraterna. Försvarspolitik, 2022, *Samtiden*, URL: <https://sd.se/vad-vi-vill/svenskforsvarsmakt/> (дата обращения: 28.06.2024).

² Dick Erixon. Plågsamma Nato-processen över — eller? 2024, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2024/02/plagsamma-nato-processen-over-eller/> (дата обращения: 28.06.2024).

³ Ibid.

⁴ Lars, F. 2024, Eklund. Karl XII och hotet från öster, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2024/03/karl-xii-och-hotet-fran-oster/> (дата обращения: 28.06.2024).

⁵ Stockholm International Peace Research Institute, Стокгольмский международный институт исследований мира.

⁶ Därför förnekar Socialdemokraterna sin putinism, 2024, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2024/05/darfor-fornekar-socialdemokraterna-sin-putinism/> (дата обращения: 28.06.2024).

⁷ Vänstern redo att ge upp Sverige och kapitulera vid krig, 2024, *Samtiden*, URL: <https://samtiden.nu/2024/01/vanstern-redo-att-ge-upp-sverige-och-kapitulera-vid-krig/> (дата обращения: 28.06.2024).

ной угрозы», а сотрудничества с НАТО — как одного из каналов обеспечения национальной обороны. В качестве дополнительного аргумента были использованы и «союзнический долг» перед Финляндией, и историческая роль Альянса в XX—XXI вв. После 2022 г. партия стала активно использовать антироссийские нарративы как часть своей политической программы.

Заключение

Образ России в национал-консервативном политическом дискурсе Швеции прошел масштабные изменения в 2014—2024 гг. «Шведские демократы» не имели четкой позиции по «русской повестке» до 2018 г.: они не призывали фронтально к враждебным России действиям и не выражали требований углубления сотрудничества Швеции и НАТО по причине «русской угрозы». Напротив, партия озвучивала необходимость диалога с Москвой по вопросам региональной и европейской безопасности, а также борьбы с радикальным исламом и терроризмом.

Однако уже в конце 2016 г., когда Россию обвинили в организации кибератак для вмешательства в выборы президента США, образ России стал использоваться «Шведскими демократами» для дискредитации политических оппонентов внутри страны. Обвинения в создании угрозы национальной безопасности путем сотрудничества с российскими организациями и органами власти выдвигались в адрес иных партий, представленных в Риксдаге, а также министров и глав правительства.

«Дело Скрипалей» стало поводом для «Шведских демократов» для демонизации образа России: страну и ее правительство стали называть «режимом-убийцей». Вторым обвинением стало использование экспорта энергоносителей как «политического оружия». После этих обвинений в адрес России партия начала конструировать негативный образ России. Первым шагом стала апелляция к историческим мифам: был актуализирован опыт шведско-российского противостояния и представлений о «русской угрозе» более поздних эпох, а также переосмысления негативного образа СССР, бытовавшего в стране ранее. «Шведские демократы» на этом фоне стали формировать более позитивный образ блока НАТО, несмотря на критицизм к потенциальному членству в нем Швеции до 2018 г.

После начала пандемии COVID-19 и обострения отношений России и западных стран в 2020 — начале 2022 г. «Шведские демократы» продолжили смещаться в сторону антироссийской позиции. Поведение России на мировой арене изображалось как «угрожающее миру», при этом «Шведские демократы» предостерегали от «войны ценностей» с Москвой. Все это сопровождалось использованием партией антироссийских исторических мифов при обосновании своей позиции.

После начала специальной военной операции России на Украине восприятие России у «Шведских демократов» стало открыто враждебным. Партия в предвыборной программе призвала к санкциям в отношении России, противодействию ее активности в Арктике, а также к усилению сотрудничества в совместной обороне с Финляндией. Более того, партия перестала протестовать против членства Швеции в НАТО.

Образ России в дискурсе партии «Шведские демократы» обнаружил тенденцию к развитию в ключе, характерном для национал-консервативных партий с русофобским компонентом в идеологии и программе. Примерами таковых являются «Право и справедливость» в Польше, Датская народная партия, латвийское «Национальное объединение». Изначально «Шведские демократы» принадлежали к тому спектру национал-консерваторов, который демонстрирует нейтральную или благожелательную позицию по отношению к России и «русским». Характерной чертой этой позиции был протест против антироссийских санкций и акцент на их негативные

последствия для экономик своих стран, ЕС и ситуации в мире, а также призыв к переговорам с Россией по вопросам безопасности. Наиболее яркими примерами таких партий являются «Альтернатива для Германии», Австрийская партия свободы и «ФИДЕС» в Венгрии. Позиция «Шведских демократов» показала принципиально иную динамику: изначально нейтральная в части восприятия России крайне правая партия взяла на вооружение комплекс антироссийских нарративов, типичных для политической культуры и исторического сознания своей страны, и включила их в свою программу. По итогу произошло переосмысление традиционных для Швеции исторических мифов о «русской угрозе» в новом ключе, используемое в политической агитации партии.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта Российского научного фонда № 23-28-00768 «Фундаментальные проблемы трансформации образа русского “Другого” в контексте межгосударственного соперничества в Арктике в XX — начале XXI в.».

Список литературы / References

1. Болдырева, С. Ю., Болдырев, Р. Ю., Рагозин, Г. С. 2020, «Скрытый союз» или «свобода от союзов»? Дискуссии в Швеции и Финляндии о возможном вступлении в НАТО в 1991—2016 годах, *Балтийский регион*, т. 12, № 2, с. 23—39, EDN: IGCQCO, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-2>
2. Boldyreva, S. Y., Boldyrev, R. Y., Ragozin, G. S. 2020, A ‘secret alliance’ or ‘freedom from any alliances’? Nato accession debate in Sweden and Finland, 1991—2016, *Baltic Region*, vol. 12, № 2, p. 23—39, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-2>
3. Åselius, G. 1994, “Russian Menace” to Sweden. *The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism*, Stockholm, Almqvist and Wiksell International.
4. Westberg, J. 2015, *Svenska säkerhetsstrategier: 1810—2014*, Lund, Studentlitteratur.
5. Westberg, J. 2016, Det glömda arvet från svensk allianspolitik, *Kungliga Krigsvetenskapsakademiens Handlingar och Tidskrift*, № 3, s. 23—54.
6. Kronvall, O., Petersson, M. 2005, *Svensk säkerhetspolitik i supermakternas skugga 1945—1991*, Stockholm, Santerus förlag.
7. Nilsson, M. 2016, *The Battle for Hearts and Minds in the High North: The USIA and American Cold War Propaganda in Sweden, 1952—1969*, Leiden, Brill, <https://doi.org/10.1163/9789004330597>
8. Marklund, C. 2016, From “False” Neutrality to “True” Socialism: US “Sweden-bashing” during the Later Palme Years, 1973—1986, *Journal of Transnational American Studies*, vol. 7, № 1, <https://doi.org/10.5070/T871030647>
9. Wahlbäck, K. 1998, Neutrality and morality: the Swedish experience, *American University International Law Review*, vol. 14, № 1, p. 103—121.
10. Holmström, M. 2011, *Den dolda alliansen. Sveriges hemliga NATO-förbindelser*, Stockholm, Atlantis.
11. Blydal, C. J. 2012, Foreign-policy discussions in Sweden after 1990. From Neutrality to NATO?, *KAS International reports*, vol. 5, p. 19—32.
12. Gyllensporre, D. 2016, Den vetenskapliga analysen av svensk säkerhetspolitik — Dags för vitalisering och realism?, *Statsvetenskaplig tidskrift*, vol. 118, № 4, p. 471—496.
13. Ohlsson, C. 2016, *Vilseledning: Kriget i Ukraina i svenska medier*, Stockholm, Timbro förlag.
14. Wieslander, A. 2022, “The Hultqvist doctrine” — Swedish security and defence policy after the Russian annexation of Crimea, *Defence Studies*, vol. 22, № 1, p. 35—59, <https://doi.org/10.1080/14702436.2021.1955619>
15. Brommesson, D., Ekengren, A.-M., Michalski, A. 2024, From variation to convergence in turbulent times — foreign and security policy choices among the Nordics 2014—2023, *European Security*, vol. 33, № 1, p. 21—43, EDN: LTYJSB6, <https://doi.org/10.1080/09662839.2023.2221185>

15. Persson, T., Widmalm, S. 2024, Upon entering NATO: explaining defence willingness among Swedes, *European Security*, vol. 33, № 4, p. 690—710, <https://doi.org/10.1080/09662839.2023.2294078>
16. Hansen, F. S. 2011, Vladislav Savić: Vladimir Putin och rysskräcken, *Nordisk Østforum*, vol. 25, № 1, p. 82—82, EDN: QPQMKZ, <https://doi.org/10.18261/issn1891-1773-2011-01-08>
17. Ydén, K., Berndtsson, J., Petersson, M. 2019, Sweden and the issue of NATO membership: exploring a public opinion paradox, *Defence Studies*, vol. 19, № 1, p. 1—18, <https://doi.org/10.1080/14702436.2019.1568192>
18. Nord L., Strömbäck, J. (red.). 2012, *Medierna och demokratin*, Lund, Studentlitterat.
19. Roslyng-Jensen, P. 2012, From World War to Cold War: Scandinavian media attitudes to the Soviet Union 1945—1948, *Scandinavian Journal of History*, vol. 37, № 4, p. 526—548, <https://doi.org/10.1080/03468755.2012.708260>
20. Petersson, M. 2012, Sweden and the Scandinavian Defence Dilemma, *Scandinavian Journal of History*, vol. 37, № 2, p. 221—229, <https://doi.org/10.1080/03468755.2012.667311>
21. Kuldkepp, M. 2022, Baltic liberation first-hand: Sweden's pro-Baltic foreign policy shift and Swedish diplomatic reporting in 1989—1991, *Scandinavian Journal of History*, vol. 47, № 3, p. 325—346, EDN: TCOWGX, <https://doi.org/10.1080/03468755.2020.1843531>
22. Forsberg, T., Vaahtoranta, T. 2001, Inside the EU, outside NATO: Paradoxes of Finland's and Sweden's post-neutrality, *European Security*, vol. 10, № 1, p. 68—93, <https://doi.org/10.1080/09662830108407483>
23. Alberque, W., Schreer, B. 2022, Finland, Sweden and NATO Membership, *Survival*, vol. 64, № 3, p. 67—72, EDN: TDHOB1, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2078046>
24. Odgaard, L. 2022, Russia's Arctic Designs and NATO, *Survival*, vol. 64, № 4, p. 89—104, EDN: RLMVVK, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2103259>
25. Depledge, D. 2020, NATO and the Arctic: The Need for a New Approach, *The RUSI Journal*, vol. 165, № 5-6, p. 80—90, EDN: WEWCIP, <https://doi.org/10.1080/03071847.2020.1865831>
26. Топтунов, А. А., Зарецкая, О. В. 2018, Миф о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии: особенности формирования и трансформации в начале XIX в., *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 9, № 10 (74), <https://doi.org/10.18254/S0002191-9-1>
27. Топтунов, А. А., Зарецкая, О. В. 2018, The Myth of the “Russian Threat” in Sweden and Norway: Features of Formation and Transformation in Beginning of the 19th Century, *ISTORIYA*, vol. 9, № 10 (74), <https://doi.org/10.18254/S0002191-9-1>
27. Воронов, К. В. 2015, Эрозия «шведской модели» и девальвация политики неприсоединения, *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, с. 48—57, EDN: VKQQUL, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-59-12-48-57>
- Voronov, K. V. 2015, Erosion of “Swedish Model” and Devaluation of the Non-Alignment Policy, *World Economy and International Relation*, vol. 59, № 12, p. 48—57, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-59-12-48-57>
28. Воронов, К. В. 2018, «Полтавский синдром» Швеции: тяжелое политисторическое наследие, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 62, № 12, с. 75—82, EDN: YSULUT, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-75-82>
- Voronov, K. V. 2018, “Poltava Syndrome” of Sweden: Burdensome Politico-Historical Legacy, *World Economy and International Relations*, vol. 62, № 12, p. 75—82, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-75-82>
29. Капитонова, Н. К., Магадеев, И. Э., Печатнов, В. О., Тэвдой-Бурмули, А. И., Осколков, П. В., Дмитриева, С. И., Погорельская, С. В., Сергеев, Е. А., Аникеева, Н. Е., Зонов, Т. В., Шибкова, М. О., Филипович, А., Воротников, В. В., Путинцев, И. С., Кириллов, В. Б., Буланникова, Ю. А., Доманов, А. О., Соколышчик, Л. М., Окунева, Л. С., Крыжановский, А. В. и др. 2020, *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности*, Москва, МГИМО (У) МИД РФ, EDN: GCDDML
- Kapitonova, N. K., Magadeev, I. E., Pechatnov, V. O., Tevdoy-Burmul, A. I., Oskolkov, P. V., Dmitrieva, S. I., Pogorelskaya, S. V., Sergeev, E. A., Anikeeva, N. E., Zonova, T. V., Shibkova, M. O., Filipovich, A., Vorotnikov, V. V., Putintsev, I. S., Kirillov, V. B., Bulannikova, Yu. A., Domanov, A. O., Sokolshchik, L. M., Okuneva, L. S., Kryzhanovsky, A. V. 2020, Right-wing populism: global trend and regional features, Moscow (in Russ.), EDN: GCDDML

30. Воротников, В.В. 2017, Отношения стран Скандинавско-Балтийского региона и Украины: военно-политическое и экономическое измерения, *Международная аналитика*, № 4 (22), с. 18—27, EDN: YQLAKT, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-4-18-27>

Vorotnikov, V. V. 2017, Relations between the Scandinavian-Baltic region states and Ukraine: military-political and economic dimensions, *Journal of International Analytics*, № 4, p. 18—27, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-4-18-27>

31. Simons, G., Manoylo, A., Trunov, Ph. 2019, Sweden and the NATO debate: views from Sweden and Russia, *Global Affairs*, vol 5, № 4-5, p. 335—345, <https://doi.org/10.1080/23340460.2019.1681014>

32. Wendt, A.E. 1987, The agent-structure problem in international relations theory, *International Organization*, vol. 41, № 3, p. 335—370, <https://doi.org/10.1017/s002081830002751x>

33. Neumann, I.B. 1999, *Uses of the Other: “The East” in European identity formation*, Minneapolis, University of Minnesota Press.

Об авторе

Герман Сергеевич Рагозин, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-8695-4096>

E-mail: ragozin92@gmail.com

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

THE IMAGE OF RUSSIA IN SWEDISH NATIONAL-CONSERVATIVE DISCOURSE IN 2014–2024

G. S. Ragozin

Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov,
17 Severnoi Dviny Emb., Arkhangelsk, 163002, Russia

Received 18 September 2025

Accepted 25 February 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-4

© Ragozin G. S. 2026

This paper examines the evolution of Swedish national-conservative discourse on Russia between 2014 and 2024, focusing specifically on the Sweden Democrats (SD) and their affiliated magazine Samtiden. Having become Sweden’s second-largest political party, the SD effectively broke through the political ‘cordon sanitaire’ in the Riksdag prior to the 2022 elections. Throughout this process, the concept of the “Russian menace” played a pivotal role. Employing methodologies from historical and political imagology, the study analyzes the image of Russia within SD narratives and its transformation over time, as the party strategically invokes the “Russian menace” myth for political mobilization. Prior to 2014, the

To cite this article: Ragozin, G. S. 2026, The image of Russia in Swedish national-conservative discourse in 2014–2024, *Baltic Region*, vol. 18, № 1, p. 63–76, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-4

Sweden Democrats did not perceive Russia as an existential threat to Sweden — a position that clearly distinguished them from other Swedish right-wing actors, particularly the conservative Moderate Party (Moderaterna). Following the 2014 Ukrainian crisis, however, the SD began reevaluating their stance. Before the 2018 Skripal case, both the party and its affiliated commentators largely framed Russia as a legitimate participant in the international order. Subsequently, their discourse gradually shifted toward more pronounced criticism of Russian foreign policy and political system. Since February 2022, the Sweden Democrats have actively employed the “Russian menace” narrative more intensively than any other Swedish political party. In doing so, they frequently reference arguments from historians, political scientists, and international relations scholars. These discursive developments have profoundly shaped the party’s evolving position on Sweden’s NATO membership and constitute a central pillar of its broader political messaging. Within this context, the “Russian menace” narrative has emerged as a cornerstone of the Sweden Democrats’ political agenda.

Keywords:

Sweden, Sweden Democrats, Samtiden, Rysskräcken, Russian menace, national-conservatism, Russophobia

Funding. *The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 23-28-00768 “Fundamental problems of the image of the Russian ‘Other’ transformation in the context of interstate cooperation and rivalry in the Arctic in the XX — early XXI centuries”.*

The authors

Dr **German S. Ragozin**, Associate Professor, Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-8695-4096>

E-mail: gragozin92@gmail.com

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

GALHJZ

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ «МАЛЫХ СТРАН» НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ (НА ПРИМЕРЕ ДАНИИ)

Е. С. Леонов

МГИМО (У) МИД РФ,
119454, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 27.10.2025 г.
Принята к публикации 13.01.2026 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-5
© Леонов Е. С., 2026

Цель статьи — рассмотрение особенностей цифрового развития Дании, а также исследование роли «технологической дипломатии» в позиционировании «малых стран» на международной арене на примере Дании. Аргументируется обоснованность внедрения термина «технологическая дипломатия» во внешнеполитические документы Дании на фоне цифровизации политических и экономических процессов в стране, а также влияния современных технологий (в том числе алгоритмов анализа больших данных, искусственного интеллекта, нейросетей) на мировую экономику и международные отношения в целом. Дания стала первой страной в мире, которая назначила технологического посла в целях усиления своего представительства на ключевых технологических многосторонних площадках, привлечения инвестиций в экономику и выхода датских компаний на международные рынки. Кроме того, Дания была в лидерах по разработке соответствующей методологической основы отрасли через «вшивание» технологической повестки во внешнеполитические стратегические документы. Автор приходит к выводу, что цифровое лидерство Дании объясняется историческими предпосылками, эффективной интеграцией новых цифровых инструментов во внутриполитические и экономические процессы посредством поэтапного комплексного реформирования отрасли (включая создание «электронного правительства»), повышения цифровых компетенций и навыков у населения, а также развития сетевой инфраструктуры в стране. Наконец, страна находится на пороге перехода на новый этап — «умного правительства» — благодаря интеграции ИИ, метавселенных, блокчейна и VR в госуправление и бизнес.

Ключевые слова:

технологическая дипломатия, технологический посол, электронное правительство, умное правительство, информационные технологии, искусственный интеллект, метавселенные, Дания

Введение

В силу ускорения инновационных изменений в мире и необходимости адаптации государственных институтов под новые экономические реалии понятие технологической дипломатии (*tech diplomacy* или *TechPlomacy*) все крепче утверждается

Для цитирования: Леонов, Е. С. 2026, Роль технологической дипломатии в позиционировании «малых стран» на международной арене (на примере Дании), *Балтийский регион*, т. 18, № 1, с. 77–95, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-5

как независимое явление в международных отношениях. Актуальность формирования этого понятия обусловлена влиянием технологий искусственного интеллекта (ИИ), нейросетей и различных алгоритмов анализа больших данных на мировую экономику и международные политические процессы, утверждением социальных сетей и иных цифровых ресурсов в качестве основных каналов коммуникации, становлением криптовалюты в качестве важного элемента глобальной финансовой архитектуры, крупными инвестициями в рынок метавселенных для построения виртуальных торговых площадок и игровой индустрии, а также появлением новых рисков по линии кибербезопасности.

Происходит становление новой парадигмы государственно-частного взаимодействия в международной сфере на фоне укрепления значения частных акторов в международных отношениях как ключевых проводников инноваций. Рыночная капитализация IT-компаний зачастую превышает ВВП отдельных стран, что вводит их в список топ-50 мировых субъектов по размеру экономики¹. Например, рыночная стоимость компании *Apple*, преодолевшая в 2023 г. отметку в 3 трлн долл., превышает ВВП всех государств мира за исключением шести крупнейших экономик², что требует изменений в подходах к оценке глобального баланса сил. Происходит аккумуляция частными акторами не только экономического, но и политического ресурса³, что обозначило необходимость структурных изменений и институциональных преобразований по линии взаимодействия «государство — бизнес» [1].

Интегрирование технологической повестки на внешнеполитическом треке открывает для так называемых «малых стран» (*small states*) окно возможностей, укрепляет их роль в новом технологическом мировом порядке и содействует формированию полицентричности в международных отношениях. Стремительная цифровизация общества дает им уникальную возможность как внести свой вклад, так и извлечь выгоду из меняющегося ландшафта и глобальной технологической конкуренции.

Цель статьи — рассмотреть особенности зарождения понятия технологической дипломатии на примере новатора на этом треке — Дании, а также провести анализ инициатив датского правительства по линии цифровизации внутриполитических и социально-экономических процессов в стране, что заложило технологическую базу лидерства. Автор ставит исследовательские задачи по анализу специфики датской модели технологической дипломатии, изучению исторических причинно-следственных связей в рамках цифровой трансформации Дании, оценке современного положения цифровизации государственного сектора и бизнеса Дании, обзору перспективных инициатив интеграции передовых технологий, а также определению рисков замедления цифровизации Дании.

В качестве методологии используются методы системного описания, историко-хронологического анализа, а также принцип *case-study*. Кроме того, проводится сравнительный анализ Дании с другой «малой страной» (Швецией) в целях выделения специфики датской модели технологической дипломатии и придания работе большей объективности.

¹ Chowdhary, M., Diasso, S. 2022, Taxing Big Tech: Policy options for developing countries, *State of Big Tech*, URL: <https://projects.itforchange.net/state-of-big-tech/taxing-big-tech-policy-options-for-developing-countries/> (дата обращения: 01.06.2025).

² Sinha, V. 2023, Apple's market cap is now higher than France, Italy's economy; might soon beat India's GDP, *Hindustan Times*, URL: <https://www.hindustantimes.com/business/apples-market-cap-is-now-higher-than-france-italys-economy-might-soon-beat-indias-gdp-101702743469102.html> (дата обращения: 01.06.2025).

³ Bank, M., Duffy, F., Leyendecker, V., Silva, M. 2021, The lobby network—Big Tech's web of influence in the EU, *Corporate Europe Observatory*, URL: <https://corporateeurope.org/en/2021/08/lobby-network-big-techs-web-influence-eu> (дата обращения: 01.06.2025).

Актуальность работы связана с тем, что в настоящее время существует довольно ограниченное количество научных исследований на тему технологического развития Дании. Большинство из них посвящено анализу отдельно взятых отраслей, сфер и кластеров, не способствующих формированию системного понимания причинно-следственных связей, закономерностей и хронологии развития. В частности, ряд работ формирует крайне фрагментарную теоретическую базу инновационного развития Дании: они посвящены преимущественно цифровой трансформации в муниципальном управлении, цифровизации предпринимательского сектора, построению «электронного правительства», интеграции технологий в медицину, внедрению ИИ в оборонную отрасль Дании. Помимо содействия формированию комплексного видения проблем технологической эволюции работа может заполнить исследовательские бреши в части внедрения технологий ИИ, метавселенных и блокчейна госсектором и бизнесом Дании, что представляется крайне актуальным в условиях перехода ряда стран к этапу становления «умных правительств». Наконец, сегодня присутствует значительный исследовательский пробел в части рассмотрения российскими авторами понятия «технологической дипломатии» и ее роли в развитии «малых стран» с учетом изменения глобального баланса сил в международных отношениях. В заполнение данного пробела работа должна внести определенный вклад.

Дания как флагман нового формата дипломатии

Первым мировым опытом практической реализации технологической дипломатии стало назначение в 2017 г. Данией технологического посла (*tech ambassador*) в заливе Сан-Франциско (*San Francisco Bay Area*), юго-западная часть которого — Кремниевая долина — располагает исторически наилучшей инновационной инфраструктурой и, соответственно, является точкой концентрации крупнейшего технологического бизнеса.

В задачи датского посла на начальном этапе входило выстраивание взаимодействия с расположенными в районе залива технологическими компаниями в целях привлечения инвестиций в экономику и встречного выхода датских компаний на международные рынки, с международными организациями и правительственными структурами по различным международным технологическим проблемам и вызовам. В дальнейшем это событие инициировало «парад» назначения техпослов другими странами, оценившими перспективность этого канала адаптации внешнеполитических институтов к современным технологическим экосистемам. Сегодня инструментом отправки техдипломатов воспользовались уже около 20 стран¹.

Со временем произошло расширение функционала техпослов, которые теперь курируют вопросы от разработки единой общегосударственной технологической позиции страны за рубежом до представления государства на ключевых многосторонних площадках и формирования альянсов и партнерств. В сферу компетенции датского техпосла входят такие темы, как кибербезопасность, борьба с дезинформацией, дипфейками и терроризмом в Интернете, цифровое налогообложение, защита конфиденциальности в Интернете, внедрение технологий ИИ, этика данных и пр.² Отдельный блок связан с нормотворческой деятельностью. Например, одна из ключевых задач датского техпосла — активное участие в процессе институционализа-

¹ Австралия, Австрия, Великобритания, Германия, Дания, Израиль, Казахстан, Канада, Литва, Мальта, Нидерланды, Португалия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Эстония, Япония и др.

² The TechPlomacy Approach, 2025, *Office of Denmark's Tech Ambassador*, URL: <https://techamb.um.dk/the-techplomacy-approach> (дата обращения: 01.06.2025).

ции норм международного права в рамках своей компетенции. Законотворческие инициативы — это традиционный инструмент обеспечения интеграции «малых стран» в международные экономические и политические структуры [2].

Кроме того, ввиду увеличения операционной нагрузки и ответственности техпослы сегодня, как правило, располагают постоянными офисами с обеспечивающими их деятельность сотрудниками или иными гибкими формами представительства (например, командами, состоящими из специалистов узкого круга специализации для решения точечных задач). Дания, делающая особый акцент в своей внешнеэкономической деятельности на технологической дипломатии, оперирует сразу несколькими постоянными офисами (в Сан-Франциско и Копенгагене)¹.

В отличие от зоны ответственности традиционного дипломатического представительства зона ответственности техпосла выходит за рамки государственных границ и регионов (в том числе консульских округов). Имея номинально физическое присутствие в Кремниевой долине и Копенгагене, датский техпосол наделен глобальным мандатом по представлению интересов Дании, включая любые международные платформы и форумы. Этот подход представляется для «малых стран» наиболее оптимальным благодаря отказу от поддержания большого штатного расписания в заграничных представительствах разного уровня и целеполагания (посольства, генеральные консульства, торговые представительства и т. д.).

Еще одним важным нововведением инструмента назначения техпослов как маркера глобальной цифровизации международных отношений (*digital international relations*) [3] стала демократизация дипломатического протокола, требующая выработки новых компетенций и навыков при взаимодействии с технологическим бизнесом². На этот факт обратил внимание бывший датский техпосол К. Ключи, который обрисовал современный портрет дипломата, не обязанного носить костюм и галстук³. Этот же подход проявляется в выстраивании современных форм коммуникации, таких как соцсети и видеохостинги, в целях донесения неклишированной информации до целевых аудиторий.

Выработанные навыки и компетенции техпосла напрямую связаны с опытом работы в бизнес-сфере, государственных органах или научной академической среде с особым акцентом на технологиях. В зависимости от стоящих перед государством задач подбирается кандидат с необходимым бэкграундом. В датском случае действующий техпосол Э.М. Энгтофт Мелдгаард до своего назначения работала на Всемирном экономическом форуме в Женеве (2017—2020), где курировала тему мобилизации усилий технологических компаний, правительств и гражданского общества для совместного устранения барьеров, мешающих ответственному масштабированию новых технологий для решения крупнейших проблем общества⁴.

Для выстраивания полноценной технологической экосистемы Дания стала одной из первых стран, разработавших соответствующие методологические основы отрасли посредством интеграции техдипломатии во внешнеполитические стратегические документы. Модель «вшивания» новых положений в имеющуюся проверен-

¹ The TechPlomacy Approach, 2025, *Office of Denmark's Tech Ambassador*, URL: <https://techamb.um.dk/the-techplomacy-approach> (дата обращения: 01.06.2025).

² Зонова, Т.В. 2019, Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси», *Российский совет по международным делам*, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 01.06.2025).

³ Office of Denmark's Tech Ambassador, 2025, *Facebook* (деятельность компании Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ), URL: <https://www.facebook.com/DKTechAmb/> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ Meet the Ambassador, 2025, *Tech Ambassador*, URL: <https://techamb.um.dk/team/meet-the-ambassador> (дата обращения: 01.06.2025).

ную временем законотворческую базу представлялась для датского правительства на начальных этапах мобильным и менее трудоемким процессом по сравнению с разработкой отдельного документа. Так, цели и задачи инициативы *TechPlomacy* были впервые включены в Стратегию внешней политики и политики безопасности Дании на 2017—2018 гг., где отдельно отмечается, что правительство делает цифровизацию и технологическое развитие стратегическим приоритетом внешней политики Дании. *TechPlomacy* нацелена на обеспечение усиления «датского голоса» в международной технологической среде и установление партнерских отношений между датскими и международными субъектами. Документ также продвигает тезис о необходимости более тесного международного сотрудничества в вопросе регулирования разработки и использования новых технологий¹. Датское визионерское предложение по выработке правовых рамок в области ИТ воплощается с 2024 г. на уровне ЕС.

В 2021 г. была разработана отдельная стратегия в области технологической дипломатии Дании (*Strategy for Denmark's tech diplomacy 2021—2023*), призывающая Данию взять на себя ведущую роль в формировании глобального управления технологиями через продвижение трех принципов: ответственность, демократия и безопасность. В стратегии выражается скептическое отношение к ситуации, когда технологии являются центральным компонентом борьбы и стратегической конкуренции между государственными акторами (например, США и Китаем), а также оружием авторитарных режимов в целях цифрового наблюдения, контроля, угнетения и цензуры. Стратегия продвигает готовность Дании выступить «спасителем» демократических принципов через свое лидерство в технологическом секторе².

Следует проводить четкое разграничение между функционалом и задачами технологического посла (и его офисов) и инновационными центрами Дании (*Innovation Centre of Denmark*), которых насчитывается семь по состоянию на 2025 г. (Мюнхен, Бангалор, Шанхай, Сеул, Тель-Авив, Кремниевая долина и Бостон). Инновационные центры, находясь под зонтиком Министерства иностранных дел и Министерства высшего образования и науки Дании, обеспечивают консультационную функцию, работая «в поле» с датскими стартапами, малыми и средними предприятиями, корпорациями, исследовательскими центрами и иными посредническими организациями, а также обеспечивая им доступ к соответствующим центрам знаний через свои филиалы. В свою очередь, технологический посол как автономная единица выполняет более широкую посредническую деятельность в части отстаивания ценностей, представления интересов Дании в мировой технологической индустрии и оказания влияния на международную технологическую политику.

Хотя в узком понятийном плане инновационные центры Дании не являются составной частью датской технологической дипломатии, в широком плане они играют значимую роль в укреплении технологического авторитета страны на международной арене, а также позволяют ей оставаться на переднем крае разработок.

В целях определения специфики датской модели технологической дипломатии представляется целесообразным провести сравнительный анализ с другой «малой» страной, также входящей в мировые рейтинги по лидерству в области цифровизации (Швецией). В отличие от Дании, где техпосол выступает в качестве самостоятельной структуры, в Швеции соответствующая функция выполняется послом по международным кибер- и цифровым вопросам (*Ambassador for International Cyber*

¹ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategier for 2017—2018, 2018, *Regeringen*, URL: <https://regeringen.dk/aktuelt/tidligere-publikationer/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategier-for-2017-2018/> (дата обращения: 01.06.2025).

² *Strategy for Denmark's tech diplomacy 2021—2023*, 2023, *Ministry of foreign affairs of Denmark*, URL: <https://techamb.um.dk/impact/tech-diplomatic-results> (дата обращения: 01.06.2025).

and Digital Affairs)¹ в составе департамента безопасности МИД Швеции. На сайте ведомства отдельно отмечается, что посол вносит свой вклад в разработку политики Швеции по кибервопросам исключительно в тесном сотрудничестве с ответственными группами в других правительственных учреждениях. Это связано с тем, что тема цифровизации находится в Швеции на стыке ответственности разных ведомств. Кроме того, шведский посол по международным кибер- и цифровым вопросам в отличие от датского коллеги не располагает зарубежными офисами, что ограничивает его возможности работы «в поле». Таким образом, можно утверждать, что датское правительство не просто уделяет значимое внимание вопросам цифровизации (как в шведском случае), но определяет технологии в качестве сквозного приоритета внешней политики и политики безопасности, наделяя техпосла широким набором полномочий и инструментариев.

Стратегия внешней политики и политики безопасности Швеции в отношении кибер- и цифровых вопросов ставит более скромные задачи (в сравнении с Данией). Речь идет о повышении безопасности и процветания страны с опорой на консолидированную позицию с партнерами по ЕС и НАТО. Тем не менее стратегические документы обеих стран отмечают важность усиления международной роли и влияния через конкурентные преимущества технологий, разработанных местными компаниями. Таким образом, несмотря на различия в подходах и инструментах реализации технологической дипломатии, Дания и Швеция рассматривают свои достижения в области цифровизации как уникальный фактор позиционирования «малых стран» на международной арене.

Исторические предпосылки цифровой трансформации Дании

Не представляется уместным рассматривать технологическую дипломатию Дании без анализа условий развития инновационного лидерства страны, позволившего ей демонстрировать свои амбиции по участию в международной технологической повестке. Право Дании называться одним из пионеров в сфере технологического и информационного развития объясняется историческими предпосылками и поэтапным комплексным реформированием отрасли, начатым еще в 1990-е гг. Подспорьем выступила уже существующая на тот момент централизованная база данных резидентов Дании (СРР-регистр, или личный идентификационный номер), созданная в 1968 г. [4]. В соответствии с тенденциями, наблюдаемыми в ряде промышленно развитых стран, в Дании в 1960—1970-е гг. появились крупные централизованные правительственные базы данных и архивы с использованием мэйнфреймов² на замену перфокартам³ [5]. Кроме того, в 1950—1970-е гг. были сделаны первые шаги на пути внедрения стандартизированных централизованных систем в государственном управлении Дании (особенно в сфере заработной платы и налогов). Именно эффективно проведенная «оцифровка» данных и систематизация информации стали условием для дальнейшего признания Дании самой цифровой экономикой и обществом в ЕС.

Другим важным историческим фактором датского лидерства стала кластеризация экономики, унифицированный подход к которой был разработан в Дании еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг. На этом этапе были определены перспективные

¹ Должность была образована в 2023 г.

² Мэйнфрейм — это мощный, отказоустойчивый компьютер, предназначенный для обработки огромных объемов данных и решения критически важных задач крупными организациями.

³ Перфокарта — это носитель информации из тонкого картона, на котором данные представлены в виде отверстий, расположенных в определенных позициях.

сетевые структуры в стране, а также механизмы генерации и передачи знаний и технологий как на национальном, так и на региональном уровнях. К 1992 г. Дания была выведена в мировые лидеры по кластеризации экономики [6]. По мнению ряда исследователей, кластеризация представляет собой успешную концепцию, демонстрирующую свою практическую эффективность — в том числе в вопросах инновационной политики [7].

С 1980-х гг. большое внимание в Дании уделялось также электронной коммерции (*electronic commerce*) — в частности, были выработаны рекомендации по вхождению в пятерку лучших стран в этой области, а также по внедрению электронных платежей (*electronic payments*) через продукт *Dankort* (универсальная дебетовая карта, используемая подавляющим большинством услуг для взрослого населения).

На более поздних этапах произошло заполнение методологической лакуны в части четко сформулированных целей, задач, направлений цифровизации. Начиная с инициативы *Info-Society 2000* (принята в 1994 г.), которая изложила первоначальное видение датского информационного общества, запускается процесс реализации цифровых стратегий Дании (1994—2000, 2001—2004, 2004—2006, 2007—2010 и т.д.). Особого внимания заслуживает отчет «Цифровая Дания: переход к сетевому обществу» (*Digital Denmark: Conversion to the network society report*) 1999 г., подготовленный Министерством исследований и информационных технологий, где впервые своевременно и точно были описаны цели по формированию первого в мире цифрового правительства (*digital government*), а также цифровизации государственной системы и гражданского общества в целом. Документ обрисовал направления развития датского государственного сектора на следующие 20 лет и создания полноценного сетевого общества (*network society*), воплощающего отход от автономных информационных систем. В частности, планировалось, что не позднее 2003 г. датское государственное управление должно предоставить наилучшие и наиболее эффективные государственные услуги в Северной Европы с помощью цифрового администрирования.

Теоретическая база была оперативно подкреплена практическими шагами: к 2001 г. Дания стала одной из первых стран ЕС, начавшей реализацию проекта «электронное правительство» по трансформации государственных услуг в электронную форму [11]. К 2010 г. были разработаны различные публичные порталы, предлагающие надежную выверенную информацию, транзакционные услуги, доступ к персональным данным (здравоохранение (*Sundhed.dk*), налоги (*Skat.dk*), бизнес (*Virk.dk*), услуги гражданам (*Borger.dk*))¹.

Кроме того, закладывались основы нового облика культурной, образовательной, научно-исследовательской и иных форм дипломатии, что выражалось в демократизации доступа к ним со стороны обычных граждан через поддержку мероприятий интерактивными интернет-услугами. В рамках этой инициативы предполагалось создать единый портал как общую точку входа для датских граждан в интересах стимулирования политических дебатов, общественных слушаний, информирования населения и т.д.

Важнейшим направлением, заложившим основу современного технологического лица Дании, стала поддержка бизнеса [9]. Правительство поощряло внедрение новых бизнес-моделей, адаптированных под цифровые технологии [10], а также предоставляло широкий набор поддержки для малого и среднего бизнеса в целях

¹ Nielsen, M., Dhaou, B. 2023, Case studies on digital transformation of social security administration and services: Case study Denmark, *UNU Collections*, URL: <http://collections.unu.edu/eserv/UNU:9179/case-study-digital-transformation-SSAS-DENMARK.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

подготовки бизнеса к цифровому преобразованию. Постепенно была сформирована эффективная система финансирования проектов в области цифровизации за счет комбинации инструментов государственной поддержки (бюджетное финансирование, налоговые вычеты) и привлечения частных инвестиций. Кроме того, были минимизированы административные барьеры и упрощен процесс регистрации предприятий [11]. Так, с 2001 по 2010 г. уровень административных барьеров был сокращен почти на 25 %.

Во внешнеполитическом ракурсе программные документы и отчеты в сфере информационных технологий Дании второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. отражали политическую действительность, в которой находились «малые страны» ввиду ограниченности силового элемента во внешней политике и необходимости его замещения «мягкими» инструментами. В частности, в них красной нитью проходят призывы быть «первым», «первопроходцем» или «одним из лучших» (*дат. «foregangslanda»*), отражающие стремления Дании быть участником «глобального соревнования» и возросшей международной конкуренции за лидерство в инновационном секторе как альтернативы пребывания страны за рамками принятия решений в военно-политическом измерении. В определенной степени эта парадигма напоминает действия немецкого правительства после распада биполярной системы международных отношений по позиционированию себя в качестве «гуманитарной державы». В датском же случае цифровые технологии стали выполнять роль конкурентного преимущества и нишевой стратегии на пути выхода на международную арену. Амбиции Дании регулярно проявлялись в готовности активно участвовать в международных форумах по теме цифровизации на таких площадках, как ООН, МСЭ, ЮНЕСКО, ОЭСР, G20 и др.

Современное положение цифровизации государственного сектора и бизнеса Дании

В соответствии с большинством рейтинговых методологий Дания демонстрирует лидерство в области внедрения онлайн-сервисов на всех уровнях государственного управления и проектов инфраструктуры данных [12]. Так, Дания занимает второе место после Южной Кореи в списке стран с самым высоким уровнем цифрового правительства и государственного сектора согласно Индексу цифрового правительства ОЭСР 2023 г. (*The OECD Digital Government Index 2023*)¹. Апогеем заслуг датского правительства стало также признание в 2024 г. ООН четыре раза подряд цифрового государственного сектора Дании лучшим в мире². Этот показатель имеет важное политическое значение, поскольку цифровая трансформация государственного управления в настоящее время является одним из мировых трендов.

Кроме того, Дания заняла третье место в рейтинге цифровой конкурентоспособности мира IMD 2024 г. (*IMD World Digital Competitiveness Ranking 2024*), демонстрирующем умение страны адаптироваться к цифровым изменениям (разработка новых технологий и инфраструктуры, подготовка квалифицированной рабочей силы, степень внедрения ИТ в различных секторах экономики, наличие нормативной

¹ Denmark has the second most digital public sector globally, 2025, *Ministry of foreign affairs of Denmark*, URL: <https://investindk.com/insights/denmark-has-the-second-most-digital-public-sector-globally> (дата обращения: 01.06.2025).

² Denmark Tops UN E-Government Survey, 2025, *The Agency for Digital Government*, URL: <https://en.digst.dk/news/news-archive/2024/oktober/denmark-tops-un-e-government-survey/> (дата обращения: 01.06.2025).

базы и т.д.)¹. Индекс демонстрирует наличие в Дании среды, в которой компании могут работать эффективно и быстро масштабироваться, что дает правительству сильную переговорную позицию в рамках технологической дипломатии. При этом Дания обогнала в рейтинге ведущие экономики мира — США, Китай, Германию, Японию, ряд которых открыто борются друг с другом за глобальное технологическое лидерство.

Другим важным индикатором до 2022 г. являлся индекс цифровой экономики *DESI* (с 2023 г. входит в состав *State of the Digital Decade Report*), посредством которого происходило отслеживание цифровой эффективности и конкурентоспособности стран — членов ЕС по четырем измерениям (человеческий капитал, связь, интеграция цифровых технологий и цифровые государственные услуги). Традиционно Дания находилась в топ-3 рейтинга, и конкуренцию ей чаще всего могли составить только страны из Северной Европы (Швеция и Финляндия) [13].

Индивидуальность датского цифрового лица проявляется в успешном создании модели с единой точкой доступа ко всем государственным службам, а также обязанность всех граждан использовать цифровой канал для доступа к государственным услугам. Дания успела одной из первых в мире пройти этап полного перехода от предоставления услуг с разрозненных веб-сайтов местных органов власти к единому контуру вовлечения граждан в рамках так называемых партиципативных платформ, то есть интернет-приложений, связывающих граждан и лиц, принимающих решения [14].

Говоря о конкретных цифровых продуктах, являющихся визитной карточкой Дании, следует упомянуть инструмент цифровой идентификации *MitID*, позволяющий жителям (охват 96,6 % населения Дании старше 15 лет) и предприятиям Дании идентифицировать себя в электронном виде для всех цифровых услуг, как государственных, так и частных, а также подписывать документы и входить в систему цифрового банкинга, здравоохранения, налогов и пр.²

Наличие в Дании к началу пандемии COVID-19 развитой электронной инфраструктуры идентификации позволило стране выйти в лидеры по скорости внедрения паспортов (или иных верификационных документов) вакцинированных от коронавируса (*COVID-19 Passport*), которые содействовали безопасному свободному передвижению граждан по миру. В свою очередь, при объявлении очередной волны регистрации на вакцинацию датское правительство избежало сбоев веб-сайтов и иных проблем, с которыми столкнулись в США, Азии и Европе. Датскими властями была грамотно организована виртуальная комната ожидания, которая гарантировала справедливый и равный доступ граждан к услугам. Это, в свою очередь, предоставило Дании значительные конкурентные преимущества в рамках так называемой вакцинной дипломатии³. Национальная стратегия Дании по цифровизации 2022 г. (*2022 National Strategy for Digitalisation*) отдельно отмечает ключевую заслугу цифровых сервисов страны в способности справляться с серьезными кризисами, такими как COVID-19⁴.

¹ The 2024 IMD World Digital Competitiveness Ranking (WDCR), 2025, IMD, URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 01.06.2025).

² Get started with MitID, 2025, *MitID*, URL: <https://www.mitid.dk/en-gb/get-started-with-mitid/> (дата обращения: 01.06.2025).

³ How Denmark became a global leader in digital government, 2025, *Queue-it*, URL: <https://queue-it.com/blog/government-digital-transformation-denmark/> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ National Strategy for Digitalisation, 2025, *Ministry of Finance*, URL: <https://en.digst.dk/media/mndfou2j/national-strategy-for-digitalisation-together-in-the-digital-development.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

В ракурсе борьбы с коронавирусной инфекцией Дания выиграла гонку развития технологий, например у той же Германии, которая с опозданием интегрировала приложения мобильного трекинга по обеспечению карантина и получения картины распространения вируса из-за отсутствия опыта, системности и опасений, связанных с конфиденциальностью [15].

Другим крупным проектом с охватом в 94 % датского населения является цифровая почта *Digital Post*, представляющая собой элемент межправительственной инфраструктуры цифровых услуг в Дании и позволяющая государственным органам безопасно в цифровом формате общаться с гражданами и предприятиями. Например, цифровая почта от государственных органов, имеющая в Дании обязательную юридическую силу, включает в себя такие коммуникативные форматы, как сообщения из больницы, информацию о студенческих грантах, изменения в жилищных пособиях, назначение места в детском саду, письма из Центрального таможенного и налогового управления (SKAT) и т. д.¹

В период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 *Digital Post* эффективно использовался датским правительством для оповещения об обновленных правилах, ограничениях, информирования граждан о выплатах, вакцинах и государственной политике в сфере общественного здравоохранения².

Внимания заслуживают также банковский продукт *NemKonto* — счет, который граждане Дании старше 18 лет и предприятия обязаны зарегистрировать в правительстве. Эта услуга значительно экономит государственный ресурс посредством систематизации контактных данных адресатов и централизации системы для осуществления выплат пособий по безработице, стипендий, налоговых начислений и т. д.

Кроме того, существует множество других приложений и платформ (в том числе кроссплатформенных), которые совокупно формируют уникальное технологическое лицо Дании (например, *Borger.dk* — единый центр государственных услуг; *Danish Driving Licence App* (дат. «kørekort-app») — цифровые водительские права³, *Danish Health Insurance Card App* (дат. «sundhedskort-app») — цифровая версия пластиковой карты медицинского страхования⁴, *Single Digital Gateway Regulation* (SDGR) — онлайн-доступ к информации, административным процедурам и услугам помощи для резидентов и предприятий ЕС⁵ и др. Большинство из этих сервисов курирует Агентство цифрового правительства Дании (*Agency for Digital Government*).

Серьезным подспорьем для ведения бизнеса является поддержка Правительством Дании открытой базы данных о потенциальных деловых партнерах — это в значительной степени облегчает механизм взаимодействия между частным сектором [16].

В соответствии с «замерами» датского правительства многослойная система цифровизации, прошивающая всю государственную систему управления, бизнес и

¹ Digital Post, 2025, *The Agency for Digital Government*, URL: <https://en.digst.dk/systems/digital-post/> (дата обращения: 01.06.2025).

² How Denmark became a global leader in digital government, 2025, *Queue-it*, URL: <https://queue-it.com/blog/government-digital-transformation-denmark> (дата обращения: 01.06.2025).

³ Driving Licence App, 2025, *The Agency for Digital Government*, URL: <https://en.digst.dk/systems/driving-licence-app/> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ Health Insurance Card App, 2025, *The Agency for Digital Government*, URL: <https://en.digst.dk/systems/health-insurance-card-app/> (дата обращения: 01.06.2025).

⁵ Single Digital Gateway Regulation, 2025, *The Agency for Digital Government*, URL: <https://en.digst.dk/systems/single-digital-gateway-regulation/> (дата обращения: 01.06.2025).

гражданское общество, позволяет экономить 296 млн евро в год и сокращать время на обработку данных на 30 %, что дает ей право называться одной из самых эффективных в мире¹.

В концентрированном виде цифровые подходы датского правительства с временным горизонтом планирования до 2026 г. собраны в Национальной стратегии Дании по цифровизации 2022 г. и представляют 9 направлений: усиление кибер- и информационной безопасности; предоставление бесперебойных и удобных для пользователя цифровых услуг, которые связывают государственный и частный секторы; автоматизация цифровых инструментов в интересах повышения эффективности госсектора; стимулирование экономического роста путем поддержки малых и средних предприятий (МСП) в их цифровой трансформации; модернизация медицинских услуг с помощью цифровых решений; ускорение «зеленого перехода» с помощью цифровых решений; продвижение этических принципов использования цифровых технологий и данных; позиционирование Дании в центре международной цифровизации, а также оснащение граждан навыками и компетенциями, необходимыми для цифровой эпохи².

Следует признать, что последняя магистральная линия Стратегии по продвижению цифровых навыков населения является системообразующей. Датский прорыв стал возможным исключительно благодаря привитию цифровых компетенций у датчан, включая повышение компьютерной грамотности и выравнивание доступа к электронным услугам (в 2020 г. 71 % датчан имел навыки работы с цифровыми технологиями, из них почти у 50 % эти навыки были выше базовых [17]), а также организации регулярного повышения квалификации служащих публичных органов по работе с ИКТ.

В этой парадигме особое место занимает система образования, ориентированная на увеличение числа студентов, обучающихся по программам *STEM* (естественные науки, технологии, инженерия и математика). Она обеспечивает датских работодателей кадрами с требуемыми цифровыми навыками. При этом перечень приоритетных направлений подготовки был упорядочен в 2018 г. соответствующим документом — Датским технологическим пактом (*The Danish Technology Pact*), объединившим усилия правительства, частного бизнеса, образовательных, исследовательских институтов и НПО.

Еще одним важным фактором является сетевая инфраструктура и качество подключения. Дания — один из мировых лидеров по доступу граждан к сети Интернет (около 95 % домохозяйств подключены к сетям со сверхвысокой пропускной способностью (*VHCN*)³). Страна обладает одним из самых высоких в Европе покрытий территории мобильной широкополосной связью 5G (98 % населенных пунктов) [18]. Именно скоростной интернет является одним из основополагающих условий для ежегодного попадания Копенгагена в топ-10 самых «умных» городов мира, по

¹ Denmark is at the top in several studies when it comes to digitization, 2025, *eBoks*, URL: <https://blog.e-boks.com/denmark-is-at-the-top-in-several-studies-when-it-comes-to-digitization> (дата обращения: 01.06.2025).

² National Strategy for Digitalisation, 2025, *Ministry of Finance*, URL: <https://en.digst.dk/media/mndfou2j/national-strategy-for-digitalisation-together-in-the-digital-development.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

³ Denmark Country Commercial Guide, 2025, *Official Website of the International Trade Administration*, URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/denmark-digital-economy> (дата обращения: 01.06.2025).

данным рейтинга *Smart City Index*¹. В свою очередь, по качеству подключения Дания набрала 100 баллов из 100 возможных в соответствии с индексом благоприятной цифровизации (EDI) от 2020 г., подготовленным компанией Euler Hermes [19].

Внедрение технологии искусственного интеллекта, метавселенных и блокчейна

Документ «Стратегический подход к искусственному интеллекту», опубликованный Министерством цифровых технологий Дании в 2025 г., четко определяет две приоритетные цели: датские компании должны быть конкурентоспособными на мировом рынке, а государственному сектору Дании необходимо стать мировым лидером по использованию ИИ².

Анализ статистических показателей и конкретных проектов демонстрирует, что Дания успешно идет к достижению этих целевых ориентиров. В соответствии с отчетом «Цифровое развитие Дании в 2025 г.», 28 % датских компаний использовали в 2024 г. ИИ в тех или иных целях, что ровно в два раза выше среднего показателя по Европе (14 %). По данным Евростата, Дания возглавляет первый кластер стран («лидеры») на основе значений процента использования ИИ. При этом отмечается тренд на увеличение разрыва между лидерами по внедрению ИИ и странами с низким уровнем внедрения технологий ИИ, что лишь усиливает роль Дании в международном инновационном измерении [20].

Несмотря на то что в большинстве случаев речь идет о применении продуктов зарубежных разработчиков, Дания активно занимается собственными проектами в интересах технологической автономности и конкурентоспособности в глобальной экономике. Так, в 2024 г. Датский центр инноваций в области ИИ в сотрудничестве с фондом *Novo Nordisk* и компанией *NVIDIA* анонсировали суперкомпьютер ИИ под названием *Gefion*, открывающий новые возможности в сфере квантовых вычислений, чистой энергетики и биотехнологий. Это пример успешного государственно-частного партнерства. В прикладном плане на первом этапе ИИ должен оказать поддержку датским фармкомпаниям (как, например, *Novo Nordisk*), а также «зеленым» проектам в ускорении инноваций и, соответственно, увеличении конкурентоспособности датской продукции на мировом рынке. Позже планируется предоставить передовые возможности *Gefion* более широкой аудитории предприятий и государственных учреждений³. Это событие получило серьезную информационную поддержку ввиду попадания Дании в элитарный «клуб» стран, участвующих в разработке интеллектуальной системы, базирующейся на своей территории и в интересах собственного бизнеса. Кроме того, Дания является совладельцем суперкомпьютера *LUMI (Large Unified Modern Infrastructure)* в Финляндии [21].

Развитие собственных суперкомпьютеров является частью датской программы по обеспечению цифрового суверенитета (*digital sovereignty*) в условиях геополитической турбулентности и непредсказуемости ряда партнеров (в первую очередь

¹ Smart City Index, 2025, *IMD*, URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/rankings/> (дата обращения: 01.06.2025).

² Strategic Approach to Artificial Intelligence, 2025, *The Ministry of Digital Affairs*, URL: <https://www.english.digmin.dk/Media/638719220318136690/Strategic%20Approach%20to%20Artificial%20Intelligence.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

³ Denmark's first AI supercomputer is now operational, 2025, *Novo Nordisk Foundation*, URL: <https://novonordiskfonden.dk/en/news/denmarks-first-ai-supercomputer-is-now-operational/> (дата обращения: 01.06.2025).

США)¹. Формирование национальной инфраструктуры отражает амбиции «малой страны» войти в избранное сообщество великих держав с полным спектром цифрового суверенитета (на данный момент это США, Китай и Россия).

Большим потенциалом обладает интеграция ИИ в инициативы датских умных городов для повышения устойчивости, эффективности и удобства жизни горожан. Дания, как отмечалось ранее, позиционирует себя как одного из лидеров отрасли: Копенгаген традиционно входит в рейтинги наиболее развитых умных городов мира. На фоне таких рисков, как нехватка квалифицированных кадров и обостряющаяся международная конкуренция за ресурсы ИИ, датское правительство продвигает принцип совместных усилий по созданию единых стандартов ИИ, инвестированию в образование и обучение, а также согласованию стратегий в области ИИ с международными партнерами [22]. Ряд западных научных школ называют этот подход «дипломатией “умных городов”» (*Smart City Diplomacy*), и его, как представляется, следует рассматривать как составную часть более широкого понятия — технологической дипломатии. Налаживание международных связей между «умными городами» — это очередное стремление датского правительства зарекомендовать себя в качестве глобального игрока в сфере технологий.

В области оказания государственных услуг Дания продолжает перманентное реформирование. В настоящее время она находится на этапе реализации пилотных проектов и иных экспериментальных инициатив по интеграции чат-ботов на базе ИИ различного формата (подача заявления на получение средств социального обеспечения, предоставление консультаций по государственным вопросам и др.). Существуют проекты сервисных роботов, внедренных для выполнения задач в органах местного самоуправления. В государственном секторе применяются также контролируемое машинное обучение (*supervised machine learning*) и роботизированная автоматизация процессов (*robot process automation*). Для ускорения внедрения ИИ в государственном секторе правительство совместно с местными органами власти Дании и датскими регионами создало Целевую группу по цифровым технологиям искусственного интеллекта (*Digital Taskforce for Artificial Intelligence*). Кроме того, Дания постепенно переходит на самый передовой технологический этап современности — интеграции метавселенных для организаций встреч граждан с сотрудниками в виртуальном пространстве.

Эти трансформационные процессы позволяют говорить о наметившемся переходе системы государственного управления и общества Дании от электронного правительства (*E-Government*) к умному правительству (*S-Government*, то есть *Smart Government*), подразумевающему использование инноваций для лучшего понимания людей (сообществ, избирателей и т.д.), точной оценки ситуаций, а также быстрого и эффективного реагирования. Единственный фактор, который представляет собой условный барьер к полному переходу Дании к *S-Government* — отсутствие национального суперприложения (*super-application*) по аналогии с китайским мессенджером *WeChat* или российским *MAX* [23].

Фиксируется также применение ИИ и VR-технологий в отдельно взятых отраслях социально-экономической жизни Дании, об опыте интеграции которых фрагментарно публикуются научные исследования датских авторов (например, в сфере здравоохранения — проект VR по лечению социального тревожного расстройства, применение ИИ при скрининговом обследовании, а также экстренных телефонных звонках пациентам [24]).

¹ Ministerial Visit to SDU Highlights Digital Sovereignty and Danish Cloud Infrastructure, 2025, University of Southern Denmark, URL: https://www.sdu.dk/en/om-sdu/institutter-centre/imada_matematik_og_dataologi/nyt_fra_imada/digitaliseringsminister (дата обращения: 20.12.2025).

Помимо гражданского сектора ИИ-технологии представляются перспективными для датского правительства в секторе обороны и безопасности, что позволяет стране усиливать свою роль в международном разрезе (в том числе как члена НАТО) ввиду ограниченности силового элемента. В широком плане основная цель заключается в значительном технологическом ускорении Вооруженных сил Дании, чтобы они оставались важным актуальным партнером для союзников, как это прописано в докладе «Безопасность и оборона Дании к 2035 г.» (*Danish Security and Defence towards 2035*). В более детализированном виде основным проблемным полем является переход от бессистемного сбора больших объемов необработанных данных с помощью радаров и датчиков, что уже активно делается датскими Вооруженными силами, к интеграции полноценной ИИ-системы в рамках разработки более мощной цифровой магистрали для обработки растущих объемов информации и обмена ею между платформами, подразделениями и доменами [25].

Для достижения этих целей потребуется значительная работа по формированию стратегического видения (формулирование датской стратегии в отношении оборонного ИИ); более точному определению ИИ как в оперативном плане, так и в плане вспомогательных функций; тестированию, обучению и оценке деятельности ИИ; а также подготовке будущих специалистов по оборонному ИИ. В последнем случае должны быть внесены изменения в существующие программы и разработаны новые в рамках военного образования в Дании [25]. Сегодня даже в Дании фиксируется нехватка технических переводчиков и экспертов в области науки о данных для развития комплексного цифрового мышления в отрасли [26].

Наличие развитой цифровой инфраструктуры и высокого уровня проникновения интернета, определяющее цифровую грамотность населения и его восприимчивость к инновациям, привлекает значительные инвестиции (включая внешние — особенно со стороны США) в датский рынок метавселенных и криптовалют. Ожидается, что к 2030 г. объем отрасли достигнет 2 млрд долл. (по состоянию на 2025 г. — 382 млн долл.). Датские компании демонстрируют особую открытость перед интеграцией технологий метавселенных с различным целеполаганием (например, для создания виртуальных торговых площадок, иммерсивных образовательных сред и интерактивных развлекательных платформ)¹. Отличительное лицо датского рынка метавселенных формирует процветающая в стране игровая индустрия, требующая умение приспосабливаться к постоянно меняющимся предпочтениям клиентов, например в части захватывающих цифровых впечатлений (включая AR/VR). Наконец, в стране функционирует сразу несколько научно-исследовательских площадок, специализирующихся на метавселенных: Лаборатория метавселенной Университета Южной Дании (*SDU Metaverse Lab*) и Датский технический университет (*DTU*)².

Рынок метавселенных Дании тесно связан с ускоренным внедрением технологии блокчейна, которая обеспечивает децентрализованную инфраструктуру, безопасность и прозрачность для приложений. Кроме того, посредством блокчейна датское правительство проявляет живой интерес к возможному построению виртуальной экономики. Это представляется логичным с учетом успешных примеров других «малых стран» (например, стран Карибского бассейна и Бермудских островов), постепенно забирающих лидерство в развитии новых практик цифровой дипломатии в финансовом сегменте.

¹ Metaverse — Denmark. Market Insights, 2025, Statista, URL: https://www.statista.com/outlook/amo/metaverse/denmark?currency=USD#revenueGrowth_399245 (дата обращения: 01.06.2025).

² Explore the Metaverse in Denmark, 2025, Ministry of Foreign Affairs of Denmark, URL: <https://investindk.com/set-up-a-business/metaverse> (дата обращения: 01.06.2025).

Датское правительство осознает, что вышеперечисленные проекты не смогут демонстрировать эффективность и масштабироваться до уровня национальной цифровой трансформации без соответствующего доступа к новейшим научным знаниям и международному опыту. В этой связи сегодня прорабатывается инициатива о создании междисциплинарного центра исследований и консультаций по использованию ИИ в обществе — как единой точки доступа к знаниям. Он должен объединить ведущие университеты и научно-исследовательские центры.

Серьезным препятствием на этом пути может стать обозначившийся в последние годы в Дании тренд на резкое снижение способности привлекать и удерживать специалистов в области цифровых технологий. В свою очередь, нехватка кадров играет решающую роль в сокращении масштабов стимулирования инноваций, что может негативно отразиться на конкурентоспособности датских компаний. Так, в 2023 г. в Данию прибыли около 2400 IT-специалистов, а уехали из страны более 1850 чел. (то есть чистый приток составил лишь 550 чел. при 1200 чел. в 2022 г.)¹. Таким образом, имеющегося у датского правительства задела, сделанного на треке цифровизации в предыдущие годы, может не хватить для поддержания инновационного превосходства и использования его в качестве конкурентного преимущества на мировой арене. В ближайшие годы перед Данией назрела острая необходимость пересмотра подходов к формированию своей привлекательности для глобальных цифровых талантов (*digital talent*) со всего мира.

Заключение

Дания, успевшая оперативно пройти путь по формированию институциональной и инфраструктурной базы государственной цифровизации, создала огромный задел, который будет сложно превзойти конкурентам. В первую очередь речь идет о развертывании базовой инфраструктуры (цифровые удостоверения личности, подписи и т. д.), общей инфраструктуры (национальные порталы, коммуникационные платформы), внедрении стандартизации, а также поддержании высокого уровня проникновения интернета среди населения [27]. Приверженность к коротким циклам принятия обновленной стратегии в области цифровизации (раз в четыре года) свидетельствует о нацеленности Дании удерживать лидирующие позиции в мире и в будущем. Последнее подтверждается также постепенным переходом Дании на этап интеграции технологий ИИ, метавселенных, блокчейна и AR/VR как в гражданском секторе, так и в оборонной отрасли. Уникальность датского кейса заключается в многолетней последовательной системной государственной политике по цифровой трансформации, начатой еще в 1960-е гг.

Эти конкурентные преимущества, в свою очередь, предопределили готовность Дании брать на себя ответственность по формированию глобальных стандартов цифровизации, интеграции технологий и обеспечению международной информационной безопасности, что сегодня все чаще объединяют термином «технологическая дипломатия». В практическом измерении это проявляется в назначении технологического посла, образовании постоянных офисов, обеспечивающих его деятельность, а также в выработке методологии (корректировка концептуальных документов, разработка самостоятельной стратегии в области технологической дипломатии и т. д.). Дания стала первой страной в мире, которая определила технологии и цифровизацию в качестве сквозного приоритета внешней политики и политики безопасности. Технологии рассматриваются датским правительством в

¹ Denmark Faces Significant Decline in Ability to Attract and Retain Digital Talent, 2025, *Digital Hub Denmark*, URL: <https://www.digitalhubdenmark.dk/post/denmark-faces-significant-decline-in-ability-to-attract-and-retain-digital-talent> (дата обращения: 20.12.2025).

качестве проводника на пути усиления международного влияния за неимением силового элемента во внешней политике. В частности, Дания предпринимает усилия по обеспечению цифрового суверенитета, что откроет ей возможность попадания в элитарный клуб стран, имеющих полный спектр национальной цифровой инфраструктуры.

В то же время статистика демонстрирует наличие рискованного тренда по оттоку IT-специалистов из страны, который признается датским правительством угрозой потери конкурентных преимуществ на международной арене в среднесрочной перспективе.

Список литературы / References

1. Remili, K.D., Bouzourine, N., Hartani, R., Belouchrani, A. 2025, Tech diplomacy and Critical Technologies: Case of the LEO satellite internet, *Telecommunications Policy*, vol. 49, № 4, EDN: RHVVJA, <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2025.102947>
2. Навасардян, А. 2014, Особенности дипломатии малых стран (Макиавеллизм как прототип дипломатии малых государств. Соотношение дипломатии малых государств с их потенциалом), *21-й век*, № 4 (33), с. 5—11.
3. Navasardyan, A. 2014, Features of the Diplomacy of Small Countries (Machiavellianism as a Prototype of the Diplomacy of Small States. The Correlation of the Diplomacy of Small States with Their Potential), *21st Century*, № 4, p. 5—11 (in Russ.).
3. Цветкова, Н. А., Сытник, А. Н., Гришанина, Т. А. 2022, Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 15, № 2, с. 174—196, EDN: QFKEIQ, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204>
4. Tsvetkova, N. A., Sytnik, A. N., Grishanina, T. A. 2022, Digital diplomacy and digital international relations: Challenges and new advantages, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, № 2, p. 174—196, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204>
4. Барсегян А. 2022, Страны-лидеры в области развития электронного правительства: чему можно у них научиться?, *Амберд бюллетень*, № 5, с. 49—56, EDN: POSEY, <https://doi.org/10.52174/2579-2989.2022.5-49>
5. Barseghyan, A. 2022, Leading Countries in E-Government Development: What can We Learn From Them?, *Amberd bulletin*, № 5, p. 49—56, <https://doi.org/10.52174/2579-2989.2022.5-49>
5. Totonchi, A., Ahlan, A.R., Mohadis, H.M. 2025, E-Government Between Developed and Developing Countries: Key Perspectives from Denmark and Iraq, *Jurnal Ilmu Komputer dan Informasi*, vol. 18, № 1, p. 77—93, EDN: SKYXAA, <https://jiki.cs.ui.ac.id/index.php/jiki/article/view/1316>, <https://doi.org/10.21609/jiki.v18i1.1316>
6. Тищенко, А. Н. 2010, Теория и практика организации кластеров: зарубежный опыт, *Проблемы экономики (Харьков)*, № 2 с. 9—15, EDN: NTPTEC
7. Tischenko, A. N. 2010, Theory and practice of organizing clusters: international experience, *Problems of Economics (Kharkiv)*, № 2, с. 9—15, EDN: NTPTEC (in Russ.).
7. Trushkina, N., Shiposha, V. 2021, Clustering Of The National Economy As An Effective Tool For The Sustainable Development Of European Countries, *Three Seas Economic Journal*, № 2 (4), EDN: KVIOZF, <https://doi.org/10.30525/2661-5150/2021-4-1>
8. Falch, M., Henten, A. 2000, Digital Denmark: from information society to network society, *Telecommunications Policy*, vol. 24, № 5, EDN: DYUXQL, [https://doi.org/10.1016/S0308-5961\(00\)00028-8](https://doi.org/10.1016/S0308-5961(00)00028-8)
9. Холодная, Е. В. 2020, О цифровой трансформации государственного администрирования Дании, *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, № 4 (135), с. 230—234, EDN: XBNRFQ, <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10121>
10. Kholodnaya, E. V. 2020, On the digital transformation of public administration in Denmark, *Bulletin of the Saratov State Military Academy*, № 4, p. 230—234, EDN: XBNRFQ, <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10121>
10. Grinderslev, O. J., Kramp, P.L., Kronborg, A. F., Pedersen, J. 2017, Financial cycles: what are they and what do they look like in Denmark?, *Danmarks Nationalbank, working paper*, № 117.
11. Тельхигова, М. Ш. 2011, Особенности функционирования предпринимательского сектора Дании, *Транспортное дело России*, № 4, с. 36—38, EDN: QIPPRD

Telkhigova, M. Sh. 2011, Danish business structure features, *Transport business of Russia*, № 4, p. 36—38, EDN: QIPPRD

12. Andersen, K. N., Lee, J., Kim, S. 2024, MetaVerse+ in South Korea and Denmark: Snapshots from Two Leading Digital Nations, *Proceedings of the 25th Annual International Conference on Digital Government Research*, p. 827—831, <https://doi.org/10.1145/3657054.3657149>

13. Мельничук, М. В. 2019, Международный опыт развития цифровой экономики в странах Европейского союза, *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право*, № 6, с. 97—103, EDN: XDDSSR

Melnichuk, M. V. 2019, International experience in a digital economy development in the European Union countries, *Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, № 6, p. 97—103, EDN: XDDSSR (in Russ.).

14. Calista, D., Melitski, J. 2007, e-Government and E-governance: Converging Constructs of Public Sector Information and Communications Technologies, *Public Administration Quarterly*, vol. 31, № 1/2, p. 87—120.

15. Леонов, Е. С. 2021, Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях COVID-19, *Международная жизнь*, № 1, с. 20—27, EDN: MOIUDW

Leonov, E. S. 2019, New trends in the development of digital diplomacy in the context of COVID-19, *International life*, № 1, p. 20—27, EDN: MOIUDW

16. Полякова, О. Е., Лаврова, Е. В. 2024, Цифровая трансформация в государственном и муниципальном управлении: международный опыт, *Управленческий учет*, № 9, с. 141—147, EDN: QQPEAG

Polyakova, O. E., Lavrova, E. V. 2024, Digital transformation in state and municipal management: international experience, *Management Accounting*, № 9, p. 141—147 (in Russ.), EDN: QQPEAG

17. Холодная, Е. В. 2019, Цифровизация Дании: опыт лидера по реализации проекта «электронное правительство», в: *Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций*, Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, с. 165—167, EDN: AXKWLO

Kholodnaya, E. V. 2019, Digitalization in Denmark: the experience of a leader in implementing the “electronic government” project, in: *Problems and Challenges of the Digital Society: Trends in the Development of Legal Regulation of Digital Transformations. A Collection of Scientific Papers Based on the Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference*, p. 165—167, EDN: AXKWLO

18. Анищенко, А. И., Соколовский, В. С. 2024, Цифровая трансформация государственного управления в Дании: факторы успеха, *Электронная библиотека БГУ*.

Anishchenko, A. I., Sokolovsky, V. S. 2024, Digital transformation of public administration in Denmark: success factors, *Electronic library of BSU*.

19. Tashenova, L., Mamrayeva, D., Kulzhambekova, B. 2024, Digital transformation of economy: the experience of Estonia and Denmark, *Вестник Казахского университета экономики, финансов и международной торговли*, № 3 (56), p. 186—195, EDN: JTKWZO, [https://doi.org/10.52260/2304-7216.2024.3\(56\).20](https://doi.org/10.52260/2304-7216.2024.3(56).20)

Tashenova, L., Mamrayeva, D., Kulzhambekova, B. 2024, Digital transformation of the economy: the experience of Estonia and Denmark, *Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade*, № 3, p. 186—195 (in Russ.), EDN: JTKWZO, [https://doi.org/10.52260/2304-7216.2024.3\(56\).20](https://doi.org/10.52260/2304-7216.2024.3(56).20)

20. Stan, M., Ciobotea, M., Voda, A. M., Badea, D. L. 2025, Artificial Intelligence Landscape in the European Union. A Comparative Study, *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*, vol. 19, № 1, p. 3432—3445, EDN: BMNPDV, <https://doi.org/10.2478/picbe-2025-0262>

21. Фролов, А. В., Лысунец, М. В. 2022, Актуальные аспекты цифровой трансформации экономики европейского региона, *Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*, № 1 (40), с. 61—71, EDN: VPDZAM, <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2022-1-61-71>

Frolov, A. V., Lysunets, M. V. 2022, Relevant aspects of the digital transformation of the economy of the European region, *Bulletin of the Moscow University Named S U Vitte Series 1 Economics and Management*, № 1, p. 61—71, <https://doi.org/10.21777/2587-554x-2022-1-61-71>

22. Okonta, E. D., Rahimian, F., Agu, N. L. 2025, Emerging Policies for Ethical and Effective AI Implementation in Smart Cities, *Lecture Notes in Civil Engineering*, № 591 LNCE, p. 702—712, https://doi.org/10.1007/978-981-96-4051-5_68

23. Lemke, F., Taveter, K., Erlenheim, R., Pappel, I., Draheim, D., Janssen, M. 2020, Stage Models for Moving from E-Government to Smart Government, in: Chugunov, A., Trutnev, D., Khodachek, I., Misnikov, Y. (eds.), *Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia — 6th International Conference*, p. 152 — 164, https://doi.org/10.1007/978-3-030-39296-3_12

24. Ørskov, P. T., Lichtenstein, M. B., Ernst, M. T., Fasterholdt, I., Matthiesen, A. F., Scirea, M., Bouchard, S., Andersen, T. E. 2022, Cognitive behavioral therapy with adaptive virtual reality exposure vs. cognitive behavioral therapy with in vivo exposure in the treatment of social anxiety disorder: A study protocol for a randomized controlled trial, *Frontiers in Psychiatry*, № 13, p. 1 — 12, EDN: LZZOCI, <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.991755>

25. Graae, A. 2024, Servers Before Tanks? Defence AI in Denmark, *The Very Long Game*, p. 173 — 194, https://doi.org/10.1007/978-3-031-58649-1_8

26. Bollmann, A., Jacobsen, K. 2023, Militær dataoversættelse og digital transformation. Erfaringer fra Ukraine og fokusområder for det danske forsvar. DJØF forlag and Center for Militære Studier, Københavns Universitet.

27. Nielsen, M. M., Jordanoski, Z. 2023, Digital Transformation, Governance, and Coordination in Times of Crisis: An Analysis of Australia, Denmark, and the Republic of Korea, *Digital Government: Research and Practice*, vol. 46 № 4, p. 1 — 20, EDN: ATEYYQ, <https://doi.org/10.1145/3604569>

Об авторе

Егор Сергеевич Леонов, кандидат исторических наук, доцент, кафедра дипломатии МГИМО (У) МИД РФ, Россия.

<https://orcid.org/0009-0008-5801-3070>

E-mail: e.leonov@inno.mgimo.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

TECHNOLOGICAL DIPLOMACY AND THE INTERNATIONAL POSITIONING OF SMALL STATES: THE CASE OF DENMARK

E. S. Leonov

MGIMO University,
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Received 27 October 2025
Accepted 13 January 2026
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-5
© Leonov E. S., 2026

This article examines Denmark's digital development trajectory and the strategic role of technological diplomacy in elevating 'small states' on the global stage, with Denmark as a prime case study. The introduction of technological diplomacy into Danish foreign policy documents is contextualised against the backdrop of accelerating political and economic digitalisation, alongside the transformative impact of cutting-edge technologies — including big data ana-

To cite this article: Leonov, E. S. 2026, Technological diplomacy and the international positioning of small states: the case of Denmark, *Baltic Region*, vol. 18, № 1, p. 77—95, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-5

lytics, artificial intelligence, and neural networks — on the global economy and international relations. Denmark pioneered the appointment of a Technology Ambassador, the world's first, to bolster the country's presence at key multilateral tech fora, draw investment, and pave the way for Danish firms in global markets. The country also led in crafting an industry-specific methodological framework by embedding technology agendas into core foreign policy strategies. Denmark's digital leadership stems from historical foundations, seamless integration of digital tools into domestic governance and economy via phased, comprehensive sector reforms (notably e-government), widespread upskilling in digital competencies, and robust network infrastructure development. The nation now stands poised for the next leap — 'smart government' — fueled by AI, metaverses, blockchain, and VR across public administration and business.

Keywords:

technological diplomacy, technological ambassador, e-government, smart government, information technology, artificial intelligence, metaverses, Denmark

The author

Dr **Egor S. Leonov**, Associate Professor, Department of Diplomacy, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0009-0008-5801-3070>

E-mail: e.leonov@inno.mgimo.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

APWWQC

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И ЛАТВИЕЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: СВОБОДА ВЫБОРА ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ?

С. И. Чернов
И. Лю

Шанхайский университет,
200444, Китай, Шанхай, ул. Шангда, 99

Поступила в редакцию 18.03.2025 г.
Принята к публикации 25.12.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-6
© Чернов С. И., Лю И., 2026

Анализируется динамика двусторонних отношений между Китайской Народной Республикой и Латвийской Республикой. Опираясь на устоявшиеся теоретические модели, авторы выявляют ключевые факторы, определяющие характер данного взаимодействия, что позволяет сформировать основу для прогнозирования его вероятного развития в среднесрочной перспективе в условиях трансформирующегося мирового порядка. Особое внимание уделяется парадигме взаимодействия великих держав и малых государств, не связанных между собой исторически, политически или географически. Основной целью исследования является оценка объяснительного потенциала отдельных теоретических подходов применительно к анализу высокоасимметричных и географически удаленных двусторонних отношений, примером которых выступают китайско-латвийские отношения. Авторы приходят к выводу, что развитие отношений между Латвией и Китаем в решающей степени детерминировано текущим этапом эволюции международной системы и современным геополитическим контекстом, что подтверждает эвристическую значимость теории политического реализма.

Ключевые слова:

внешняя политика Китая, внешняя политика Латвии, малые государства, политический реализм

Введение. Проблема взаимодействия великих держав и малых государств: теоретические аспекты

Теоретическая парадигма взаимодействия великих держав и малых государств, находящихся в одном макрорегионе, получила всестороннее освещение в современной научной литературе. В рамках неореалистического подхода данная проблематика рассматривается, в частности, в работе М. Михундо и Г. Калензо [1], в которой малые государства концептуализируются как элементы системного баланса сил, их поведение в значительной степени определяется структурой международ-

Для цитирования: Чернов, С. И., Лю, И. 2026. Двусторонние отношения между Китаем и Латвией в контексте глобальных геополитических изменений: свобода выбора или геополитические императивы?, Балтийский регион, т. 18, № 1, с. 96–116, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-6

ной системы. Близкий по логике подход представлен в исследованиях А. Клайва, А. Бейлз и А. Вайвела [2], анализирующих роль малых государств в формировании и функционировании режимов международной безопасности. Существенное внимание понятийному измерению данной проблемы уделяет Т. Кровардз [3], предлагающий различные критерии определения понятия «малое государство» и подчеркивающий контекстуальный и относительный характер данной категории. В работе Дж. А. К. Хейя [4] аналитический акцент смещается на факторы, формирующие внешнеполитическое поведение малых государств, включая внутренние институциональные ограничения и внешнее системное давление. Взаимоотношения малых государств с великими державами как особый тип асимметричного взаимодействия подробно исследуются И. Б. Нойманом [5], тогда как Д. Вайтел [6] сосредоточивается на более широкой проблеме неравенства государств в рамках международной системы. Моделирование внешней политики малых государств представлено в исследованиях М. А. Иста [7].

В отечественной научной традиции значимый вклад в анализ роли малых государств в международных отношениях внесли И. Н. Новикова [8], а также Ю. М. Зверев и Н. М. Межевич [9], рассматривающие терминологические и классификационные аспекты данной проблематики на примере Прибалтийских государств. В совокупности указанные исследования демонстрируют, что существующие модели взаимодействия малых и великих держав в значительной степени зависят как от исходной теоретической парадигмы, так и от интерпретации самого понятия «малое государство», что затрудняет их прямое применение к конкретным региональным кейсам и оставляет пространство для дальнейших эмпирических исследований.

Современные исследователи по-разному определяют категорию «малых государств». Нижний демографический порог, отделяющий малые государства от микространств, как правило, оценивается в пределах 0,5—1,5 млн чел., тогда как верхняя граница, позволяющая отделять малые государства от средних по численности населения, варьируется от 5 до 30 млн чел. Территориальный критерий также отличается неопределенностью: согласно классификации Организации Объединенных Наций, соответствующий порог составляет около 100 тыс. км². В обобщенном виде, с учетом как количественных, так и качественных показателей, малые государства можно охарактеризовать ограниченной численностью населения, относительно слабым человеческим капиталом и небольшими размерами территории [10, с. 346].

В целом в анализе взаимодействия малых государств и великих держав можно выделить три основных теоретических подхода.

А. Неолиберальный подход акцентирует внимание на нежелании малых государств прибегать к принудительным средствам, их предпочтении многосторонних механизмов урегулирования конфликтов, а также обращении к правовым и институциональным инструментам [11, с. 256]. Однако постулируемая «естественная» склонность малых государств к сохранению статус-кво и мирному разрешению споров представляется весьма дискуссионной на примере Латвии. На современном этапе малые государства Восточной Европы, по всей видимости, способны оказывать влияние на политику более крупных европейских держав таким образом, что это способствует росту международной напряженности.

Б. Неореалистический подход, сформулированный К. Вольфом, исходит из того, что структурные характеристики международной системы в значительной степени не зависят от усилий малых и средних государств, будучи результатом взаимодействия прежде всего великих держав [10, с. 347]. Именно они формируют систему или «среду», в рамках которой вынуждены действовать все остальные акторы. В этой логике внешняя политика малых государств определяется в меньшей сте-

пени внутренними факторами и в большей — внешними условиями, находящимися вне их контроля. Данный подход, часто обозначаемый как «исследование, основанное на потенциале», исходит из того, что именно дефицит ресурсов формирует внешнеполитическое поведение малых государств и тем самым ограничивает их значимость в международной системе [12, с. 27]. Кроме того, ряд авторов утверждает, что малые государства оказываются перед выбором между ролью «ягнят» — слабых акторов, чьей основной целью является выживание, — и ролью «шакалов», стремящихся к покровительству более сильных держав в расчете на получение дополнительных выгод [12, с. 27].

В. Конструктивистский подход объясняет поведение малых государств через концепцию «мягкой силы». В его рамках отдельные исследователи вводят понятие «виртуального расширения», понимаемого как трансформация позитивных моральных коннотаций, связанных с «малостью», в стратегии эффективного посредничества и продвижения собственных политических и экономических моделей с целью привлечения инвестиций. Общей чертой данного подхода является отказ от представления о малых государствах как об изначально «дефицитных» акторах [12, с. 29] и, напротив, акцент на дополнительных возможностях, возникающих вследствие успешного применения дискурсивных стратегий.

Значительно меньшее внимание в исследованиях по международным отношениям уделяется взаимодействию великих держав и малых государств, не связанных между собой исторически, политически или географически. Цель настоящего исследования состоит в оценке применимости вышеупомянутых теоретических моделей к анализу асимметричных и географически удаленных двусторонних отношений на примере отношений между Китаем и Латвией.

Релевантность любой теоретической модели может быть подтверждена либо опровергнута исключительно на основе имеющихся эмпирических данных. Эмпирическую базу данного исследования составляют открытые статистические данные, которые для наглядности представлены авторами в табличной и графической формах. В работе используется качественный, теоретически ориентированный анализ официальных внешнеполитических документов с особым вниманием к таким стратегическим текстам, как «Сообщество единой судьбы человечества: предложения и действия Китая», «Концепция национальной безопасности Латвии (2023)», а также двусторонние соглашения между Китайской Народной Республикой и Латвийской Республикой, заключенные в период с 2000 по 2025 г. (с учетом специфики дипломатического языка). Анализ сосредоточен на выявлении приоритетов внешней политики, нарративов безопасности и моделей стратегического планирования, зафиксированных в официальных документах. Методологическая основа исследования базируется на системном подходе к анализу международных отношений. Дополнительно применяется сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить ключевые тенденции во взаимодействии между Китаем и Латвией.

Таким образом, в статье анализируется динамика двусторонних отношений между Китайской Народной Республикой и Латвийской Республикой. Опираясь на устоявшиеся теоретические модели, авторы стремятся выявить ключевые факторы, формирующие данные отношения, и, как следствие, предложить обоснованный прогноз их развития в ближайшие годы в более широком контексте трансформирующегося мирового порядка.

Историография китайско-латвийских отношений

Существует обширный массив исследований, рассматривающих Балтийский регион как арену политики великих держав. Влияние Китая на государства Балтии анализируется в работах Н. А. Слуки, А. В. Коробкова и П. Н. Иванова

[13], а также в исследованиях Т. С. Гузенковой и А. В. Карпова [14], в которых регион концептуализируется как часть более широкой европейской стратегии Пекина. Французская политика в Балтийском регионе рассматривается А. Ю. Чихачёвым [15], тогда как германская стратегия, включая ее институциональные и военно-политические аспекты, подробно анализируется в работе Ф. О. Трунова [16]. Экономическое измерение китайского присутствия в регионе раскрывается в исследованиях А. В. Шамахова, Н. М. Межевича и Го Шохуна [17], а также В. Г. Варнавского [18], в которых акцент делается на инвестиционной активности и торгово-экономических связях. Более широкий геополитический контекст, в рамках которого Балтийский регион интерпретируется как пространство усиливающейся конфронтации между Россией и Западом, представлен в работах К. К. Худолея [19], Н. М. Межевича и Л. С. Сазановича [20], а также Ю. М. Зверева [21]. Наконец, участие Латвии и других государств Балтии в НАТО и Европейском союзе как ключевой фактор их внешнеполитической ориентации анализируется в исследованиях Д. А. Ланко и Д. Е. Долженковой [22], С. В. Вивтоненко [23] и Е. А. Поспеловой [24]. Вместе с тем в большинстве указанных работ страны Балтии, включая Латвию, рассматриваются преимущественно как объекты политики великих держав или институциональной интеграции, тогда как их собственные стратегии адаптации к внешней конкуренции и способность использовать ее в национальных интересах остаются изученными фрагментарно.

Китайскую Народную Республику и Латвийскую Республику связывает сравнительно продолжительная и в целом продуктивная история двусторонних отношений. Китай был одним из первых государств, признавших восстановление независимости Латвии 7 сентября 1991 г. Дипломатические отношения между двумя странами были официально установлены 12 сентября 1991 г.¹ Взаимодействие Китая с государствами Балтии стало предметом научного анализа со стороны исследователей из Китая, стран Балтии и России. Вместе с тем китайско-латвийские отношения не всегда развивались бесконфликтно. Как отмечают А. О. Виноградов и С. А. Данилюк, «речь прежде всего идет о действиях латвийского руководства, которое в 1992 г. пошло даже на открытие в Риге консульства Китайской Республики (Тайваня). Это было расценено КНР как нарушение принципа “одного Китая”, что привело к отзыву китайского посла и фактическому закрытию посольства КНР в Риге. Нормализация дипломатических отношений произошла лишь в 1994 г., после подтверждения Латвией признания принципа “одного Китая”» [25, с. 60].

Ряд исследователей, анализирующих эволюцию китайско-латвийских отношений, выделяют три ключевых этапа. Первый этап (1991—2002) был связан с первоначальным формированием отношений между Китаем и государствами Балтии. Второй этап, пришедшийся на период президентства Ху Цзиньтао, характеризовался активным расширением сотрудничества Латвии с Китаем, прежде всего в сферах культуры и образования. Третий этап, начавшийся с 2013 г., ознаменовался приоритетным развитием взаимодействия в рамках инициативы «Один пояс — один путь» [26, с. 35].

К. К. Худолей в своем исследовании выделяет три основных измерения китайской стратегии в регионе, отмечая, что «Китай действует в данном регионе по трем каналам — через стратегическое партнерство с Россией, формат “16+1”

¹ Latvijas Republikas un Ķīnas Tautas Republikas divpusējās attiecības, 2023, *Ārlietu ministrija*, URL: https://www.mfa.gov.lv/lv/latvijas-republikas-un-kinas-tautas-republikas-divpusejas-attiecibas?utm_source=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.06.2025).

и инициативу «Один пояс — один путь» [27]. Как указывает российский исследователь А. В. Цвык, сотрудничество с государствами Центральной и Восточной Европы, расположенными вдоль транспортных маршрутов Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути, в последние годы стало одним из ключевых приоритетов внешней политики Китая в Европе [28, с. 109]. Существенный вклад в разработку данной проблематики в российской науке внесли Н. М. Межевич [29], И. С. Виноградов и А. В. Голубкин [30], а также А. А. Яковлев [31].

Китайские исследования по данной тематике остаются сравнительно немногочисленными. Так, Юань Шэнлун отмечает, что «уникальные географические преимущества Латвии, стабильная экономическая среда и твердое стремление к сотрудничеству сделали ее партнером нашей страны в совместном развитии Экономического пояса Шелкового пути, в реализации инфраструктурной и транспортно-логистической связности с Восточной Европой, а также в расширении двустороннего сотрудничества» [32]. Му Чунхуай и Сун Дяньцзяо также подчеркивают выгодное географическое положение Латвии, рассматривая ее в качестве важного транзитно-транспортного узла, соединяющего Западную Европу, Северную Европу и Россию [33]. Среди других значимых работ по данной теме следует отметить исследования Суань Аня [34], посвященные китайско-латвийскому сотрудничеству, а также аналитический доклад Чжао Ша [35], в котором изучается динамика торгового оборота с Латвией.

Представители западной, англоязычной научной литературы, как правило, подходят к китайским инициативам с определенной долей скептицизма, призывая к более взвешенной оценке потенциальных рисков. Так, Б. Саркар анализирует перспективы Китая в странах Балтии, указывая на рост экономической зависимости Латвии от Китая в период 2016—2021 гг., а также на предпринимаемые ею усилия по снижению данной зависимости [36]. В другом исследовании группа авторов из стран Балтии обсуждает не только углубление экономических связей, но и политические риски, связанные с вовлеченностью в китайские инициативы [37]. К. Андрияускас также разделяет позицию своих коллег, рассматривая Китай в качестве стратегического вызова для государств Балтии [38]. Д. Скотт, в свою очередь, утверждает, что экономическая зависимость от Китая потенциально способна порождать напряженность не только между самими государствами Балтии, но и внутри Европейского союза в целом [39]. Вместе с тем большинство экспертов сходятся во мнении, что Балтийский регион представляет стратегический интерес для Китая прежде всего как транзитный узел — при условии сохранения активной торговли между Россией и Европой.

Несмотря на то что академическая литература по данной проблематике остается относительно ограниченной, в научном сообществе ведется активная и острая дискуссия о текущем состоянии и перспективах отношений между Китайской Народной Республикой и Латвией. Во-первых, значительная часть существующих исследований носит политически ангажированный характер, особенно в работах, представляющих западную научную традицию. Во-вторых, большинство публикаций недостаточно использует экономические показатели в качестве эмпирического инструментария для проверки выдвигаемых гипотез. В-третьих, существенная доля исследований утратила актуальность в связи с глубокими трансформациями глобальной политической среды, произошедшими после начала 2022 года. В результате в академическом дискурсе сохраняется множественность и противоречивость оценок перспектив отношений Китая с государствами Балтии — прежде всего с Латвией — в условиях нарастающего противостояния между Россией и западными странами. Вместе с тем по-прежнему ощущается

дефицит комплексных исследований, посвященных двусторонним китайско-латвийским отношениям. Анализ данной проблематики представляет собой перспективный кейс для более широкого понимания характера отношений Китая со странами Восточной Европы в новых геополитических условиях.

Политическое измерение отношений КНР — Латвия на современном этапе (2014—2024)

Прежде всего представляется необходимым проанализировать договорно-правовую базу, регулирующую двусторонние отношения между Китайской Народной Республикой и Республикой Латвия. На сегодняшний день между двумя государствами заключено 20 соглашений о сотрудничестве в различных сферах, из которых 15 продолжают действовать. Одним из первых соглашений новейшего периода стало «Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования», подписанное в 1996 г. Оно предусматривает развитие культурных и образовательных обменов, организацию спортивных мероприятий, а также создание механизмов постоянного взаимодействия между государственными органами двух стран¹. О широте двустороннего сотрудничества свидетельствуют и соглашения начала XXI в., в частности «Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал»², «Договор между Латвийской Республикой и Китайской Народной Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам»³, «Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций»⁴ и «Соглашение о морском транспорте»⁵.

¹ Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas Republikas valdības kultūras un izglītības sadarbības līgums [Соглашение о культурном и образовательном сотрудничестве между правительством Латвийской Республики и правительством Китайской Народной Республики], 1996, *Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas*, URL: <https://likumi.lv/ta/iv/starptautiskie-ligumi/id/415-latvijas-republikas-valdibas-un-kinas-tautas-republikas-valdibas-kulturas-un-izglitibas-sadarbibas-ligums> (дата обращения: 03.06.2025).

² Agreement for the avoidance of double taxation and the prevention of fiscal evasion with respect to taxes on income and on capital [Соглашение между Латвийской Республикой и Китайской Народной Республикой о предотвращении двойного налогообложения и уклонения от уплаты налогов на доходы и капитал], 1997, *Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas*, URL: <https://likumi.lv/ta/en/starptautiskie-ligumi/id/417-agreement-between-the-government-of-the-republic-of-latvia-and-the-government-of-the-peoples-republic-of-china-for-the-avoidance> (дата обращения: 03.06.2025).

³ Treaty between the Republic of Latvia and the People's Republic of China on Mutual Judicial Assistance in Criminal Matters [Договор между Латвийской Республикой и Китайской Народной Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам], 2005, *Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas*, URL: <https://likumi.lv/ta/en/starptautiskie-ligumi/id/410-treaty-between-the-republic-of-latvia-and-the-peoples-republic-of-china-on-mutual-judicial-assistance-in-criminal-matters> (дата обращения: 03.06.2025).

⁴ Agreement on the promotion and protection of investments [Соглашение о поощрении и защите инвестиций], 2006, *Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas*, URL: <https://likumi.lv/ta/en/starptautiskie-ligumi/id/408-agreement-between-the-government-of-the-republic-of-latvia-and-the-government-of-the-peoples-republic-of-china-on-the-promotion> (дата обращения: 03.06.2025).

⁵ Agreement on maritime transport [Соглашение о морском транспорте], 2004, *Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas*, URL: <https://likumi.lv/ta/en/starptautiskie-ligumi/id/406-agreement-between-the-government-of-the-republic-of-latvia-and-the-government-of-the-peoples-republic-of-china-on-maritime-transport> (дата обращения: 03.06.2025).

При этом особого внимания заслуживает экономическое сотрудничество, осуществляемое в рамках двусторонних механизмов, а не через международные институты. Так, «Соглашение об экономическом сотрудничестве между Правительством Латвийской Республики и Правительством Китайской Народной Республики», подписанное 15 апреля 2004 г., зафиксировало основные приоритетные направления взаимодействия, включая промышленность и горнодобывающий сектор, сельское хозяйство и агропромышленный комплекс, науку и технологии, энергетику, связь, транспорт, туризм и охрану окружающей среды¹.

В течение последнего десятилетия количество новых соглашений было относительно невелико, и большинство из них касалось развития культурных, образовательных и научных связей. В частности, стороны договорились об обмене визитами писателей и деятелей искусства, организации гастрольных поездок творческих коллективов, а также проведении культурных и художественных выставок на территории обеих стран². В отдельном соглашении, подписанном в 2018 г., была зафиксирована договоренность о развитии научно-технического сотрудничества³, что свидетельствует о повышении уровня взаимного доверия и координации. Таким образом, за прошедшие десятилетия отношения между Китаем и Латвией расширились не только на практическом уровне, но и посредством формирования соответствующей институционально-правовой базы.

Важным элементом китайско-латвийских отношений является организация официальных визитов и встреч представителей двух государств. Как показывают данные, представленные в таблицах 1 и 2, взаимодействие не ограничивается экономической и торговой сферами, а охватывает также внешнюю политику, спорт, транспортную инфраструктуру, туризм и здравоохранение. Примечательно, что в Сейме Латвии функционирует межпарламентская группа по сотрудничеству с Китайской Народной Республикой, что указывает на институционализацию двустороннего политического диалога⁴.

¹ Agreement on Economic Cooperation between the Government of the Republic of Latvia and the Government of the People's Republic of China [Соглашение о экономическом сотрудничестве между правительством Латвийской Республики и правительством Китайской Народной Республики], 2004, *Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas*, URL: <https://likumi.lv/ta/en/starptautiskie-ligumi/id/403-agreement-on-economic-cooperation-between-the-government-of-the-republic-of-latvia-and-the-government-of-the-peoples-republic-of> (дата обращения: 03.06.2025).

² Agreement between the government of the Republic of Latvia and the Government of the People's Republic of China on cooperation in the field of culture [Соглашение между правительством Латвийской Республики и правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере культуры], 2017, *Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas*, URL: <https://likumi.lv/ta/en/starptautiskie-ligumi/id/1741-agreement-between-the-government-of-the-republic-of-latvia-and-the-government-of-the-republic-of-china-on-the-cooperation-in-the-field> (дата обращения: 04.06.2025).

³ Agreement between the Government of the Republic of Latvia and the Government of the People's Republic of China on Cooperation in the field of Science and Technology [Соглашение между правительством Латвийской Республики и правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области науки и технологий], 2018, *Latvijas Republikas valdības un Ķīnas Tautas*, URL: <https://likumi.lv/ta/en/starptautiskie-ligumi/id/1784-agreement-between-the-government-of-the-republic-of-latvia-and-the-government-of-the-peoples-republic-of-china-on-cooperation-in-the> (дата обращения: 04.06.2025).

⁴ Latvijas Republika Saeima [Сейм Латвийской Республики], 2026, *Saeima*, URL: https://titania.saeima.lv/Personal/Deputati/Saeima14_DepWeb_Public.nsf/structureview?readform&type=DG1&lang=LV&count=1000 (дата обращения: 04.06.2025).

Таблица 1

Последние визиты латвийских официальных лиц в КНР (с 2017 г.)

Дата	Описание
13 ноября 2024 г.	Визит государственного секретаря Министерства иностранных дел Латвии А. Вийлумссона в Пекин; проведение двусторонних политических консультаций между министерствами иностранных дел Латвии и Китая
4—8 ноября 2019 г.	Визит министра экономики Латвии Р. Немиро в Китай; участие в открытии 2-й Международной выставки импортных товаров Китая в Шанхае и поездка в город Ухань
17—21 октября 2019 г.	Визит министра обороны Латвии А. Паabrikса в Китай; участие в форуме в Шанхае и открытии Международных военных спортивных игр
15—20 сентября 2018 г.	Рабочий визит президента Латвии Р. Вейониса в Китай; участие в саммите «Летний Давос» в Тяньцзине, организованном Всемирным экономическим форумом. Встречи с президентом Си Цзиньпином и премьер-министром Ли Кэцяном
23—31 августа 2018 г.	Визит группы депутатов Сейма, участвующих во взаимодействии с Народным собранием Китая, в рамках совместного визита парламентариев стран Балтии в Китай
7 июля 2018 г.	Двусторонняя встреча премьер-министра Латвии М. Кучинскиса с премьером Государственного совета Китая Ли Кэцянем в Софии (Болгария) в рамках 7-го саммита стран формата «16+1»
16—22 июня 2018 г.	Визит министра транспорта Латвии У. Аугулиса в Китай (Хайкоу, Ханчжоу, Пекин, Шэньчжэнь)
8—12 января 2018 г.	Визит спикера Сейма Латвии И. Мурниеце в Китай в рамках совместного визита председателей парламентов стран Северных и Балтийских восьми (NB8), в ходе которого состоялись встречи с президентом Китая Си Цзиньпином и председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжан Дэцзяном
27 ноября 2017 г.	Двусторонняя встреча премьер-министра Латвии М. Кучинскиса с премьером Государственного совета Китая Ли Кэцянем в Будапеште (Венгрия) в рамках 6-го саммита стран формата «16+1»

Составлено на основе данных с официального сайта Министерства иностранных дел Латвии¹.

Таблица 2

Последние визиты китайских официальных лиц в Латвию (с 2016 г.)

Дата	Описание
16 декабря 2019 г.	Визит министра культуры и туризма Китая в Латвию в рамках высокоуровневой Туристической конференции формата «17+1»
4—7 июля 2018 г.	Визит в Ригу Чжан Цинли, вице-председателя Национального комитета Всекитайской конференции народного политического консультативного совета (КНР)

¹ Latvijas Republikas un Ķīnas Tautas Republikas divpusējās attiecības [Двусторонние отношения между Латвийской Республикой и Китайской Народной Республикой], 2023, *Ārlietu ministrija*, URL: https://www.mfa.gov.lv/lv/latvijas-republikas-un-kinas-tautas-republikas-divpusejas-attiecibas?utm_source=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 04.06.2025).

Окончание табл. 2

Дата	Описание
7—8 сентября 2017 г.	Визит в Ригу Ма Бяо, вице-председателя Национального комитета Всекитайской конференции народного политического консультативного совета (КНР)
23—26 июля 2017 г.	Визит в Ригу Ма Сяовэя, заместителя министра Национальной комиссии здравоохранения Китайской Народной Республики
12—14 апреля 2017 г.	Официальный визит в Ригу Чжан Дэцзяня, председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей
4—6 ноября 2016 г.	Двусторонний официальный визит Ли Кэцзяна, премьера Государственного совета Китая, в Латвию 4 ноября 2016 г. и участие в 5-м саммите глав правительств стран Центральной и Восточной Европы и Китая (формат «16+1»), состоявшемся в Риге 5 ноября 2016 г.
13—14 октября 2016 г.	Визит Лю Хайсина, заместителя министра иностранных дел Китая и генерального секретаря Секретариата формата «16+1», в Ригу; участие во встрече национальных координаторов формата «16+1», а также проведение политических консультаций с государственным секретарем Министерства иностранных дел Латвии А. Пилдеговичем
28—30 мая 2016 г.	Рабочий визит Цзи Бинсюаня, вице-председателя Всекитайского собрания народных представителей, в Сейм в Риге
16—17 мая 2016 г.	Участие Дай Дунчана, заместителя министра транспорта Китая, в первом заседании министров транспорта стран формата «16+1», состоявшемся в Риге
17—20 февраля 2016 г.	Визит в Ригу Нин Цзижэ, вице-председателя Национальной комиссии по развитию и реформам (NDRC) Китая

Составлено на основе данных с официального сайта Министерства иностранных дел Латвии¹.

Китайско-латвийские отношения демонстрируют положительную динамику в различных сферах и характеризуются длительной историей взаимодействия, а также значительным потенциалом для дальнейшего развития. Вместе с тем, несмотря на заявленную готовность Китая сотрудничать на принципах равенства с любым государством и следовать принципу невмешательства во внутренние дела других стран, двусторонние отношения сопровождаются заметными напряжениями. Они во многом обусловлены недоверием Правительства Латвии в отношении взаимной политической и экономической выгоды сотрудничества. В подтверждение этого можно привести несколько примеров. Кроме того, конфликт между Россией и Украиной, начавшийся в 2022 г., мог послужить триггером ухудшения отношений между Китаем и Латвией на фоне растущей напряженности между Западом и Востоком.

Особое значение имеет тот факт, что в 2023 г. Сейм Латвии принял ключевой документ внешней политики — Национальную концепцию безопасности, в которой Китай упоминается 16 раз². Латвия определяет Китай как первоочередную угрозу —

¹ Latvijas Republikas un Ķīnas Tautas Republikas divpusējās attiecības [Двусторонние отношения между Латвийской Республикой и Китайской Народной Республикой], 2023, *Ārlietu ministrija*, URL: https://www.mfa.gov.lv/lv/latvijas-republikas-un-kinas-tautas-republikas-divpusejas-attiecibas?utm_source=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 04.06.2025).

² Par Nacionālās drošības koncepcijas apstiprināšanu [Концепции национальной безопасности], 2023, *Latvijas Vēstnesis*, URL: <https://www.vestnesis.lv/op/2023/189.1> (дата обращения: 04.06.2025).

на тактическом, стратегическом и системном уровнях. Согласно этому документу, «интересы Китая часто противоречат позиции Запада, основанной на универсальных ценностях и глобальной архитектуре безопасности»¹. Таким образом, Латвия позиционирует себя как часть западного мира, рассматривая своей обязанностью противодействие воспринимаемой «иллюзорной угрозе» со стороны Китая на ценностном уровне, особенно в противовес альтернативным моделям глобального порядка. Более того, с точки зрения правительства Латвии Китай — несмотря на формально сбалансированный подход во внешней политике — остается военным и стратегическим партнером России, что способствует его классификации как недружественного государства по отношению к Латвии: «Совместные российско-китайские военные учения являются частью стратегического партнерства и сближения двух стран, направленного против западных государств и включающего совместное позиционирование с Россией, в том числе по вопросам глобальной безопасности»²; «количество кибератак, исходящих с территории Китая, растет в Латвии»³. Следует также отметить, что Латвия предложила и реализовала практические меры по контролю китайских инвестиций в национальную экономику: «Необходимо продолжать работу в государственных и частных секторах для снижения стратегической зависимости и уязвимости, в том числе посредством тщательной оценки китайских инвестиций во всех секторах экономики»⁴.

Анализ новой Национальной концепции безопасности Латвии, в которой Китай обозначен как первоочередная геополитическая угроза, помогает понять причины охлаждения двусторонних отношений. В 2023 г. произошло еще одно событие, которое усилило напряженность во взаимодействии двух стран. Китайский посол во Франции Лу Шай в интервью французскому телеканалу LCI заявил: «Согласно международному праву, эти бывшие советские государства не обладают действительным статусом, поскольку нет международного соглашения, предоставляющего им статус суверенных государств»⁵. Подобные высказывания официальных представителей, затрагивающие вопросы национального суверенитета, являются прямым свидетельством видимого ухудшения двусторонних отношений. Более того, в 2024 г. ситуация еще более осложнилась, когда группа латвийских парламентариев, посетивших Китай, была обвинена в коррупции, поскольку визит финансировался принимающей стороной⁶.

Сотрудничество между Китайской Народной Республикой и Латвией осуществляется как на двусторонней основе, так и в рамках более широких многосторонних форматов, таких как China + и различные международные форумы.

¹ Par Nacionālās drošības koncepcijas apstiprināšanu [Концепции национальной безопасности], 2023, *Latvijas Vēstnesis*, URL: <https://www.vestnesis.lv/op/2023/189.1> (дата обращения: 04.06.2025).

² Par Nacionālās drošības koncepcijas apstiprināšanu [Концепции национальной безопасности], 2023, *Latvijas Vēstnesis*, URL: <https://www.vestnesis.lv/op/2023/189.1> (дата обращения: 04.06.2025).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Chinese Ambassador to France Sparks Controversy Over Unresolved Sovereignty of Former Soviet States; Ukraine and Baltic Three Express Dissatisfaction [Посол Китая во Франции вызвал спор вокруг нерешенного статуса суверенитета бывших советских республик; Украина и три прибалтийские страны выразили недовольство], *Hong Kong 01*, 2023, 23.04.2023, URL: https://www.hk01.com/article/890690?utm_source=01articlecopy&utm_medium=referral (дата обращения: 06.06.2025).

⁶ Скандал с Поднебесной: Латвия впала в антикитайский психоз, 2024, *RuBaltic.ru*, 09.02.2024, URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20240208-skandal-s-podnebesnoy-latviya-vpala-v-antikitskiy-psikhoz/> (дата обращения: 06.06.2025).

В целом такой региональный подход к сотрудничеству не является новым для китайской внешней политики. Примером служит модель китайско-африканского взаимодействия. Наиболее активное развитие этого типа отношений началось в 2010-е гг. Ретроспективно первая половина 2010-х гг. стала одним из наиболее продуктивных периодов для европейско-китайских отношений. В этот период Европейский союз искал новые возможности для экономического роста, осознавая потенциал диверсификации внешних связей после экономического кризиса, тогда как КНР стремилась найти новые рынки для освоения накопленного капитала и рабочей силы¹. Данный формат способствовал стимулированию экономического сотрудничества между европейскими странами и Китаем без навязывания политических условий. Интересно, что в отчете Европейского парламента о деятельности группы «16+1» делается вывод о наличии положительной корреляции между уровнем евроскептицизма в стране — члене ЕС и масштабами ее сотрудничества с Китаем². Для ЕС возможность прямого взаимодействия отдельных государств-членов с КНР рассматривается как усиление их экономической и политической автономии, что в конечном счете может негативно сказаться на сплоченности Союза в целом.

Латвия присоединилась к этому формату в 2016 г. с подписанием Рижской декларации на саммите «16+1», целью которой было содействие развитию портов, автомобильных и железных дорог, а также логистических узлов в рамках инициативы «Адриатико-Балтийско-Черноморское портовое сотрудничество»³. Это способствовало интересам обеих сторон, облегчая торговлю между ЕС и Китаем, а также привлекая китайские инвестиции в инфраструктуру стран Балтии. В плане действий, принятом после того же рижского саммита, участники договорились «приветствовать участие Латвии в создании Секретариата по логистическому сотрудничеству между Китаем и странами ЦВЕ в Риге»⁴. Таким образом, Латвия взяла на себя важную роль координатора при реализации логистических проектов между Китаем и странами Восточной Европы.

Активная начальная фаза сотрудничества КНР и Латвии в формате «16+1» породила определенный оптимизм, однако к концу 2022 г. Эстония и Латвия объявили о выходе из данного формата, сославшись на опасения чрезмерного влияния Китая на их экономики⁵. Ранее Литва вышла из формата «17+1» (переименованного после присоединения Греции в 2019 г.) в 2021 г. Решение Латвии может объясняться несколькими причинами, исходя из комментариев представителей страны. Представитель Министерства иностранных дел Латвии заявил: «Латвия

¹ China and Europe: What Was It? The Rise and Crumbling of the '16+1' Format [Китай и Европа: что это было? Возвышение и распад формата «16+1»], 2022, *Russian international affairs council*, URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/china-and-europe-what-was-it-the-rise-and-crumbling-of-the-16-1-format/> (дата обращения: 11.06.2025).

² China, the 16+1 format and the EU 2018 [Китай, формат «16+1» и ЕС, 2018 год], 2018, *Think Tank European Parliament*, URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2018\)625173](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2018)625173) (дата обращения: 06.06.2025).

³ Riga Declaration, 2016 [Рижская декларация, 2016 год], 2016, *Cooperation between China and Central and Eastern European Countries*, URL: http://www.china-ceec.org/eng/zywj/ldrhhc-gwj/202112/t20211222_10474160.htm (дата обращения: 06.06.2025).

⁴ Riga Guidelines, 2016 [Рижская декларация, 2016 год], 2016, *Cooperation between China and Central and Eastern European Countries*, URL: http://www.china-ceec.org/eng/zywj/ldrhhc-gwj/202112/t20211222_10474162.htm (дата обращения: 06.06.2025).

⁵ Estonia, Latvia withdrawing from China's 16+1 cooperation format [Эстония и Латвия выходят из формата сотрудничества Китая «16+1»], 2022, *ERR News*, 11.08.2022, URL: <https://news.err.ee/1608682231/estonia-latvia-withdrawing-from-china-s-16-1-cooperation-format> (дата обращения: 11.06.2025).

будет продолжать стремиться к конструктивным и прагматичным отношениям с Китаем как на двусторонней основе, так и через сотрудничество ЕС — Китай, построенное на взаимной выгоде, уважении международного права, прав человека и международного порядка, основанного на правилах»¹. Эта формулировка важна тем, что подчеркивает роль ЕС в качестве внешнего политического представителя Латвии, демонстрируя готовность страны делегировать часть своего суверенитета на наднациональный уровень. По мнению исследовательницы Ю. Мельниковой, «по объему товарооборота показатели Латвии, Литвы и Эстонии также были достаточно скромными, что означало, что они могли позволить себе заработать политические очки, выйдя из формата, не рискуя экономическими потерями» [40].

Вероятно, текущий приоритет внешней политики Латвии заключается в позиционировании страны как неотъемлемой части европейского сообщества, что во многом обусловлено опасениями по поводу так называемой «русской угрозы». Более того, современный геополитический контекст, сформированный проблемами европейской безопасности, вынуждает малые государства искать поддержку у союзников из Западной Европы. Более жесткая позиция в отношении Китая коррелирует с позициями руководства ЕС и США скорее, чем сбалансированный подход, основанный на национальных интересах. Поэтому неудивительно, что именно три страны Балтии демонстративно прекратили прямое сотрудничество с КНР в рамках формата «17+1», сигнализируя о своей лояльности к центральной власти ЕС и считывая на дополнительное влияние среди западных партнеров.

Экономический аспект латвийско-китайских отношений за последнее десятилетие (2014 — 2024)

В настоящем исследовании предлагается оценить экономические отношения между Китаем и Латвией с использованием нескольких ключевых показателей. Во-первых, анализируется торговый баланс между двумя странами за последние десять лет. Во-вторых, сравниваются объемы экспорта и импорта китайских компаний с показателями основных торговых партнеров Латвии. В-третьих, исследуются данные о прямых иностранных инвестициях (FDI) Китая в Латвию за тот же период. Такой подход позволяет оценить значимость китайского экономического присутствия в Латвии, а также степень зависимости страны от китайских инвестиций.

В целом Китай занимает значимую, но не доминирующую позицию в экономике Латвии. Согласно данным издания 2023 г. Atlas of Economic Complexity, на долю Китая приходилось лишь 1,14 % от общего объема латвийского экспорта. В структуре импорта доля Китая была заметно выше и составила 3,82 %². Для сравнения, даже по отношению к России, которую Латвия определяет как недружественное государство, эти показатели составляли 6,50 % в экспорте и 2,53 % в импорте. По общему объему импорта за последние десять лет Китай занимает лишь седьмое

¹ Estonia, Latvia withdrawing from China's 16+1 cooperation format [Эстония и Латвия выходят из формата сотрудничества Китая «16+1»], 2022, *ERR News*, 11.08.2022, URL: <https://news.err.ee/1608682231/estonia-latvia-withdrawing-from-china-s-16-1-cooperation-format> (дата обращения: 11.06.2025).

² Atlas of economic complexity [Атлас экономической комплексности], 2024, URL: <https://atlas.hks.harvard.edu/explore/geomap?exporter=group-1&importer=country-428> (дата обращения: 12.06.2025).

место. За тот же период, согласно статистике, Китай даже не входит в число десяти крупнейших экспортных направлений Латвии. Более подробная количественная информация представлена в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Крупнейшие партнеры Латвии по импорту (2014—2024)

Страна	Импорт, евро
Литва	4 480 310 867
Германия	2 527 940 649
Польша	2 436 161 431
Эстония	1 871 962 673
Финляндия	1 211 708 663
Нидерланды	1 039 559 366
Китай	831 064 174
Италия	757 004 981
Швеция	711 635 956
Бельгия	457 200 527

Составлено на основе данных с официального сайта Министерства торговли Латвии¹.

Таблица 4

Крупнейшие партнеры Латвии по экспорту (2014—2024)

Страна	Экспорт, евро
Литва	3 392 611 508
Эстония	2 200 447 308
Германия	1 219 448 672
Швеция	1 040 722 439
Россия	1 037 863 379
Великобритания	995 337 286
Польша	858 472 532
Дания	801 905 338
Нидерланды	621 212 567
Финляндия	556 703 866

Составлено на основе данных с официального сайта Министерства торговли Латвии².

Рисунок 1 иллюстрирует динамику торгового оборота между Китаем и Латвией, а также сопоставление объемов экспорта и импорта за последние десять лет. График наглядно демонстрирует, что доля китайского импорта значительно превышает объем экспорта на протяжении всего периода наблюдения. В то время как экспорт Латвии в Китай оставался относительно стабильным в течение последнего десятилетия, доля импорта из Китая постепенно увеличивалась с 2016 г. — года вступления Латвии в формат «16 + 1». Основные экспортные позиции Латвии включают древесину и минеральную продукцию, тогда как ключевыми статьями импорта из Китая являются машины, механическое оборудование и электротехнические изделия. Таким образом, Китай фактически обменивает высокотехнологичную продукцию на сырье.

¹ Latvijas tirdzniecība pēc valsts [Внешняя торговля Латвии по странам], 2024, *Latvijas ārējā tirdzniecība*, URL: <https://eksports.csb.gov.lv/lv/years/countries/import/2014-2025-2024> (дата обращения: 06.06.2025).
² Latvijas tirdzniecība pēc valsts [Внешняя торговля Латвии по странам], 2024, *Latvijas ārējā tirdzniecība*, URL: <https://eksports.csb.gov.lv/lv/years/countries/import/2014-2025-2024> (дата обращения: 06.06.2025).

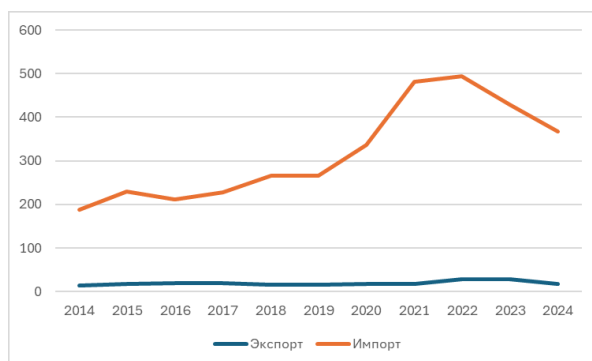

Рис. 1. Торговля Латвии с Китаем (2014—2024), млн долл. США

Составлено на основе данных с официального сайта Министерства торговли Латвии¹.

Наконец, важным показателем экономического присутствия Китая в Латвии является уровень прямых иностранных инвестиций (FDI). Как показано на рисунке 2, риторика латвийской политической элиты относительно чрезмерного китайского экономического влияния представляется сильно преувеличенной. Фактически соседние страны играют гораздо более значимую роль и оказывают большее политическое и экономическое воздействие на Латвию. В частности, даже в 2021 г. — наиболее успешном для Китая с точки зрения инвестиций — прямые инвестиции КНР в Латвию составили всего 104 млн евро, что в 13 раз меньше инвестиций Германии и в 18 раз меньше инвестиций России. В этом контексте позиции некоторых исследователей, рассматривающих концепцию «китайской угрозы» как форму политической охоты на ведьм, представляются обоснованными. Данные свидетельствуют о том, что даже на пике двустороннего экономического взаимодействия Китай занимал лишь второстепенное место в экономике Латвии.

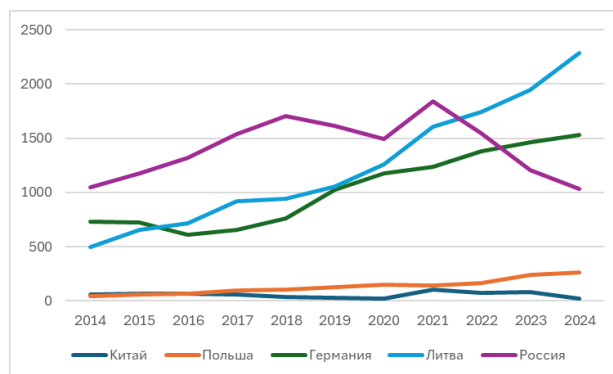

Рис. 2. Страны-инвесторы Латвии (2014—2024), млн евро

Составлено на основе данных с официального сайта Банка Латвии².

¹ Latvijas ārējā tirdzniecība pēc valsts [Внешняя торговля Латвии по странам], 2024, *Latvijas ārējā tirdzniecība*, URL: <https://eksports.csb.gov.lv/lv/years/countries-selected/import/2024/TOTAL-XVI/CN> (дата обращения: 06.06.2025).

² Statistikas Datubāze [Статистическая база данных], 2025, *Latvijas Banka*, URL: <https://statdb.bank.lv/lb/Data/128/f81072350e77ab0172acdbe4a2af7e42.html> (дата обращения: 07.06.2025).

Заключение

Пример отношений между Китаем и Латвией, рассмотренный в парадигме неореализма, представляет почти идеальную модель «отдаленного» взаимодействия великой державы и малой страны, не связанных между собой исторически, политически или географически. В такого рода взаимодействиях решающую роль играют не свободный рациональный выбор двух государств, а категорические геополитические императивы, формируемые внешней международной средой.

Несомненно, принцип суверенного равенства государств лежит в основе современного международного права и формально определяет двусторонние отношения между странами. Однако теоретические подходы к взаимодействию малых и великих держав, предложенные неолиберализмом и конструктивизмом, представляются применимыми преимущественно в однополярном мире, управляемом глобальными механизмами из единого центра принятия решений.

Политический неореализм, напротив, исходит из существования фактического неравенства государств, которые различаются не только по численности населения, территории, экономическим и военным возможностям, но и по ролям в международных институтах и глобальной политике. Государства с крайне неравными ресурсами сосуществуют и взаимодействуют друг с другом даже на значительном расстоянии. Отношения между КНР и Латвией являются ярким эмпирическим примером такого взаимодействия. Основная историческая и географическая связь между этими странами заключается в их общем соседстве с Россией. Этот фактор — вместе с отношениями в рамках четырехстороннего формата Китай — Россия — ЕС — США — играет ключевую роль в формировании системы трансконтинентального евразийского взаимодействия, в которой Латвия участвует независимо от собственных интересов.

Каковы же интересы Китая и Латвии в развитии двустороннего сотрудничества? Китай заинтересован в расширении взаимовыгодного экономического и политического сотрудничества с ЕС, особенно на фоне стратегического соперничества с США. Латвия является членом ЕС, однако не обладает значительным политическим влиянием на формирование скоординированных внешнеполитических решений в рамках Союза. Более того, в отличие, например, от Венгрии, Латвия в нынешнем геополитическом контексте, опираясь на поддержку более сильных союзников, позиционирует себя как государство, активно способствующее эскалации противостояния Запада и Востока. Такая позиция усложняет использование Латвией Китаем в качестве транзитной территории для перевозки китайских товаров через Россию в ЕС.

Данный транзит имел большое значение для Китая, который в одном из ключевых внешнеполитических документов — *A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions* — определяет в числе общих целей развитие гармоничных отношений со «всеми странами, как ведущими мировыми державами, так и малыми государствами, на принципах равенства и взаимного уважения».¹ Эта концепция сопровождается развитием диверсифицированного «континентально-океанического» транспортно-логистического измерения, акцентирующего приоритет наземных геоэкономических взаимодействий [41, с. 41]. Однако поскольку Латвия явно не является единственным возможным коридором, связывающим Азиатско-

¹ Full Text: *A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions* [Полный текст: «Глобальное сообщество с общим будущим: предложения и действия Китая»], 2023, *The State Council of the People's Republic of China*, URL: https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html (дата обращения: 01.06.2025).

Тихоокеанский регион с Западной Европой, усиление геополитических напряжений среди великих держав предсказуемо привело к снижению значимости Латвии в китайской внешней политике.

Что касается интересов Латвии, ее очевидный экономический интерес в торговле с Китаем и привлечении китайских инвестиций не может реализовываться вопреки общей политике ведущих европейских держав, определяющих курс ЕС. Кроме того, учитывая роль Латвии как активного сторонника всестороннего противостояния Запада и России, Китай воспринимается в Латвии как потенциальный союзник России. С точки зрения политического реализма поведение Латвии выглядит логично: как малое государство, преследующее свои интересы в Европе и опирающееся на экономическую, политическую и военную поддержку ЕС и НАТО, Латвия естественным образом принимает роль второстепенного актора, выравняваясь по близким великим державам, географически, культурно и цивилизационно аффилированным и следуя сходным экономическим принципам в организации своих систем.

Таким образом, на современном этапе обостренного противостояния великих держав Китай и Латвия сосуществуют параллельно, занимая разные позиции в глобальной политической системе. В то время как Китай продолжает косвенно влиять на Латвию через товары, сотрудничество с ЕС и иные каналы, Латвия не оказывает взаимного влияния на Китай. Вероятно, будущий формат отношений ЕС — КНР будет определяться не в Риге, а любое возможное возобновление китайского транзита в Европу через Латвию будет зависеть прежде всего от политики России и ее отношений с ЕС. Перспективы динамичного развития отношений Китая и Латвии существуют лишь в рамках единого европейского пространства — то есть в случае восстановления прагматичных, взаимовыгодных отношений между Латвией и Россией в частности и между Россией и ЕС в целом.

Следовательно, возрастают сомнения в утверждении о том, что «ряд реалистических подходов — особенно касающихся роли и положения средних и малых государств — морально устарел и не отражает современную реальность» [10, с. 347]. Динамика отношений Китая и Латвии полностью определяется текущей стадией развития международной системы и современным геополитическим контекстом, что подтверждает объяснительную силу политического реализма. У Латвии отсутствуют ресурсы, необходимые для самостоятельного принятия внешнеполитических решений, и международную систему следует рассматривать не как горизонтальную, эгалитарную сеть, а как вертикальную, иерархическую структуру. Более того, современные геополитические условия все больше напоминают динамику противостояния, характерную для эпохи Холодной войны. Как отмечают Н. В. Каледин и А. Б. Елацков, «современное биполярное геополитическое сообщество — конфронтационный балтийский геополитический регион — де-факто состоит из участников с различными геополитическими траекториями, деля регион на два геополитических субрегиона: “Балтийско-евроатлантический” и “Балтийско-евразийский”» [42, с. 154]. Ранее многообещающие и активно развивавшиеся связи между Китаем и Латвией, наблюдавшиеся в течение последнего десятилетия, в настоящее время сведены к минимальной дипломатической представленности с ограниченной возможностью планирования или реализации долгосрочных взаимовыгодных проектов.

Латвия никогда не была ключевым экономическим партнером Китая, так же как Китай никогда не занимал такую позицию для Латвии. Тем не менее очевидно, что сотрудничество в различных сферах могло бы принести ощутимые выгоды обеим сторонам. Отказываясь от экономических преимуществ в пользу выравнивания

своей позиции с ведущими партнерами в ЕС и НАТО, Латвия фактически уступает значительную часть своего суверенитета в обмен на потенциальные гарантии безопасности. Несмотря на это, учитывая продолжение дипломатических консультаций и развитие культурных связей, будущее двусторонних отношений по-прежнему может рассматриваться с осторожным оптимизмом, поскольку Китай остается открытым к диалогу со всеми странами.

Список литературы / References

1. Muhindo M., Calenzo, G. 2011, Neorealism and International Subsystems of Small States, *Academic Interdisciplinary Political Studies*, vol. 2, № 1, p. 148—160, <https://doi.org/10.1285/i20398573v1n2p148>
2. Archer, C., Bailes, A. J. K., Wivel, A. (eds.). 2014, *Small States and International Security*, <https://doi.org/10.4324/9781315798042>
3. Crowards, T. 2002, Defining the Category of «Small' States», *Journal of International Development*, vol. 14, № 2, p. 143—179, <https://doi.org/10.1002/jid.860>
4. Hey, J. A. K. 2003, 1. Introducing Small State Foreign Policy, in: Hey, J. A. K. (ed.), *Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior*, <https://doi.org/10.1515/9781685853372-002>
5. Neumann, I. B. 2006, Introduction. Lilliputians in Gulliver's world, in: *Small states in international relations*, Igebritsen, C., Neumann, I. B., Gstohl, S., Beyer, J., Reykjavik, University of Iceland Press.
6. Vital, D. 1967, *The inequality of states: a study of the small power in international relations*, Oxford, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1515/9780295802107-004>
7. East, M. A. 1973, Size and foreign policy behavior: a test of two models, *World Politics*, vol. 25, № 4, p. 556—576, <https://doi.org/10.2307/2009952>
8. Новикова, И. Н. 2022, Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 15, № 3, с. 219—242, EDN: EHMKUH, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
- Novikova, I. 2022, Small states in international relations: Some theoretical aspects, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, № 3, p. 219—242 (in Russ.), <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
9. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2019, Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 181—191, EDN: BMRHBG, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.13>
- Zverev, Y. M., Mezhevich, N. M. 2019, Approaches to the typology of european small countries (Case of Estonia, Latvia, Lithuania), *Polis: Political Studies*, № 5, p. 181—191, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.13>
10. Аитов, М. 2025, О роли малых стран в теории международных отношений (на примере Катара), *Общество и инновации*, т. 6, № 1, с. 344—352, <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss1-pp344-352>
- Aitov, M. 2025, The Role of Small States in International Relations Theory: The Case of Qatar, *The interdisciplinary electronic scientific journal "Society and Innovations"*, vol. 6, № 1, p. 344—352, <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss1-pp344-352>
11. Смирнов, В. А. 2017, К вопросу о теоретических аспектах изучения политических элит малых государств, *Вестник МГИМО*, № 2, с. 254—265, EDN: YZHWZB, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-254-265>
- Smirnov, V. A. 2017, Theoretical Aspects of Political Elite In Small States, *MGIMO Review of International Relations*, № 2, p. 254—265 (in Russ.), <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-254-265>
12. Песцов, С. К. 2016, Малые государства в системе современных международных отношений: стратегия Сингапура, *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*, т. 18, № 3, с. 24—38, EDN: XVSCHX

Pestsov, S. K. 2016, Small states in the system of modern international relations: strategy of Singapore, *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, vol. 18, № 3, p. 24—38 (in Russ.), EDN: XVSCHX

13. Слука, Н. А., Коробков, А. В. Иванов, П. Н. 2018, Китайская диаспора в странах ЕС, *Балтийский регион*, т. 10, № 3, с. 80—95, EDN: YAACBF, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-5>

Sluka, N. A., Korobkov, A. V., Ivanov, P. N. 2018, The Chinese diaspora in the Eu countries, *Baltic Region*, vol. 10, № 3, p. 80—95, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-5>

14. Гузенкова, Т. С., Карпов, М. В. 2013, *Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая*, Москва, Российский институт стратегических исследований (РИСИ)).

Guzenkova, T. S., Karpov, M. V. 2013, *CIS and Baltic countries in China's global policy*, Moscow, Russian Institute for Strategic Studies (RISI) (in Russ.).

15. Чихачев, А. Ю. 2023, Стратегия Франции в регионе Балтийского моря: военно-политические аспекты 2023, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 4—17, EDN: NBIOHY, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>

Chikhachev, A. Y. 2023, France's strategy in the Baltic Sea region: military and political aspects, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 4—17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>

16. Трунов, П. О. 2024, Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 61—80, EDN: JHXFDT, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>

Trunov, Ph. O. 2024, Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 61—80, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>

17. Шамахов, В. А., Межевич, Н. М., Го, Ш. 2021, Некоторые замечания к оценке потенциальной роли транзита из КНР через государства Прибалтики, *Управленческое консультирование*, № 12, с. 10—16, EDN: MNJJES, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-12-10-16>

Shamakhov, V. A., Mezhevich, N. M., Guo, S. 2021, Some Comments on the Assessment of the Potential Role of Transit from China through the Baltic States, *Administrative Consulting*, vol. 12, p. 10—16 (in Russ.), <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-12-10-16>

18. Варнавский, В. Г. 2024, Структурные сдвиги во внешней торговле стран Балтии, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 51—71, EDN: DKRLKY, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-3>

Varnavskii, V. G. 2024, Structural shifts in the Baltic states' foreign trade, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 51—71, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-3>

19. Худoley, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 7—25, EDN: VOFDRT, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>

Khudoley, K. K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Baltic Region*, vol. 8, № 1, p. 7—25, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>

20. Межевич, Н. М., Сазанович, Л. С. 2013, Современные проблемы российско-латвийских отношений, *Балтийский регион*, № 3, с. 93—106, EDN: RAEONH, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2013-3-7>

Mezhevich, N. M., Sazanovich, L. S. 2013, Current problems in Russian—Latvian relations, *Baltic Region*, № 3, p. 93—106, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-3-7>

21. Зверев, Ю. М. 2023, Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 24—41, EDN: HOTSGX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>

Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic Regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 24-41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>

22. Ланко, Д. А., Долженкова, Е. 2015, Латвия в территориальной системе европейской безопасности: взгляд изнутри и извне, *Балтийский регион*, № 1, с. 73—88, EDN: TTUBLJ, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-1-4>

Lanko, D. A., Dolzhenkova, E. 2015, Latvia in the system of European territorial security: a view from the inside and outside, *Baltic Region*, № 1, p. 56—66, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-1-4>

23. Вивтоненко, С. В. 2008, Латвия и НАТО: интеграция и сотрудничество, *Вестник Военного университета*, № 3, с. 76—84, EDN: JNTOIR

Vivtonenko, S. V. 2008, Latvia and NATO: integration and cooperation, *Bulletin of the Military University*, № 3, p. 76—84 (in Russ.), EDN: JNTOIR

24. Поспелова, Е. А. 2018, Европейский вектор внешней политики Латвии, *Постсоветские исследования*, т. 1, № 1, с. 119—126, EDN: XRPPMT, <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00023>

Pospelova, E. A. European vector of Latvian foreign policy, *Post-Soviet Studies*, vol. 1, № 1, p. 119—126 (in Russ.), <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00023>

25. Виноградов, А. О., Данилюк, С. А. 2023, Отношения КНР с тремя прибалтийскими странами: Эстонией, Латвией и Литвой в контексте китайско-европейских отношений, *China in Global and Regional Politics. История и современность*, № 28, с. 57—76, EDN: QMZTER, <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.23.67.006>

Vinogradov, A. O., Danilyuk, S. A. 2023, China's relations with the three Baltic States — Estonia, Latvia and Lithuania — in the context of Sino-European relations, *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*, № 28, p. 57—76 (in Russ.), <https://doi.org/10.48647/icca.2023.23.67.006>

26. Володькин, А. А., Цзе, С. 2021, Развитие двусторонних отношений Эстонии, Латвии и Литвы с Китаем в 1991—1918 гг., *Журнал международного права и международных отношений*, № 2, с. 28—37, EDN: YTLFGD

Valodzkin, A. A., Jie, X. 2021, «Development of Bilateral Relations of Estonia, Latvia and Lithuania with China in 1991—2018», *Journal of International Law and International Relations*, № 2, p. 28—37.

27. Худолей, К. К. 2019, «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии, *Балтийский регион*, т. 11, № 3, EDN: WLMLMM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>

Khudoley, K. K. 2019, The “cool war” in the Baltic Sea region: consequences and future scenarios, *Baltic Region*, vol. 11, № 3, p. 4—24, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>

28. Цвык, А. В. 2019, «Один пояс, один путь»: взгляд из Европы, *Современная Европа*, № 1, с. 104—112, EDN: MPNXFZ, <https://doi.org/10.15211/soveurope12019104112>

Tsvyk, A. V. 2019, The “Belt and Road” initiative: A view from Europe, *Sovremennaya Evropa*, № 1, p. 104—112, <https://doi.org/10.15211/soveurope12019104112>

29. Межевич, Н. М. 2014, Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010—2014 годов, *Балтийский регион*, № 1, с. 7—28, EDN: RWWSHX, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-1>

Mezhevich, N. M. 2014, Major infrastructure projects and the foreign policy of the Baltic states in 2010—2014, *Baltic Region*, № 1, p. 4—2, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-1-1>

30. Виноградов, И. С. 2022, КНР и страны Балтии. Проблемы сотрудничества, *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее*, с. 71—81, EDN: HDHPLA, <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.32.41.032>

Vinogradov, I. S. 2022, China and the Baltic countries, *Cooperation problems, East Asia: Past, Present and Future*, p. 71—81, <https://doi.org/10.48647/icca.2022.32.41.032>

31. Голубкин, А. В., Яковлев, А. А. 2018, Экономические механизмы проникновения Китайской Народной Республики в постсоветские страны Балтийского региона, *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, т. 8, № 8А, с. 284—297.

Golubkin, A. V., Yakovlev, A. A. 2018, Economic mechanisms of the penetration of the people's republic of China into the Post-Soviet countries of the Baltic Region, *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 8, № 8А, p. 284—297, EDN: YTHDVJ

32. 苑生龙. 拉脱维亚总体形势及中拉共建“一带一路”的前景与建议[J]. 中国经贸导刊 [Yuan Shenglong. 2015, The overall situation in Latvia and the prospects and suggestions for China-Latin America to jointly build the “Belt and Road”], *China Economic and Trade Guide*, № 27, p. 54—56 (in Chinese), CNKI:SUN:ZJMD.0.2015-27-038
33. 穆重怀, 宋殿娇. “一带一路”倡议中的中国与拉脱维亚. 侨园 [Mu Chonghuai, Song Dianjiao 2018, China and Latvia in the “Belt and Road” Initiative], *Qiaoyuan*, № 7, p. 8—10 (in Chinese), CNKI:SUN:QYZZ.0.2018-07-004
34. 苏安娜. 中国和拉脱维亚文化合作与发展: 2001—2011. 浙江大学, 2012. [Su Anna 2012, Cultural cooperation and development between China and Latvia: 2001—2011], Zhejiang University (in Chinese). CNKI:SUN:QYZZ.0.2018-07-004
35. 赵莎. 2020年1~7月中国与拉脱维亚双边贸易情况[J]. 中国海关 [Zhao Sha 2020, Bilateral trade between China and Latvia from January to July 2020], *China Customs*, № 9, p. 62 (in Chinese), CNKI:SUN:ZGHG.0.2020-09-037
36. Sarkar, B. 2024, *The Baltics and China: Changing Equations*, in: Sarkar, B. (eds.), *The Baltics in a Changing Europe*, Singapore, Palgrave Macmillan, EDN: IIVDM, https://doi.org/10.1007/978-981-97-5890-6_9
37. Andžāns, M., Bērziņa-Čerenkova, U. A., Kante, J., Mačikēnaitė, V., Mikelsaar, A. 2022, *China in the Baltic States — from a Cause of Hope to Anxiety*, Riga, Rīga Stradiņš University.
38. Andrijauskas, K. 2021, The Chinese Factor in the Baltic States’ Security, *Journal on Baltic Security*, № 7, p. 15—25, <https://doi.org/10.2478/jobs-2021-0005>
39. Scott, D. 2018, China and the Baltic States: strategic challenges and security dilemmas for Lithuania, Latvia and Estonia, *Journal on Baltic Security*, № 4, p. 25—37, <https://doi.org/10.2478/jobs-2018-0001>
40. Melnikova J. 2023, China and Europe: What Was It? The Rise and Crumbling of the ‘16 + 1’ Format, *Russian international affairs council*.
41. Дружинин, А. Г., Дун, Я. 2018, «Один пояс — один путь»: возможности для регионов западного побережья России, Балтийский регион, т. 10, № 2, с. 39—55, EDN: XSFRJ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-3>
- Druzhinin, A. G., Dong, Y. 2018, One Belt — One Road Initiative: A Window of Opportunity for Russia’s Western Border Regions, *Baltic Region*, vol. 10, № 2, p. 39—55, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-3>
42. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, Балтийский регион, т. 16, № 1, с. 141—158, EDN: JPXTXQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
- Kaledin, N. V., Elatskov, A. B. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 141-158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>

Об авторах

Сергей Игоревич Чернов, аспирант, факультет свободных искусств, Шанхайский университет, Китай.

<https://orcid.org/0009-0000-1261-3283>

E-mail: sergei@shu.edu.cn

И Лю, доктор исторических наук, профессор, факультет свободных искусств, Шанхайский университет, Китай.

E-mail: liuyi1980@shu.edu.cn

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

BILATERAL RELATIONS BETWEEN CHINA AND LATVIA IN THE CONTEXT OF GLOBAL GEOPOLITICAL CHANGES: FREEDOM OF CHOICE OR GEOPOLITICAL IMPERATIVES?

S. I. Chernov
Yi. Liu

Shanghai University, Liberal Arts Department,
99 Shangda Road, Shanghai, China, 200444

Received 18 March 2025
Accepted 25 December 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-6
© Chernov S. I., Liu Yi., 2026

This article examines the dynamics of bilateral relations between the People's Republic of China and the Republic of Latvia. Drawing upon established theoretical models, it identifies the key factors shaping these interactions and thereby provides a basis for projecting their probable development in the coming years within the evolving global order. Particular attention is devoted to the paradigm of interaction between great powers and small states that are not historically, politically, or geographically connected. The primary objective of this study is to assess the explanatory value of selected theoretical frameworks for analyzing a highly asymmetric and geographically distant bilateral relationship, exemplified by Sino–Latvian relations. The authors conclude that the development of relations between Latvia and China is entirely determined by the current stage of evolution of the international system and its contemporary geopolitical context, which reaffirms the validity of political realism theory.

Keywords:

China's foreign policy, Latvia's foreign policy, small states, political realism

The authors

Sergei I. Chernov, PhD Student, Faculty of Liberal Arts, Shanghai University, China.

<https://orcid.org/0009-0000-1261-3283>

Email: sergei@shu.edu.cn

Dr Yi Liu, Professor, Faculty of Liberal Arts, Shanghai University, China.

E-mail: liuyi1980@shu.edu.cn

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

AWBMQG

ОЦЕНКА ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

В. И. Белов^{1, 2}

¹ Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС,
199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний проспект В. О., 57/43

² Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин,
Петербургское шоссе, 10, лит. А

Поступила в редакцию 02.02.2024 г.

Принята к публикации 28.11.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-7

© Белов В. И., 2026

В современных условиях повышение энергоэффективности региональных экономик, связанное со снижением энергопотребления хозяйствующими субъектами и населением, выступает императивом их экологизации. Принятые в России правовые регламенты устанавливают конкретные сроки по достижению целевых параметров устойчивого развития. В этой связи цель исследования — посредством оценки текущего состояния энергоэффективности субъектов Российской Федерации определить перспективы (к 2030 г.) достижения целевых показателей российскими регионами в области декарбонизации и устойчивого развития региональных экономик. Применяемая автором методика, состоящая из нескольких этапов, основывается на расчете темпов роста релевантных показателей энергоэффективности за период 2016—2022 гг. и их экстраполяции на будущий период — к 2030 г. Полученные результаты свидетельствуют о том, что немногие российские регионы к обозначенному сроку способны выполнить поставленные целевые задачи. Причины такого прогнозируемого невыполнения настолько разнообразны, насколько различны сами регионы. Однако, как показывает анализ полученных данных, общим для большинства регионов России выступает то обстоятельство, что темпы роста по снижению энергоемкости промышленности, энергопотребления субъектами экономики и выбросов загрязняющих в атмосферу веществ являются явно недостаточными. В свою очередь, это означает, что региональным органам власти с учетом специфики и особенностей развития субъектов РФ следует проводить активную региональную политику, инструменты реализации которой должны сопрягаться со всеми составляющими устойчивого развития. Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные предварительные оценки энергоэффективности регионов не только актуализируют проявляющиеся «энергетические» проблемы, но и позволяют органам региональной

Для цитирования: Белов, В. И. 2026, Оценка энергоэффективности регионов России в контексте декарбонизации экономики и устойчивого развития территорий, *Балтийский регион*, т. 18, № 1, с. 117—133, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-7

власти на базе их выявления принимать конгруэнтные и своевременные решения в целях достижения поставленных руководством страны имманентных задач в области устойчивого развития.

Ключевые слова:

экологизация экономики, энергопотребление, энергоемкость, энергопотери, выбросы в атмосферу, отрасли промышленности

Введение

Постановлением Правительства Российской Федерации¹ 21 сентября 2019 г. Россия на страновом уровне приняла Парижское соглашение об изменении климата², в котором наряду с прочим определяется вектор на экологическую целостность, подчеркивается важность стимулирования неуглеродных выгод, осуществляется призыв к формированию рациональных моделей потребления и производства. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию (от 29 февраля 2024 г.)³ главой государства в рамках реализации эколого-климатической повестки по защите окружающей среды была отмечена необходимость снижения вредных выбросов и загрязняющих атмосферу веществ вдвое к 2030 г. Были приняты соответствующие нормативно-правовые документы⁴, направленные на декарбонизацию российской экономики и ее устойчивое развитие.

В рамках «Российской энергетической недели» 26 апреля 2024 г. президент России в своем выступлении на пленарном заседании отметил рекордный рост энергопотребления в стране, «перекрывший» показатели даже времен Союза Советских Социалистических Республик (СССР), и увязал такой рост с ростом российской экономики.

Действительно, в бытность существования СССР стремительные темпы роста советской экономики во многом обеспечивались ростом потребления энергии во всех отраслях и сферах. Так, например, с 1960 по 1970 г. потребление электроэнергии выросло в 2,52 раза (с 292,3 до 735,7 млрд кВт·ч), с 1970 по 1980 г. — в 1,73 раза, с 1980 по 1990 г. — в 1,33 раза (с 1274,8 до 1689,9 млрд кВт·ч); рост валового общественного продукта за тот же период составил 2 и 1,68 раза соответственно, а с 1980 по 1990 г. вырос в 1,5 раза (с 1078,5 до 1631,6 млрд руб.). Кроме того, в

¹ О принятии Парижского соглашения, Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2019 г. № 1228, 2019, *Гарант*, URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661694/?ysclid=m1mamth6qa446143873#review> (дата обращения: 15.10.2024).

² Парижское соглашение, 2018, ООН, URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Послание Президента Федеральному Собранию, 2024, *Президент России*, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 15.10.2024).

⁴ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-п, 2021, *Гарант*, URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402894476/?ysclid=m1mcwbelh6949807444> (дата обращения: 15.10.2024) ; Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации, Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812, 2023, *Гарант*, URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407782529/?ysclid=m1mcybsnaf714206529> (дата обращения: 15.10.2024) ; Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности», Постановление Правительства РФ от 9 сентября 2023 г. № 1473, 2023, *Гарант*, URL: <https://base.garant.ru/407632842/?ysclid=m1md1oum22851285733> (дата обращения: 15.10.2024) и др.

1982 г. Россия занимала 1-е место в мире по выплавке стали, чугуна; добыче нефти и железной руды; по производству пиломатериалов, цемента, кокса, минеральных удобрений, магистральных тепловозов и электровозов¹.

Успехи прошлого за ряд десятилетий сформировали типичную для того времени модель развития советской экономики, в которой экономический рост страны сопровождался немалым ростом энергопотребления. Такую «наследственность» российская экономика сохраняет и в настоящее время. К примеру, если сравнить темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) РФ (в постоянных ценах) с темпами роста потребления энергоресурсов (электроэнергии, млрд кВт·ч) в стране, то ситуация наблюдается следующая: 2018 г. — 102,8 и 101,74 % соответственно, 2019 г. — 102,2 и 100,18 %, 2020 г. — 97,3 и 97,74 %, 2021 г. — 105,6 и 104,65 %, 2022 г. — 97,9 и 101,60 %². То есть можно констатировать, что существенных сдвигов в формировании рациональных моделей производства и значительного сокращения энергопотребления пока не произошло. При этом западные ученые в своих исследованиях демонстрируют возможность повышения экономического роста не экстенсивно — путем наращивания добычи невозобновляемых полезных ископаемых, а посредством формирования модели низкоуглеродной экономики [1; 2].

Вместе с тем следует заметить, что принятые национальные нормативно-правовые акты, усиливающие современный тренд на экологизацию отечественной экономики, во многом пренебрегаются из-за необязательности их выполнения, а это, в свою очередь, приводит к воспроизводству прежней модели «коричневой» экономики, когда экономический рост страны обеспечивается еще большим потреблением энергетических ресурсов, формируя устаревшую модель с неустойчивым развитием, в то время как, согласно действующим документам, необходимо, напротив, сокращать энергопотребление, повышать энергоэффективность и уровень декарбонизации экономики, стремиться к достижению обозначенных целей в области устойчивого развития.

Термин «декарбонизация экономики» пока не получил строгого научного определения, и в основном под ним понимается процесс перехода к низкоуглеродной экономике, связанный со снижением (полным исключением) выбросов в атмосферу углекислого газа [3—5]. Данный процесс «вписывается» в концепцию устойчивого развития, на базе которой мировым сообществом были разработаны 17 взаимосвязанных между собой целей устойчивого развития территорий³. Россия, солидаризировавшись в этом отношении с мировым сообществом, выработала свои целевые ориентиры, среди которых в данном контексте можно выделить следующие: задачу 7.3 («К 2030 году удвоить глобальный показатель повышения энергоэффективности»), предполагающую снижение энергоемкости российской экономики; задачу 9.4 («К 2030 году модернизировать инфраструктуру и переоборудовать промышленные предприятия»), предполагающую снижение выбросов углекислого газа (CO₂) в атмосферу на единицу добавленной стоимости.

Принятые Россией официальные документы обязывают страну придерживаться «зеленой» повестки [6; 7] и требуют выполнения взятых на себя обязательств.

¹ *Народное хозяйство СССР в 1990 г.*, 1991, Госкомстат СССР, Статистический ежегодник, М., Финансы и статистика, 752 с. ; *Народное хозяйство СССР в 1982 г.*, 1983, ЦСУ СССР, Стат. Ежегодник, М., Финансы и статистика, 1983, 574 с.

² *Российский статистический ежегодник. 2023*, 2023, Росстат, Стат. сб., М., 2023, 701 с. ; *Промышленное производство в России. 2023*, 2023, Росстат, Стат. сб., М., 2023, 259 с.

³ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года, 2025, *UN Trade and Development (UNCTAD)*, https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

В этой связи представляется необходимым провести анализ предварительных результатов в этой области и оценить перспективы своевременного (к 2030 г.) достижения целей устойчивого развития российскими регионами.

Обзор литературы

Характеризуя роль государства и сформулированную им политику в обеспечении устойчивого и низкоуглеродного развития экономики на национальном уровне, некоторые авторы в своих научных публикациях отмечают одну из важных для нашей страны проблем — проблему региональной дифференциации. В целях формирования «зеленой экономики» учеными-экономистами предлагается учитывать особенности декарбонизации региональных экономик, специфику восприятия мер макрорегулирования «пространственно-распределенными центрами экономической активности и населением» [8; 9]. Аналогичного мнения придерживаются и авторы данных статей [10—12], в которых акцент в устойчивом развитии экономики делается на типологизацию региональных систем и формирование региональных кластеров. В других статьях в основу анализа положен не территориальный, а отраслевой подход: в частности, авторами рассматриваются последствия декарбонизации энергетического сектора, цветной и нефтеперерабатывающей промышленности российской экономики; определяются приоритеты устойчивого развития экономики России с учетом «рационального природопользования, экологической безопасности и адаптации к изменениям климат» [13—17].

Кроме того, имеются научные публикации, в которых осуществляется оценка деятельности предприятий и организаций [18—20], различных комплексов и секторов экономики [21], определяется влияние тенденций декарбонизации на устойчивое развитие [22; 23]. Однако «оценочных» работ, раскрывающих текущее состояние устойчивого развития региональных экономик и определяющих перспективы территориально-отраслевой деятельности на уровне региона, существует недостаточно. Так, например, в статье [24] осуществляется только постфактумный мониторинг целевых индикаторов с годовой динамикой (2020—2021). Аналогичный подход применяется и в статье [25], где авторы фокусируются на анализе природных ресурсов и оценке текущего состояния окружающей среды на мезоуровне и при этом не оценивают потенциал устойчивого развития региона в обозримом будущем. В другой статье [26] на базе ретроспективного анализа оцениваются перспективы устойчивого развития региона, где в основу анализа положены 25 индикаторов-показателей, которые, в сущности, не позволяют в точности определить степень влияния отдельных факторов на происходящие изменения и во многом «размывают» полученные оценки, представляя их слишком общими. В статье [27] применяется система показателей экологического рейтинга регионов, состоящая из 18 переменных индикаторов, которые также усредняют полученные результаты. Стоит заметить, что многие авторы оперируют обобщенными данными [28—29], но, как было показано выше, такое сглаживание в основном позволяет определить лишь тренд развития экономики, а использование разных единиц измерения зачастую затрудняет работу с большим массивом данных и не дает получить точные оценки. В этой связи представляется необходимым дополнить оценочную деятельность относительно декарбонизации и устойчивого развития региональных экономик сравнительным анализом по определенной (выборочной) номенклатуре показателей, позволяющей корректно сопоставить в межрегиональном разрезе не абсолютные величины и разные единицы измерения, а темпы роста главных показателей-индикаторов на пути достижения поставленных российским руководством целей и задач.

Материалы и методы

Повышение конкурентоспособности и энергоэффективности экономики (помимо прочего) в своей основе предполагает снижение энергетических затрат. По данным электробаланса России за 2022 г., потребление электроэнергии промышленностью (разделы В + С + D + E) составляет ~52 %, населением — ~16 %, потери в электросетях — ~9 %, то есть суммарно на промышленность, население и потери в сетях приходится около 77 %. Именно данное обстоятельство предопределило выбор двух главных показателей для анализа: 1) «энергоемкость (электроёмкость) отраслей промышленности региона» и 2) «энергопотребление (электропотребление) населением с учетом энергопотерь в сетях». Касательно выбранных показателей необходимо сделать несколько методических замечаний. Во-первых, в связи с отсутствием в отечественной базе статистики (Росстата) данных по потреблению всех энергетических ресурсов в регионе анализ проводится по доступным данным на уровне субъектов РФ по потреблению электрической энергии. Во-вторых, согласно коду федерального плана статистических работ расчет энергоемкости российской экономики ведется только по отношению к валовому внутреннему продукту, то есть расчет в разрезе регионов Росстатом не представлен (по крайней мере в открытых источниках необходимые данные отсутствуют). В данном исследовании такой недостаток устраняется и расчет «энергоемкости (электроёмкости) отраслей промышленности региона» осуществляется путем деления потребленной электроэнергии промышленностью (разделы В + С + D + E — «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающая промышленность» и др.) на валовой региональный продукт (млн кВт·ч на 10 000 руб. в постоянных ценах 2016 г.). В-третьих, в перечне национальных показателей целей устойчивого развития Росстатом определен показатель «потребление электрической энергии на душу населения», который рассчитывает электропотребление каждым индивидом в регионе, но не дает представление об электропотреблении населением региона в целом, что необходимо при оценке энергопотребления регионов России в административно-территориальных границах. Именно поэтому в проводимом исследовании используется второй показатель (см. 2)). Выбор третьего показателя — «выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, на единицу добавленной стоимости» — также не является случайным, поскольку всецело коррелирует с поставленной целевой задачей 9.4 (см. введение) и напрямую связан с целевым показателем 13.2.2 «совокупный годовой объем выбросов парниковых газов», входящим в национальный набор показателей целей устойчивого развития России. Методика расчета третьего показателя аналогична расчету первому: в числителе — «выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников», в знаменателе — «валовая добавленная стоимость» (Раздел В. «Добыча полезных ископаемых» и Раздел С. «Обрабатывающая промышленность») (тыс. т на 100 000 руб. в постоянных ценах 2016 г.).

Выделяются следующие задачи исследования:

- рассчитать в разрезе регионов России полученные данные по определенной выше группе показателей;
- рассчитать в разрезе регионов России темпы роста по определенной выше группе показателей;
- рассчитать в разрезе регионов России целевое значение по определенной выше группе показателей;
- рассчитать в разрезе регионов России прогнозное значение по определенной выше группе показателей;

— посубъектно сопоставить целевое и прогнозное значение по определенной выше группе показателей;

— представить выводы и рекомендации по полученным данным.

Методика исследования состоит из нескольких этапов. На первом этапе осуществляется сбор статистических данных за 2016 г. (данный год был определен как базисный тем обстоятельством, что только в 2015 г. была принята Резолюция¹, следовательно, анализировать более ранний период представляется нецелесообразным) и 2022 г. (более поздние соразмерные данные на момент написания статьи в отчетственной статистике не были представлены; отчетный год). На втором этапе посубъектно рассчитываются значения первого и третьего показателей за 2016 и 2022 гг. На третьем этапе рассчитываются темпы роста в отчетном году по отношению к базисному по всем 85 субъектам Российской Федерации по трем показателям. На четвертом этапе рассчитывается целевое значение (2030) по всем регионам путем деления значения за 2016 г. на «2», поскольку, как указано во введении, необходимо обеспечить решение целевых задач 7.3 и 9.4 — «к 2030 году удвоить глобальный показатель повышения энергоэффективности», то есть вдвое снизить энергоемкость и выбросы в атмосферу. Исключением в данном случае является второй показатель, где в качестве целевого значения определяется снижение энергопотребления на 10 % к 2030 г. (10 % — это среднее значение энергопотерь в России за ряд лет, которое в идеале следует свести к нулю). На пятом этапе определяются прогнозные значения целевых показателей путем умножения рассчитанных региональных (индивидуальных) темпов роста на «2». Значение «2» не является случайным, поскольку 2022 г., представляя собой середину временного интервала 2016—2029 гг. (делит данный интервал на две части), позволяет осуществить экстраполяцию предыдущих темпов роста за период 2016—2022 гг. на будущий период 2017—2029 гг., то есть предполагается, что темп роста сохранится в заданных параметрах, отсюда и возникает значение «2». При этом следует оговориться касательно применяемого метода экстраполяции: в данном исследовании не учитывается влияние различных внешних и внутренних обстоятельств (экономических, политических, технологических и др.), структурных изменений в экономике, форм-мажор и проч., они принимаются за константу для того, чтобы в «чистом» виде определить достижимость целевых ориентиров при сохраняющихся темпах роста. На шестом этапе осуществляется сводка, делаются выводы, даются рекомендации по полученным данным.

Результаты

Самая высокая энергоемкость (электроемкость) отраслей промышленности (разделы В + С + D + E) в 2016 и 2022 гг. наблюдалась в следующих субъектах РФ, входящих в антирейтинг первых 10 регионов: Мурманской, Кемеровской, Челябинской, Иркутской, Вологодской областях, Республиках Хакасия и Карелия. Смоленская, Курская области и Забайкальский край, находившиеся в числе «первых» в 2016 г., смогли покинуть список десяти самых энергоемких регионов страны к 2022 г., их место заняли Липецкая область, Красноярский край и Еврейская автономная область.

К наименее энергоемким регионам России, которые в 2016 и 2022 гг. демонстрировали наименьшее потребление электроэнергии промышленностью на единицу добавленной стоимости, относятся следующие субъекты РФ: Сахалинская и Калининградская области, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные окру-

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года, 2025, *UN Trade and Development (UNCTAD)*, https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

га, Республики Саха и Дагестан, Санкт-Петербург и Москва. Республика Алтай и Астраханская область в топ-10 вошли в 2022 г., а десятку лидеров покинули Чукотский автономный округ и Камчатский край.

Расчеты показывают, что 37 из 85 субъектов РФ имеют положительные темпы роста энергоемкости, в то время как они должны не только быть отрицательными, но и обеспечить к 2030 г. снижение энергоемкости вдвое. Вполне очевидно, что поставленная целевая задача данными регионами, скорее всего, не будет выполнена своевременно и в полном объеме. Среди оставшихся 48 субъектов РФ, имеющих отрицательную динамику, следует выделить группу из 7 регионов, которые по прогнозным оценкам способны достигнуть целевой показатель к 2030 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика энергоемкости (электроемкости) отраслей промышленности
в отдельных субъектах РФ, млн кВт · ч на 10 000 руб.**

Субъект РФ	2016	2022	2022 к 2016	К 2030	
	Фактически	Фактически	Темп роста, %	Целевое значение	Прогноз
Забайкальский край	0,4741	0,2348	– 50,47	0,2370	0,1163
Москва	0,0711	0,0447	– 37,23	0,0356	0,0280
Республика Бурятия	0,3914	0,2602	– 33,51	0,1957	0,1730
Республика Дагестан	0,0965	0,0642	– 33,49	0,0483	0,0427
Ивановская область	0,2784	0,1900	– 31,78	0,1392	0,1296
Республика Северная Осетия	0,3008	0,2142	– 28,79	0,1504	0,1525
Республика Алтай	0,1413	0,1023	– 27,56	0,0706	0,0741

Составлено и рассчитано по данным Росстата¹.

Анализ энергоемкости (электроемкости) отраслей промышленности в субъектах РФ показывает, что подавляющее большинство регионов страны (91,76 %) едва ли сможет достигнуть целевых значений к 2030 г. ввиду недостаточной динамики снижения энергоемкости даже в тех регионах, которые имеют отрицательные темпы роста (41 субъект РФ).

При рассмотрении второго показателя наибольшее энергопотребление (электрической энергии) как в 2016 г., так и в 2022 г. зафиксировано в следующих субъектах РФ: Москве, Санкт-Петербурге, Московской, Самарской, Свердловской, Иркутской областях, Краснодарском и Красноярском краях, а наименьшее — в Еврейской автономной области, Чукотском и Ненецком автономном округах, Республиках Тыва, Алтай, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкесской Республике, Магаданской области, что во многом объясняется численностью населения: где она больше — там показатели энергопотребления выше и наоборот. При этом общей тенденцией является увеличение энергопотребления за рассматриваемый период в целом по России на 6,99 %.

Так, из 85 субъектов РФ только 26 регионов продемонстрировали отрицательные темпы роста в потреблении энергии. Среди них выделяется группа из 12 регионов, которым к обозначенному сроку — 2030 г. — скорее всего, не удастся достичь целевых значений ввиду того, что, как и в предыдущем случае, сами темпы являются крайне низкими (табл. 2).

¹ *Российский статистический ежегодник. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М. 701 с. ; Промышленное производство в России. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М., 259 с. ; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023, 2023, Стат. сб. Росстат, М., 2023. 1126 с.*

Таблица 2

**Динамика энергопотребления (электропотребления) населением
(с учетом энергопотерь в сетях) в отдельных субъектах РФ, млн кВт · час**

Субъект РФ	2016	2022	2022 к 2016	К 2030	
	Фактически	Фактически	Темп роста, %	Целевое значение	Прогноз
Владимирская область	2172,1	2121,4	– 2,33	1954,89	2071,88
Костромская область	1072,9	1030,4	– 3,96	965,61	989,58
Смоленская область	1583	1545,8	– 2,35	1424,70	1509,47
Калининградская область	1990	1955,5	– 1,73	1791,00	1921,60
Санкт-Петербург	8443	8345,7	– 1,15	7598,70	8249,52
Севастополь	853,5	826,4	– 3,18	768,15	800,16
Саратовская область	3894,4	3773,1	– 3,11	3504,96	3655,58
Ульяновская область	1777,7	1763	– 0,83	1599,93	1748,42
Свердловская область	9235,8	9092	– 1,56	8312,22	8950,44
Республика Тыва	480,1	474,4	– 1,19	432,09	468,77
Красноярский край	7134,3	6799,9	– 4,69	6420,87	6481,17
Забайкальский край	1792	1737,3	– 3,05	1612,80	1684,27

Составлено и рассчитано по данным Росстата¹.

Как видно из таблицы 2, формальное снижение энергопотребления населением региона на 1—4 % за несколько лет совершенно не означает автоматическое выполнение поставленных целевых задач. Более того, столь незначительное снижение в некоторой степени вуалирует решение проблемы по повышению энергоэффективности в стране и регионах, когда в отчетных документах представляются сведения с отрицательной динамикой по показателям, как, собственно, и должно быть, но на самом деле темпы такого снижения энергопотребления оказываются явно недостаточными. Следовательно, по данному показателю достичь целевого значения к 2030 г. способны только 14 субъектов РФ, к ним относятся Вологодская, Кемеровская, Калужская, Нижегородская, Магаданская, Астраханская области, Пермский и Алтайский края, Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Республики Северная Осетия-Алания, Коми и Хакасия, Москва.

При рассмотрении третьего показателя наблюдается схожая с двумя предыдущими показателями ситуация, когда одни и те же регионы демонстрировали определенную стабильность в 2016 и 2022 гг. Так, к субъектам РФ с наибольшими выбросами загрязняющих веществ в атмосферу относятся Еврейская автономная область, Вологодская, Амурская и Кемеровская области, Красноярский и Приморский края, а вот Чеченская Республика, Забайкальский край, Республики Алтай и Бурятия в 2022 г. покинули список антирейтинга 10 самых «грязных» регионов страны, их место заняли Камчатский край, Иркутская область, Республики Карелия и Калмыкия. В числе лидеров «чистых» регионов следует отметить Калининградскую, Сахалинскую, Ульяновскую, Московскую и Калужскую области, Москву и Санкт-Петербург, Кабардино-Балкарскую Республику. Уступили свои позиции в 2022 г. Владимирская область и Республика Ингушетия, а в топ-10 попали Нижегородская область и Республика Дагестан.

¹ *Российский статистический ежегодник. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М., 701 с.; Промышленное производство в России. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М., 259 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М., 1126 с.*

При этом стоит отметить, что 50 субъектов РФ из 85 продемонстрировали отрицательные темпы роста, правда, согласно расчетам, не все они способны достигнуть целевых значений к 2030 г. Только 20 регионов страны при сохраняющихся темпах снижения могут добиться выполнения поставленных целевых задач (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух,
отходящих от стационарных источников,
на единицу добавленной стоимости, тыс. т на 100 000 руб.**

Субъект РФ	2016	2022	2022 к 2016	К 2030	
	Фактически	Фактически	Темп роста, %	Целевое значение	Прогноз
Чеченская Республика	0,3080	0,0711	– 76,93	0,1540	0,0164
Республика Дагестан	0,0462	0,0142	– 69,23	0,0231	0,0044
Мурманская область	0,2171	0,0903	– 58,43	0,1086	0,0375
Еврейская автономная область	0,5403	0,2251	– 58,34	0,2702	0,0938
Московская область	0,0339	0,0157	– 53,88	0,0170	0,0072
Республика Тыва	0,1819	0,0845	– 53,53	0,0909	0,0393
Астраханская область	0,1144	0,0539	– 52,86	0,0572	0,0254
Тульская область	0,0667	0,0375	– 43,77	0,0334	0,0211
Забайкальский край	0,2620	0,1524	– 41,82	0,1310	0,0887
Ивановская область	0,0897	0,0523	– 41,68	0,0448	0,0305
Пензенская область	0,0622	0,0370	– 40,45	0,0311	0,0221
Архангельская область без автономного округа	0,1434	0,0855	– 40,36	0,0717	0,0510
Томская область	0,1717	0,1076	– 37,34	0,0858	0,0674
Ростовская область	0,0635	0,0399	– 37,23	0,0318	0,0250
Челябинская область	0,1259	0,0803	– 36,24	0,0629	0,0512
Республика Коми	0,2223	0,1421	– 36,07	0,1111	0,0908
Республика Бурятия	0,2664	0,1706	– 35,96	0,1332	0,1092
Кировская область	0,1152	0,0745	– 35,35	0,0576	0,0481
Смоленская область	0,0934	0,0652	– 30,18	0,0467	0,0455
Карачаево-Черкесская Республика	0,1500	0,1049	– 30,06	0,0750	0,0734

Составлено и рассчитано по данным Росстата¹.

Вывод, который можно сделать из таблицы 3, не будет отличаться от ранее приведенных: для своевременного (к 2030 г.) достижения целевых показателей темпы снижения загрязняющих выбросов в атмосферу для 30 субъектов РФ, имеющих отрицательную динамику, должны быть более высокими и составлять не менее 7 % в год. В отношении оставшихся 35 регионов, которые имеют положительные темпы роста, в то время как они однозначно должны быть отрицательными, требуется повышенное внимание со стороны властей и принятие соответствующих решений.

Обобщенные данные в количественном выражении по всем трем рассмотренным показателям с учетом анализируемой динамики и возможности достижения к 2030 г. целевых значений в области декарбонизации экономики и устойчивого развития регионов представлены в таблице 4.

¹ *Российский статистический ежегодник. 2023, 2023, Росстат, Стат. сб., М., 701 с. ; Промышленное производство в России. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М., 259 с. ; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023, 2023, Стат. сб. Росстат, М., 2023, 1126 с.*

Таблица 4

Оценка энергоэффективности регионов России (по количеству субъектов РФ)

Целевой показатель	Темпы роста		
	Положительные	Отрицательные недостаточные	Отрицательные достаточные
Энергоемкость (электроемкость) отраслей промышленности региона	37	41	7
Энергопотребление (электропотребление) населением с учетом энергопотерь в сетях	59	12	14
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух	35	30	20

Составлено и рассчитано по данным Росстата¹.

Как видно из таблицы 4, только 7 субъектов РФ способны обеспечить выполнение требований по снижению вдвое энергоемкости (электроемкости) в отраслях промышленности. При этом 6 из 7 регионов данной группы являются участниками в выполнении и других целевых показателей. Так, например, Забайкальский край, Республика Дагестан, Ивановская область и Республика Бурятия в состоянии вдвое снизить и выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, а Республика Северная Осетия и Москва — сократить до необходимого уровня энергопотребление (электропотребление) со стороны населения.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования показывают, что большинство субъектов России пока не демонстрирует способности достигнуть поставленных целевых задач в силу различных причин, а они настолько разнообразны, насколько разнообразны сами регионы. Рассмотрим некоторые из них на примере субъектов РФ, входящих в Северо-Западный федеральный округ.

Снижение энергоемкости (электроемкости) в отраслях промышленности теоретически возможно как минимум двумя способами. Во-первых, путем внедрения в производственный процесс менее энергоемкого, но не менее производительного оборудования, а во-вторых, за счет большего объема выпуска продукции при небольшом потреблении энергии. В практическом плане задача по повышению энергоэффективности региона является двуединой, а роль государства в этом процессе — определяющей. Вполне очевидно, что создание со стороны региональных властей благоприятных условий для инвестиций в основной капитал может и должно способствовать совершенствованию (или замене) средств производства, внедрению энергосберегающих технологий, снижению негативных воздействий на окружающую среду. При этом у региональных властей для получения более существенных результатов имеется достаточный арсенал необходимых средств: от административно-правовых и запретительных до налогового-бюджетных и стимулирующих. Например, это установление лимитов на энергопотребление хозяйствующими субъектами, налоговых льгот и преференций для предприятий и организаций, осуществляющих модернизацию или обновление своих основных фондов,

¹ *Российский статистический ежегодник. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М., 701 с. ; Промышленное производство в России. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М., 259 с. ; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023, 2023, Стат. сб., Росстат, М., 1126 с.*

предоставление инвестиционных грантов предприятиям и организациям, разрабатывающим и внедряющим наилучшие доступные технологии, обеспечивающие минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и др.

Однако с учетом особенностей и специфики развития регионов их применение должно быть не повсеместным и единым для всех, а направленным и сепарированным. К примеру, согласно отраслевой структуре валовой добавленной стоимости за 2022 г. отраслью специализации в Республике Коми (47,7 %), Архангельской области (37,2 %), Ненецком автономном округе (84,7 %) является «добыча полезных ископаемых» (раздел В), а в Ленинградской (30,0 %), Мурманской (33,1 %), Новгородской (40,3 %), Вологодской областях (51,6 %) — «обрабатывающая промышленность» (раздел С). Следовательно, релевантные меры государственного регулирования по повышению энергоэффективности необходимо применять в наиболее энергоемких отраслях и регионах, а их воздействие должно быть более точечным.

Повышение энергоэффективности региона через снижение значений второго показателя «энергопотребление (электропотребление) населением с учетом энергопотерь в сетях» также требует дифференциации мер со стороны региональных властей. Объяснение роста или снижения энергопотребления в регионе в зависимости от численности населения не всегда является состоятельным. Например, согласно электробалансу за 2022 г., в Калининградской (30,51 %) и Псковской (32,62 %) областях доля в энергопотреблении (электропотреблении) по показателю «городское и сельское население» примерно одинаковая, в то время как численность населения в Калининградской области (1027,678 тыс. чел.) почти вдвое больше, чем в Псковской (613,36 тыс. чел.). Отличаются и темпы роста: в Калининградской области они отрицательные (–1,73 %), а в Псковской — положительные (+17 %). Вполне очевидно, что и меры региональной политики энергосбережения должны различаться: от стимулирующих наметившийся тренд к снижению энергии (для Калининградской области) до тарифно-лимитирующих, ограничивающих избыточное энергопотребление (для Псковской области). Если рассмотреть Санкт-Петербург, имеющий схожий с Калининградской областью темп роста (–1,15 %), то политика повышения энергоэффективности в данном регионе должна быть иной. Так, например, на долю «городское и сельское население» приходится 18,5 % от общего энергопотребления (электропотребления) в регионе, а на «энергопотери в сетях» — 12,30 %, что непропорционально по сравнению с двумя рассмотренными выше субъектами РФ ни по их соотношению между собой (там наблюдается трехкратная разница), ни по площади данных регионов (площадь Калининградской области в 10,5 раза, а площадь Псковской области — в 38,5 раз больше Санкт-Петербурга, а энергопотери в сетях в ~1,8 раза меньше: 10,55 и 10,33 % соответственно). Следовательно, снижение энергопотребления в Санкт-Петербурге во многом зависит от применяемых региональными властями мер государственного регулирования, которые должны быть направлены прежде всего на снижение энергопотерь в сетях.

Необычная ситуация наблюдается при анализе третьего показателя «выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, на единицу добавленной стоимости». Так, Республика Коми (–0,36 %) и Архангельская область (–0,40 %) с весьма символическими отрицательными темпами роста — менее 1 %, тем не менее демонстрируют способность достижения целевых показателей к 2030 г. В то же время Ленинградская (–6,89 %), Вологодская области (–13,83 %) и Санкт-Петербург (–27,27 %), имеющие многократно выше отрицательные темпы роста, едва ли смогут обеспечить своевременное выполнение целевой задачи по данному показателю. Вполне возможно, что успехи Республики Коми и Архангельской области в этой сфере связаны со снижением объемов выпуска продукции в отрасли «обрабатывающие производства», о чем свидетельствуют

данные отечественной статистики: в 2022 г. «индекс физического объема ВРП и ВДС» сократился и составил 96,4 и 92,4 % соответственно. Данное обстоятельство совершенно не означает, что для достижения «экологических» показателей необходимо снижать «экономические», но это совершенно точно означает, что, как и в предыдущих случаях, региональная социо-эколого-экономическая политика властей должна быть сопряжена со всеми составляющими устойчивого развития региона, а применяемые меры государственного регулирования должны приводить к более высоким результатам без пренебрежения достижением каких-либо целевых задач.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование, связанное с оценкой энергоэффективности регионов России в контексте декарбонизации экономики и устойчивого развития территорий, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, большинство регионов страны придерживается устаревшей модели «коричневой» экономики и сохраняет в своем развитии ту наследственность советской экономики, согласно которой экономический рост обеспечивался большим потреблением энергоресурсов с нанесением значительного ущерба окружающей среде. Современные документы и регламенты требуют иного подхода, в основу которого положен принцип энергосбережения и энергоэффективности. Следовательно, дальнейшее устойчивое развитие региональных экономик должно сопровождаться применением в практике хозяйствования более современного и продуктивного оборудования, а также энергосберегающих технологий, минимизирующих негативное воздействие на окружающую среду. Во-вторых, для достижения поставленных целевых задач (к 2030 г.) необходимо повышать темпы роста по снижению энергоемкости отраслей промышленности региональных экономик, энергопотребления населением с учетом энергопотерь в сетях и выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Для этого у региональных властей имеется достаточный и необходимый набор инструментов и средств, применение которых должно быть избирательным и локальным, точно воздействующим на энергетическую проблему и в итоге приводящим к более высоким положительным результатам в определенные сроки. В-третьих, специфика и особенности развития регионов предопределяют выбор, возможно, уникальных механизмов при построении системы управления повышением региональной энергоэффективности путем сопряжения и гармонизации различных (экономической, экологической, социальной) региональных политик. В-четвертых, не исключается, что увеличение ответственности для региональных властей и большая требовательность со стороны федеральных властей должны привести к получению более продуктивных и прогрессивных результатов на пути формирования устойчивого развития региональных экономик.

Список литературы

1. Antal, M. 2014, Green goals and full employment: Are they compatible?, *Ecological Economics*, № 107, p. 276—286, <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2014.08.014>
2. Fücks, R. 2014, Intelligent wachsen. Die grüne Revolution, *WSI-Mitteilungen*, vol. 67, № 7, p. 560—561, <https://doi.org/10.5771/0342-300x-2014-7-560>
3. Шматко, А. Д., Ивченко, Б. П. 2022, Декарбонизация экономики: анализ проблематики с учетом региональной специфики и необходимости развития системы образования, *Экономика и управление*, т. 28, № 3, с. 219—225, EDN: BSDXOA, <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-3-219-225>

4. Лебедева, М. А. 2022, Проблемы декарбонизации экономики России, *Проблемы развития территории*, т. 26, № 2, с. 57 — 72, EDN: KQBIUW, <http://doi.org/10.15838/ptd.2022.1.118.5>
5. Сафонов, Г. В., Козельцев, М. Л., Стеценко, А. В., Дорина, А. Л., Сафонова, Ю. А., Семакина, А. А., Сизонов, А. Г., Сафонов, М. Г. 2022, Перспективы декарбонизации мировой экономики в контексте реализации Парижского климатического соглашения ООН, *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, т. 17, № 4, с. 38 — 61, EDN: XOJSBX, <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-04-02>
6. Порфирьев, Б. Н. 2021, О «зеленом» векторе стратегии социально-экономического развития России, *Научные труды Вольного экономического общества России*, т. 227, № 1, с. 128 — 136, EDN: BQILXN, <http://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-128-136>
7. Ершов, Д. Н., Сигова, М. В., Никитина, И. А. 2023, Отражение концепции энергоперехода в стратегиях развития отраслей и регионов России, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, т. 39, № 1, с. 73 — 101, EDN: LMOXPY, <https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.104>
8. Гильмундинов, В. М., Панкова, Ю. В., Тагаева, Т. О. 2023, Концепция региональной дифференциации процессов декарбонизации экономики России, *Проблемы прогнозирования*, № 6 (201), с. 91 — 102, EDN: BFDUJS, <http://doi.org/10.47711/0868-6351-201-91-102>
9. Glazyrina, I. P., Zabelina, I. A. 2018, Spatial Heterogeneity of Russia in the Light of the Concept of a Green Economy: The Social Context, *Geography and Natural Resources*, vol. 39, № 2, p. 103 — 110, <http://doi.org/10.1134/S1875372818020026>
10. Гайнанов, Д. А., Гатауллин, Р. Ф., Сафиуллин, Р. Г. 2023, Типологизация региональных систем России в связи с процессами декарбонизации экономики, *Экономика региона*, т. 19, № 1, с. 29 — 44, EDN: TAABLJ, <http://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-3>
11. Прохоров, В. В., Погорелов, И. З. 2022, Меры государственной поддержки развития региональных кластеров в условиях декарбонизации экономики, *Управленческий учет*, № 2-2, с. 347 — 353, EDN: ADUJD, <http://doi.org/10.25806/uu2-22022347-353>
12. Ладыкова, Т. И. 2023, Кластерный анализ показателей, характеризующих процессы декарбонизации в регионах российской федерации, *Oeconomia et Jus*, № 4, с. 22 — 32, EDN: EFRAJS, <http://doi.org/10.47026/2499-9636-2023-4-22-32>
13. Пешкова, Г. Ю., Бондарь, Е. Г. 2024, Государственная политика российской федерации в области декарбонизации энергетического сектора, *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 2 (77), с. 57 — 68, EDN: IDEIIG, <http://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-2-57-68>
14. Диковенко, А. Г. 2024, Современные направления декарбонизации нефтегазовой отрасли, *Наукофера*, № 3-1, с. 171 — 174, EDN: XJUQWO, <http://doi.org/10.5281/zenodo.10829617>
15. Ковалев, И. В., Афтени, И. В., Ковалева, О. Я. 2024, Управление проектами декарбонизации в топливно-энергетическом секторе России: текущие вызовы и перспективы, *Научное обозрение: теория и практика*, т. 14, № 3 (103), с. 499 — 510, EDN: DAKSUO, <http://doi.org/10.26088/2226-0226-2024-14-3-499-510>
16. Шершнева, В. А., Баранова, В. Н., Нисковская, М. Ю. 2022, Основные аспекты декарбонизации российской нефтеперерабатывающей промышленности, *Булатовские чтения*, т. 2, с. 146 — 148, EDN: SDJJYQ
17. Мацко, Н. А., Харитонов, М. Ю. 2023, Влияние процесса декарбонизации на рентабельность отрасли цветной металлургии (на примере медной промышленности), *Имущественные отношения в Российской Федерации*, № 8 (263), с. 19 — 27, EDN: DEWNQQ, <http://doi.org/10.24412/2072-4098-2023-8263-19-27>
18. Попова, Е. А. 2024, Обоснование методов выбора инвестиционных решений нефтегазовых компаний в условиях декарбонизации, *Экономические системы*, т. 17, № 1, с. 132 — 140, EDN: URRKAI, <http://doi.org/10.29030/2309-2076-2024-17-1-132-140>
19. Пляскина, Н. И. 2023, Энергетическая трансформация нефтегазовых компаний в условиях декарбонизации: оценка эффективности инвестиционных проектов, в: *Труды III гранберговской конференции*, Сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти академика А. Г. Гранберга, Новосибирск, с. 276 — 279, EDN: GIFGXY

20. Салита, С. В., Голубцова, О. А. 2022, Анализ тенденций социально-экономического развития региона в формате устойчивого развития, *Вестник Луганского государственного университета им. Владимира Даля*, № 9 (63), с. 133—138, EDN: TCDNPQ
21. Шевелева, Н. А. 2023, Разработка подходов к экономической оценке проектов декарбонизации в нефтегазовом комплексе, *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*, № 8 (224), с. 28—36, EDN: HAPPEK, [http://doi.org/10.33285/1999-6942-2023-8\(224\)-28-36](http://doi.org/10.33285/1999-6942-2023-8(224)-28-36)
22. Нехорошков, В. П., Соколова, Д. А. 2022, Влияние тенденций декарбонизации на развитие угольной промышленности, *Экономика и бизнес: теория и практика*, № 6-2 (88), с. 100—104, EDN: TWSWQI, <http://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-6-2-100-104>
23. Ильинский, А. А., Калинина, О. В., Хасанов, М. М., Афанасьев, М. В., Саитова, А. А. 2022, Декарбонизация нефтегазового комплекса: приоритеты и организационные модели развития, *Север и рынок: формирование экономического порядка*, т. 25, № 1 (75), с. 33—46, EDN: WOEZOW, <http://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2022.75.003>
24. Калицева, К. А., Чараева, М. В. 2023, Систематизация индикаторов устойчивого развития южнороссийских регионов на основе концепции устойчивого развития, *Финансы, деньги, инвестиции*, № 3 (87), с. 3—9, EDN: CIIIPM, http://doi.org/10.36992/2222-0917_2023_3_3
25. Преображенский, Б. Г., Фёдоров, Я. А. 2023, Экологически устойчивое развитие как парадигма современной политики экологического развития регионов, *Регион: системы, экономика, управление*, № 4 (63), с. 12—28, EDN: WTBTWS, <http://doi.org/10.22394/1997-4469-2023-63-4-12-28>
26. Бородин, С. Н. 2023, Модель оценки устойчивого развития региона на основе индексного метода, *Экономика региона*, т. 19, № 1, с. 45—59, EDN: EQNGER, <http://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-4>
27. Алешникова, В. И., Бурцева, Т. А. 2023, Интегральный измеритель экологического развития регионов, *Регион: системы, экономика, управление*, № 2 (61), с. 41—49, EDN: JBMTGU, <http://doi.org/10.22394/1997-4469-2023-61-2-41-49>
28. Алферова, Т. В. 2020, Устойчивое развитие региона: подходы к отбору показателей оценки, *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*, т. 15, № 4, с. 494—511, EDN: KXXJRA, <http://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-4-494-511>
29. Hickel, J. 2020, The sustainable development index: Measuring the ecological efficiency of human development in the Anthropocene, *Ecological Economics*, № 167, art. № 106331, <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.05.011>
30. Бардаханова, Т. Б., Ерёмко, З. С., Мункуева, В. Д. 2019, Методический подход к проведению комплексной оценки уровня эколого-экономического развития регионов, *Бизнес. Образование. Право*, № 3 (48), с. 26—31, EDN: XBUQAR, <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2019.48.305>
31. Бобылев, С. Н., Кудрявцева, О. В., Соловьева, С. В., Ситкина, К. С. 2018, Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение, *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, № 2, с. 21—33, EDN: XMZWLR, <https://doi.org/10.38050/01300105201822>

Об авторах

Валерий Игоревич Белов, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; профессора кафедры экономики, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2910-3014>

E-mail: v.i.belov@bk.ru

ASSESSMENT OF ENERGY EFFICIENCY OF RUSSIAN REGIONS IN THE CONTEXT OF ECONOMIC DECARBONISATION AND SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT

V. I. Belov^{1, 2}

¹ Northwestern Institute of Management — Branch of RANEPa, 57/43 Sredny Prospekt, St. Petersburg, 199178, Russia

² A. S. Pushkin Leningrad State University, 10 Peterburgskoe Shosse, St. Petersburg, Pushkin, 196605, Russia

Received 2 February 2024

Accepted 28 November 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-7

© Belov V. I., 2025

In modern conditions, boosting the energy efficiency of regional economies by reducing energy consumption by businesses and households stands as an imperative for their greening. Russia's legal regulations establish concrete deadlines for reaching sustainable development targets. Against this backdrop, the study aims to evaluate the current energy efficiency status of Russian regions, thereby identifying prospects (by 2030) for achieving decarbonization and sustainable development goals in their economies. The author's methodology, spanning multiple stages, centres on calculating growth rates for relevant energy efficiency indicators over 2016–2022, followed by their extrapolation to 2030. The findings indicate that few Russian regions can meet the established targets by the deadline. The reasons behind this projected shortfall are as diverse as the regions themselves. However, data analysis reveals a common trend: insufficient growth rates in reducing industrial energy intensity, energy consumption by economic entities, and atmospheric pollutant emissions across most Russian regions. This, in turn, underscores the need for regional authorities — accounting for each subject's unique developmental specifics and features — to implement active regional policies whose tools align seamlessly with all sustainable development components. The practical value of this research lies in its preliminary energy efficiency estimates for regions, which not only spotlight emerging 'energy' issues but also enable authorities to adopt congruent, timely decisions based on their identification, fulfilling the immanent sustainability tasks set by national leadership.

Keywords:

greening of the economy, energy consumption, energy intensity, energy losses, emissions into the atmosphere, industries

References

1. Antal, M. 2014, Green goals and full employment: Are they compatible? *Ecological Economics*, № 107, p. 276 — 286, <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2014.08.014>
2. Fücks, R. 2014, Intelligent wachsen. Die grüne Revolution, *WSI-Mitteilungen*, vol. 67, № 7, p. 560 — 561, <https://doi.org/10.5771/0342-300x-2014-7-560>
3. Shmatko, A. D., Ivchenko, B. P. 2022, Decarbonization of the economy: problem analysis with allowance for regional specifics and the need to develop the educational system, *Economics and Management*, vol. 28, № 3, p. 219 — 225, <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-3-219-225>
4. Lebedeva, M. A. 2022. Decarbonization problems of the Russian economy, *Problems of Territory's Development*, vol. 26, № 2, p. 57 — 72, <http://doi.org/10.15838/ptd.2022.1.118.5>

5. Safonov, G., Kozeltsev, M., Stetsenko, A., Dorina, A., Saphonova, Y., Semakina, A., Safonov, M. 2022, Perspectives of Decarbonization of World Economy in the Context of Implementation of the UN Paris Climate Agreement, *International Organisations Research Journal*, vol. 17, №4, p. 38—61, <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-04-02>
6. Porfiryev, B. N. 2021, About the green vector of the strategy of social and economic development of Russia, *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 227, № 1, p. 128—136, <http://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-128-136>
7. Ershov, D. N., Sigova, M. V., Nikitina, I. A. 2023, Reflection of the concept of energy transfer in the development strategies of industries and regions of Russia, *Vestnik Sankt Peterburgskogo Universiteta Ekonomika*, vol. 39, № 1, p. 73—101, <http://doi.org/10.21638/spbu05.2023.104>
8. Gilmundinov, V. M., Pankova, Yu. V., Tagaeva, T. O. 2023, The concept of regional differentiation of the processes of decarbonization of the Russian economy, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 34, № 6, p. 786—793, <http://doi.org/10.1134/s1075700723060059>
9. Glazyrina, I. P., Zabelina, I. A. 2018, Spatial Heterogeneity of Russia in the Light of the Concept of a Green Economy: The Social Context, *Geography and Natural Resources*, vol. 39, № 2, p. 103—110, <http://doi.org/10.1134/S1875372818020026>
10. Gainanov, D. A., Gataullin, R. F., Safiullin, R. G. 2023, Typology of Russian Regional Systems in Connection with the Decarbonisation of the Economy, *Economy of Regions*, vol. 19, № 1, p. 29—44, <http://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-3>
11. Rokhorov, V. V., Pogorelov, I. Z. 2022, Measures Of state support for the development of regional clusters in the conditions of decarbonization of the economy, *Management Accounting*, № 2-2, p. 347—353, <http://doi.org/10.25806/uu2-22022347-353>
12. Ladykova, T. I. 2023, Cluster analysis of indicators characterizing decarbonization processes in the regions of the russian federation, *Oeconomia et Jus*, № 4, p. 22—32, <http://doi.org/10.47026/2499-9636-2023-4-22-32>
13. Peshkova, G. Yu., Bondar, E. G. 2024, State policy of the Russian Federation in the field decarbonization of the energy sector, *The economy of the North—West: problems and prospects of development*, № 2 (77), p. 57—68, <http://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-2-57-68>
14. Dikovenko, A. G. 2024, Current areas in decarbonization of the oil and gas industry, *Naukosfera*, № 3-1, p. 171—174, <http://doi.org/10.5281/zenodo.10829617>
15. Kovalev, I. V., Afteni, I. V., Kovaleva, O. Ya. 2024, Decarbonization project management in the russian fuel and energy sector: current challenges and prospects, *Nauchnoe obozrenie: teoria i praktika [Scientific Review: Theory and Practice]*, vol. 14, № 3 (103), p. 499—510, <http://doi.org/10.26088/2226-0226-2024-14-3-499-510>
16. Shershneva, V. A., Baranova, V. N., Niskovskaya, M. Yu. 2022, The main aspects of the Russian oil refining industry decarbonization, *Bulatovskie chteniya*, vol. 2, p. 146—148 (in Russ.).
17. Matsko, N. A., Kharitonova, M. Yu. 2023, The effect of the decarbonization process on the profitability of the non-ferrous metallurgy (on the example of the copper industry), *Property Relations in the Russian Federation*, № 8, p. 19—27 (in Russ.).
18. Popova, E. A. 2024, Substantiation of methods for choosing investment decisions of oil and gas companies in the context of decarbonization, *Economic systems*, vol. 17, № 1, p. 132—140 (in Russ.).
19. Plyaskina, N. I. 2023, Energy transformation of oil and gas companies in the context of decarbonization: assessment of the effectiveness of investment projects, in: *Proceedings of the Third Granberg Conference*, Collection of reports from the All-Russian conference with international participation dedicated to the memory of Academician A. G. Granberg, Novosibirsk, p. 276—279 (in Russ.).
20. Salita, S. V., Golubtsova, O. A. 2022, Analysis of trends in socio-economic development of the region in the format of sustainable development, *Vestnik of Lugansk Vladimir Dahl National University*, № 9, p. 133—138 (in Russ.).
21. Sheveleva, N. A. 2023, Development of approaches to the economic evaluation of decarbonization projects in the oil and gas complex, *Problems of economics and management of oil and gas complex*, № 8, p. 28—36 (in Russ.), [http://doi.org/10.33285/1999-6942-2023-8\(224\)-28-36](http://doi.org/10.33285/1999-6942-2023-8(224)-28-36)

22. Nekhoroshkov, V.P., Sokolova, D.A. 2022, The impact of decarbonization trends on the development of the coal industry, *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika*, № 6-2, p. 100–104, <http://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-6-2-100-104>
23. Ilyinsky, A.A., Kalinina, O.V., Khasanov, M.M., Afanasiev, M.V., Saitova, A.A. 2022, Decarbonization of the oil and gas complex: priorities and organizational models of development, *Sever I Rynok Formirovanie Ekonomiceskogo Poradka*, vol. 25, № 1, p. 33–46, <http://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2022.75.003>
24. Kalitseva, K.A., Charaeva, M.V. 2023, Development and systematization of indicators of sustainable development of south Russian regions based on the concept of sustainable development, *Finances, money, investments*, № 3, p. 3–9, http://doi.org/10.36992/2222-0917_2023_3_3
25. Preobrazhensky, B.G., Fedorov, Ya. A. 2023, Environmentally sustainable development as a paradigm of modern policy of ecological development of regions, *Region: systems, economy, management*, № 4, p. 12–28, <http://doi.org/10.22394/1997-4469-2023-63-4-12-28>
26. Borodin, S.N. 2023, A Model for Assessing Regional Sustainable Development Based on the Index Method, *Economy of Regions*, vol. 19, № 1, p. 45–59, <http://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-4>
27. Aleshnikova, V.I., Burtseva, T.A. 2023, Integral measurer of environmental development of regions, *Region: Systems, Economy, Management*, vol. 61, № 2, p. 41–49, <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2023-61-2-41-49>
28. Alferova, T.V. 2020, Sustainable development of the region: Approaches to selecting evaluation indicators, *Perm University Herald. Economy*, vol. 15, № 4, p. 494–511, <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-4-494-511>
29. Hickel, J. 2020, The sustainable development index: Measuring the ecological efficiency of human development in the Anthropocene, *Ecological Economics*, № 167, art. № 106331, <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.05.011>
30. Bardakhanova, T.B., Eremko, Z.S., Munkueva, V.D. 2019, Methodical approach to the integrated assessment of the level of ecological and economic development of regions, *Business. Education. Law*, № 3, p. 26–31, <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2019.48.305>
31. Bobylev, S.N., Kudryavtseva, O.V., Solovyeva, S.V., Sitkina, K.S. 2018, Sustainable development indicators: regional dimension, *Lomonosov Economics Journal*, № 2, p. 21–33 (in Russ.), <https://doi.org/10.38050/01300105201822>

The author

Dr **Valeriy I. Belov**, Professor, the Department of Economics and Management, Pushkin Leningrad State University; Professor, the Department of Economics, Northwestern Institute of Management, Branch of RANEPA, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-2910-3014>

E-mail: v.i.belov@bk.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

СУJPVR

НЕРАВЕНСТВО И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

С. Н. Растворцева^{1, 2} **Е. Э. Колчинская**^{1, 3} **С. А. Панасюк**¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Россия, Москва, Ленинградский просп., 49/2

³ Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 190005, Россия, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25а

Поступила в редакцию 16.11.2025 г.

Принята к публикации 24.02.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-8

© Растворцева С. Н., Колчинская Е. Э., Панасюк С. А., 2026

Актуальность исследования обусловлена нарастанием цифрового неравенства между регионами России на фоне стремительного развития технологий. Диспропорции в уровне цифровизации консервируют существующие межрегиональные разрывы и создают риски концентрации инфраструктуры и кадрового потенциала в ограниченном числе субъектов. Цель исследования — выявить и количественно оценить динамику и пространственную структуру цифрового неравенства в регионах России (2011—2023), дифференцируя его на первичный — инфраструктурный (доступ к интернету) и вторичный — кадрово-компетентностный (занятость в ИКТ) уровни. Методология объединяет картографические методы квантильной классификации, оценку неравенства по индексу Джини, ядерной плотности (KDE) и пространственной автокорреляции по индексу Морана для верификации эффектов соседства. Результаты свидетельствуют о разнонаправленной динамике — устойчивое сокращение инфраструктурного разрыва в доступе к интернету сопровождается усилением концентрации кадрового потенциала в ИКТ. Подтверждена значимая пространственная автокорреляция, проявляющаяся в формировании устойчивых кластеров регионов-лидеров и аутсайдеров. Доказано, что ключевой вызов регионального развития смещается к преодолению вторичного разрыва, что требует перехода от универсальной инфраструктурной политики к адресным мерам, стимулирующим диффузию цифровых компетенций и развитие человеческого капитала в периферийных регионах.

Ключевые слова:

цифровое неравенство, региональное развитие, мобильный интернет, фиксированный интернет, эффекты соседства

Введение

Актуальность проблемы межрегионального цифрового неравенства проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, оно становится значимым барьером технологического развития страны. Исследования фиксируют взаимосвязь уровня циф-

Для цитирования: Растворцева, С. Н., Колчинская, Е. Э., Панасюк, С. А. 2026, Неравенство и пространственные эффекты в развитии цифровой экономики российских регионов, *Балтийский регион*, т. 18, № 1, с. 134–158, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-8

ровизации с социально-демографическими характеристиками. Доля пользователей интернета зависит от типа поселения [1], распространение мобильного интернета — от среднедушевых доходов [2], а доступ к сети — от возраста, доходов и образования жителей [3]. Цифровое неравенство не сводится к различиям в доступе к технологиям, оно воспроизводит и углубляет сложившиеся социально-экономические диспропорции [4].

Во-вторых, приоритетной задачей региональной политики выступает эмпирическая верификация «эффекта соседства» в процессах цифровизации. Хотя теоретически пространственная близость способна ускорять диффузию технологий [5], эти процессы в условиях высокой пространственной дифференциации России [6] исследованы фрагментарно и нуждаются в системном мониторинге [7].

В-третьих, установлена связь между цифровым развитием и доходами населения. Цифровизация оказывает неоднородное влияние на распределение доходов в различных регионах [2], например, для Китая выявлено нелинейное (инвертированное U-образное) воздействие цифровой экономики на доходное неравенство [8].

Цель исследования — выявить и количественно оценить динамику и пространственную структуру цифрового неравенства в регионах России, дифференцируя его на первичный (инфраструктурный) — доступ к мобильному и фиксированному интернету — и вторичный (кадрово-компетентностный) — занятость в сфере ИКТ — уровни.

В качестве задач исследования были определены следующие: (1) оценить динамику регионального неравенства по показателям доступа к мобильному и фиксированному интернету (2011—2023) с использованием индекса Джини и кривых Лоренца; (2) проанализировать изменение концентрации занятости в ИКТ по регионам с помощью индекса Джини и метода ядерной оценки плотности (KDE); (3) выявить пространственные кластеры регионов по каждому из трех показателей (мобильный интернет, фиксированный интернет, занятость в ИКТ) с расчетом глобального и локального индексов Морана; (4) проверить наличие и направленность эффектов соседства для каждого уровня цифрового разрыва.

Сложившиеся тенденции обнаруживают противоречие: технологическая логика и государственная политика ориентированы на выравнивание инфраструктуры, тогда как исследования фиксируют устойчивую связь цифровизации с социально-экономическим расслоением и неоднородность пространственных эффектов. Это позволяет предположить, что динамика инфраструктурного и кадрового разрывов может быть несинхронной, а влияние соседства — неодинаковым для разных аспектов цифрового развития. Отсюда следуют гипотезы исследования.

Н1: Инфраструктурное цифровое неравенство (первичный разрыв) между регионами России сокращается, что проявляется в снижении индекса Джини для показателей проникновения мобильного и фиксированного интернета.

Н2: Кадрово-компетентностное цифровое неравенство (вторичный разрыв) усиливается, что выражается в росте индекса Джини для доли занятых в ИКТ и формировании многомодального распределения по методу KDE.

Н3: Для всех трех показателей цифровизации существует положительная пространственная автокорреляция, подтверждаемая статистически значимыми значениями индекса Морана.

Н4: Эффекты соседства проявляются по-разному — для инфраструктурных показателей они способствуют конвергенции, а для занятости в ИКТ воспроизводят поляризацию (кластеры лидеров и аутсайдеров).

Научная проблематика данного исследования — выявление и объяснение механизмов воспроизводства пространственного цифрового неравенства в условиях формального снижения инфраструктурного разрыва, что проявляется в формиро-

вании устойчивых иерархических кластеров регионов-лидеров и аутсайдеров и нарастающей концентрации кадрово-компетентностного потенциала в ограниченном числе территорий.

Теоретические основы исследования

Цифровое неравенство (*Digital Inequality*) — это разрыв в возможностях доступа, использования и извлечения выгод из цифровых технологий, обусловленный различиями в цифровом и социальном контексте, навыках и способах использования интернета [9]. Оно охватывает не только доступ к инфраструктуре (широкополосный и мобильный интернет [10]), но и уровень цифровых компетенций, доступность контента и сервисов.

На эффективность использования цифровизации влияют четыре фактора [9]: 1) технические средства (качество устройств, программ, скорость интернета [11]); 2) автономность использования (доступ в нужное время и место, свобода использования); 3) сети социальной поддержки (помощь опытных пользователей); 4) опыт (уровень цифровой грамотности).

Эффект соседства (пространственный эффект) — феномен взаимного влияния уровней цифровизации географически близких территорий через перетекание (*spillover*) неявных знаний, инноваций или мер политики с возникновением внешних эффектов для региональной конкурентоспособности.

Рассмотрим некоторые академические исследования по цифровому неравенству и эффектам соседства (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые исследования в сфере цифрового неравенства
и определения эффектов соседства

Ключевые выводы	Автор, год исследования
Пространственный анализ выявил кластеризацию цифрового неравенства в ЕС; «эффект соседства» влияет на конкурентоспособность, что требует проведения соответствующей межрегиональной политики	Tislenko M., 2024 [12]
Цифровая экономика повышает доходы и способствует сокращению неравенства через индустриализацию и инклюзивные инициативы	Shen C. et al., 2025 [13]
Цифровая экономика порождает пространственные «переливы», усиливающиеся действием законов Мура и Меткалфа	Zhao & Zhang, 2020 [14]
Увеличение разрыва в оплате труда и доходах в развитых странах во многом обусловлено технологическими изменениями	Card & DiNardo, 2002 [15]
Цифровое неравенство обусловлено образованием, доходом, местом проживания и статусом, усиливая социальные барьеры. Преодоление требует инфраструктурных, образовательных и инклюзивных мер	Heeks, 2022 [4]
Цифровое неравенство ограничивает доступ к институтам; важны цифровая инклюзия и развитие грамотности для полноценного участия в экономике	Sharma et al., 2018 [16]

Выделяют три уровня цифрового неравенства [1]: (1) в доступе — различия в подключении к интернету [17; 18] и распространении технологий, инновационная активность промышленности высоко коррелирует с уровнем цифровизации

[19]; (2) в навыках — различия в компетенциях [20] и качестве человеческого потенциала, при высоком уровне доступа именно число специалистов и цели использования технологий определяют неравенство; (3) в возможностях — разрыв в применении цифровых технологий в повседневной жизни и деятельности компаний [4].

Для выравнивания региональных различий важно учитывать специфику первичного и вторичного цифрового разрыва. Первичный разрыв — неравенство в физическом доступе к ИКТ (компьютеры, интернет, мобильная связь). Он проходит между странами и внутри них — между городскими и сельскими жителями, группами с разным доходом, образованием [21] и возрастом. Традиционные исследования (например, Международного союза электросвязи) отслеживали именно этот уровень, измеряя проникновение широкополосного доступа и мобильной связи¹.

По мере распространения базового доступа стало очевидно, что наличие подключения не гарантирует равных возможностей. В дополнение к первичному сформировалось понятие вторичного цифрового разрыва (П. Димаджо, Э. Харгиттай), фокусирующееся на качестве доступа и навыках использования технологий. Этот разрыв проявляется в различии компетенций — одни используют интернет для работы, образования и гражданской активности, другие ограниченно, для развлечения и общения. Неравенство в навыках сохраняется даже при всеобщем физическом доступе [22]. Вторичный разрыв, связанный с человеческим и социальным капиталом, усугубляет социальное неравенство в экономике знаний. Как подчеркивает ОЭСР, цифровая грамотность становится ключевым фактором стратификации и ее преодоление требует не столько инфраструктурных инвестиций, сколько образовательных программ и инклюзивного контента.

Фокус на первых двух уровнях методологически обоснован, официальная статистика позволяет выявить структурные предпосылки неравенства. Сокращение первого и усиление второго разрыва указывают на вероятность обострения в будущем разрыва возможностей (третий уровень), что задает повестку для последующих качественных исследований.

Эффекты соседства не всегда решают проблемы неравенства. Вопреки ожиданиям цифровые сети скорее трансформируют и воспроизводят географические различия, создавая изолированные сообщества. Успешные проекты не тиражируются повсеместно, что требует от властей мер, стимулирующих межтерриториальные связи для информационной справедливости.

В исследовании проводится терминологическое различие. Цифровое неравенство — многомерное состояние, система диспропорций между регионами, статистически измеряемое распределение (индекс Джини). Цифровой разрыв — конкретное проявление этого неравенства между группами (например, лидерами и аутсайдерами), «расстояние» между полюсами. Неравенство — общая характеристика распределения, разрыв — его структурное следствие. Усиление неравенства (рост индекса Джини) углубляет разрыв. Анализ «неравенства» (индексы Джини, Морана, KDE) служит основой для выводов о динамике инфраструктурного и кадрового «разрывов».

¹ Напр., Measuring digital development Facts and Figures 2025, 2025, ITU. *Telecommunication Development Sector*, URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2025/> (дата обращения: 03.02.2026) ; Global Connectivity Report 2025, 2025, ITU. *Development Sector*, URL: https://www.itu.int/hub/publication/D-IND-ICT_MDD.GCR-2025-4/ (дата обращения: 03.02.2026).

Методология исследования

Методический аппарат включает несколько подходов.

1. Картографические методы с квантильной кластеризацией визуализируют региональные различия в доступе к цифровым технологиям и занятости. Разбиение на равные группы выявляет мобильность или закрепление классов неравенства, обеспечивая сравнительный анализ сдвигов в цифровом развитии.

2. Индекс Джини и кривая Лоренца измеряют неравенство в доступности связи и доле занятых в ИКТ. Инструмент применялся для оценки цифровой инфраструктуры в федеральных округах [23] и на международном уровне, выявляет концентрацию технологий в развитых районах [4].

3. Ядерная оценка плотности (KDE) [24; 25] анализирует распределение регионов по показателям цифровизации. Плавная кривая KDE лучше гистограммы отражает форму распределения (нормальное, бимодальное, скошенное); множественные пики указывают на кластеризацию, а разброс — на разрыв между лидерами и аутсайдерами [26].

4. Пространственная автокорреляция (индекс Морана) выявляет эффекты соседства. Индекс оценивает связь значений в соседних регионах, фиксируя кластеризацию (положительная автокорреляция) или противоположность (отрицательная). Значения от -1 (рассеяние) до $+1$ (полная кластеризация); близость к 0 — случайное распределение. Ю.Г. Лаврикова и А.В. Суворова на примере ряда регионов показали влияние географического положения на концентрацию населения и промышленности [27]; другие исследования подтверждают значимость пространственных эффектов для стратегий развития [28; 29].

Пространственная автокорреляция (индекс Морана) — это статистическое свойство, фиксирующее кластеризацию схожих значений. Эффект соседства — предполагаемый механизм (диффузия технологий, знаний, ресурсов или политики). Значимая автокорреляция — необходимое, но не достаточное условие для *spillover*-эффектов: кластеризация может быть обусловлена общими внешними факторами (политика, структура экономики, исторические особенности). Исследование устанавливает факт устойчивой пространственной кластеризации, создавая основу для изучения конкретных механизмов.

Объекты исследования – регионы России, по которым за период 2011—2023 гг. имеются необходимые для анализа статистические данные¹, источник — Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Это обеспечивает репрезентативность и единую методологию сбора. Для обеспечения сопоставимости рядов данных за 2011—2023 гг. были предприняты следующие меры: (1) показатели численности абонентов мобильного и фиксированного широкополосного доступа (на 100 чел.) формировались Росстатом по единой методике на всем временном промежутке, гарантируя сопоставимость ряда; (2) для показателя занятости в ИКТ в анализируемый период произошел переход с ОКВЭД-2001 на ОКВЭД2-2014, поэтому использовались официальные пересчитанные ряды Росстата по агрегированной группировке «Деятельность в области ИКТ», что позволяет нивелировать разрыв, связанный со сменой классификатора. Таким образом, динамика показателя отражает реальные изменения в структуре занятости.

¹ Для обеспечения сопоставимости данных сформирована сбалансированная панель регионов в границах 2023 г. Показатели по Республике Крым и Севастополю доступны с 2014 г., поэтому при расчетах индекса Джини и KDE за 2011—2013 гг. эти субъекты исключались. Матрица смежности для индекса Морана построена для 85 регионов, но в расчетах до 2014 г. Крым и Севастополь не участвовали из-за отсутствия данных.

Все расчеты и карты выполнены авторами по унифицированным рядам. Исходные данные доступны в статсборниках и на сайте Росстата.

Результаты исследования

География цифровизации и пространственное распределение

Потребление мобильного широкополосного доступа — один из индикаторов цифровизации. Рост показателя отражает доступность сервисов, ликвидацию цифрового разрыва, повышение качества услуг (скорость, стабильность, цена) и цифровую инклюзивность (использование интернета в медицине, образовании, госсекторе). Показатель не должен стремиться к 100 %, то есть целевая ситуация — доступ для всех, кто нуждается и готов пользоваться. Сегодня проникновение в России достигло высокого уровня, но сохраняется значительный межрегиональный разрыв (рис. 1). Развитие инфраструктуры в отстающих субъектах — важная задача обеспечения равного доступа к цифровым услугам.

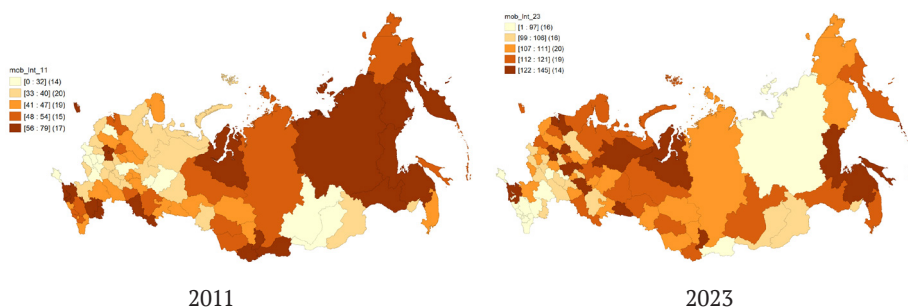

Рис. 1. Картограмма регионов России по численности активных абонентов мобильного широкополосного доступа к интернету, чел. на 100 чел., в 2011 и 2023 гг., квантили¹

Составлено по данным Росстата, программный пакет GeoD А. География регионов — на 2023 г. В скобках — число регионов в диапазоне.

За анализируемый период во всех регионах отмечен значительный рост проникновения мобильного интернета. Если в 2011 г. значения по большинству субъектов составляли 30—60 абонентов на 100 чел., то к 2023 г. показатель почти везде превысил 100, что свидетельствует о массовом распространении технологии. Наибольшие значения демонстрируют Санкт-Петербург и Ленинградская область (145,4), Ямало-Ненецкий АО (143), Москва и Московская область (142,5).

Высокий показатель в ЯНАО объясняется сочетанием факторов: развитая нефтяная промышленность обеспечивает высокие доходы и платежеспособный спрос; «точечная» модель расселения (админцентры и вахтовые поселки) делает развертывание сетей экономически целесообразным; для населения в условиях Крайнего Севера мобильный интернет — это основной канал связи с внешним миром, а бизнес-сегмент представлен крупными корпорациями ТЭК со стабиль-

¹ Для верификации полученных результатов о распределении регионов по показателю была проведена дополнительная проверка на устойчивость выводов. Построение картограмм по методу фиксированных интервалов (equal intervals) вместо квантилей не изменило общей географической картины.

ным спросом на передачу данных. Таким образом, экономическое благополучие, компактная урбанизация и социально обусловленный спрос перевешивают инфраструктурные вызовы удаленных территорий.

Высокие показатели также характерны для Татарстана (126,9), Хабаровского края (139,6) и Калининградской области (117,9). По среднегодовым темпам прироста лидируют Иркутская (16,88 %) и Нижегородская (15,56 %) области, Пермский край (13,92 %). С 2017 г. рост ускорился благодаря расширению сетей 4G и доступности тарифов; в 2020—2021 гг. дополнительный импульс дала пандемия COVID-19. В 2022—2023 гг. темпы роста замедлились, что может указывать на насыщение рынка.

Еще одним показателем цифровизации является фиксированный интернет как численность активных абонентов доступа (чел. на 100 чел.) (рис. 2).

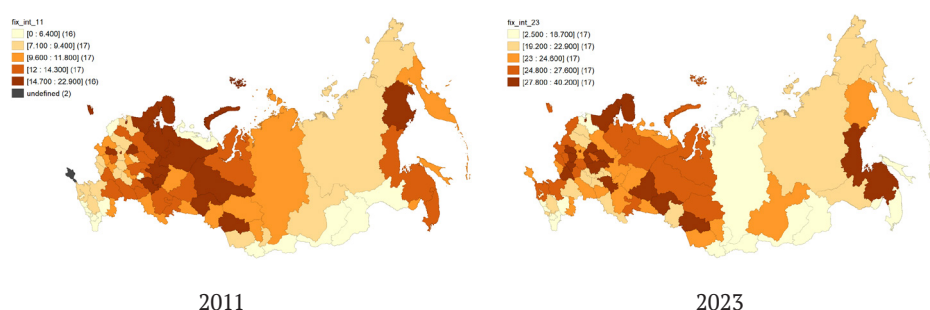

Рис. 2. Картограмма регионов России по численности активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к интернету, чел. на 100 чел., в 2011 и 2023 гг., квантилей

Составлено по данным Росстата, программный пакет GeoD A. География регионов — на 2023 г. В скобках — число регионов в диапазоне.

Анализ фиксированного широкополосного доступа демонстрирует устойчивый рост в большинстве регионов: средние значения увеличились с 10—15 абонентов на 100 чел. в 2011 г. до 20—30 к 2023 г. Наиболее высокие темпы роста — у регионов с исходно низким уровнем подключений: Республика Крым (с 0,5 в 2014 г. до 23,1 в 2023 г.), Ненецкий АО (с 2,8 в 2016 г. до 24,0 в 2023 г.), Чеченская Республика (с 0,1 в 2011—2013 гг. до 6,6 в 2023 г.).

Наибольшие значения зафиксированы в Карелии (40,2), Мурманской области (36,0), Москве (35,8) и Новосибирской области (35,1); наименьшие — в Ингушетии (2,5), Адыгее (7,9) и Тыве (9,9). Это указывает на сохранение значительного цифрового неравенства, обусловленного экономическими, инфраструктурными и географическими факторами.

В Москве и Санкт-Петербурге, где показатель изначально был выше среднего, темпы роста ниже (Москва: 22,9—35,8; Санкт-Петербург: 19,0—28,5), что может объясняться насыщением рынка и переходом пользователей на мобильный интернет.

В отдельных регионах наблюдалось снижение показателя: Красноярский край (16,9—15,9), Республика Коми (30,2—25,7). Это связано со сдвигом спроса в пользу мобильных технологий, сокращением населения и миграционным оттоком (в Республике Коми).

В удаленных регионах (Дальний Восток, Северный Кавказ) темпы роста ниже среднероссийских из-за инфраструктурных сложностей. Однако единичные случаи (Чукотский АО — 7,6—21,5) демонстрируют резкие скачки благодаря реализации целевых программ¹.

Занятость в ИКТ (удельный вес занятых в секторе, рис. 3) — ключевой индикатор технологического развития и конкурентоспособности региона. Показатель отражает вовлеченность населения в высокотехнологичные отрасли, качество человеческого капитала, развитие цифровой инфраструктуры и способность адаптироваться к вызовам цифровой эпохи. Рост доли занятых в ИКТ связан с повышением производительности труда и сокращением цифрового неравенства за счет обеспечения доступа к современным инструментам коммуникации и обработки данных для бизнеса и населения.

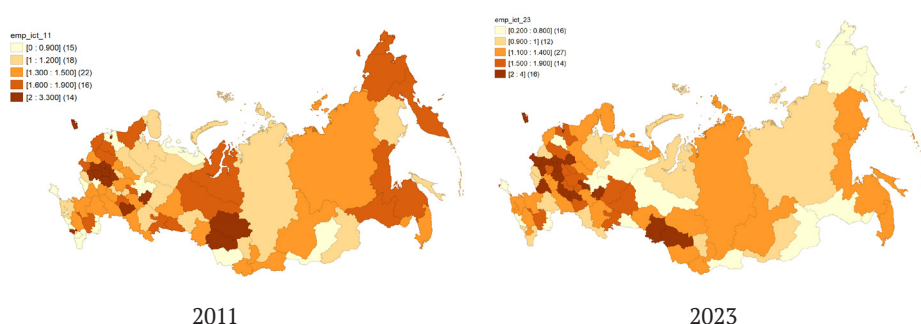

Рис. 3. Картограмма регионов России по занятости в ИКТ, %, в 2011 и 2023 гг., квантилей

Составлено по данным Росстата, программный пакет GeoD А. География регионов — на 2023 г. В скобках — число регионов в диапазоне.

Анализ занятости в ИКТ выявляет устойчивые тенденции и региональные особенности. Наиболее высокие значения наблюдаются в крупных технологических центрах: Москва (4,0 % в 2023 г.), Санкт-Петербург (3,2 %), Московская область (2,7 %), что подтверждает концентрацию кадров и инфраструктуры в городах с развитой научно-образовательной средой. Высокая доля занятых также фиксируется в Калужской (3,8 %), Новосибирской областях (3,0 %) и Удмуртской Республике (3,3 %).

В регионах с сырьевой ориентацией (Ханты-Мансийский АО — 0,4 %, Ямало-Ненецкий АО — 0,9 %) показатель снижен из-за слабой диверсификации занятости. Низкие значения характерны для ряда регионов Северного Кавказа (Чеченская

¹ Преодоление инфраструктурных ограничений было заявлено ключевой задачей развития Чукотского АО с 2013 г. в госпрограмме «Информационное общество» (Постановление Правительства Чукотского АО от 21.10.2013 г. №402, URL: <https://docs.cntd.ru/document/460193813> (дата обращения: 06.02.2026)) и Стратегии цифровой трансформации региона (утв. 07.08.2021) (URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/690338-690403.pdf> (дата обращения: 06.02.2026)). Основопологающая цель — создание устойчивой инфраструктуры для высокоскоростной передачи данных, доступной всем организациям и домохозяйствам округа. Конкретные задачи включают обеспечение доступа к интернету с предоставлением разового бесплатного трафика (1 Гб) и снижение стоимости доступа до среднего уровня по Дальневосточному ФО.

Республика — 1,1 %, Республика Ингушетия — 0,7 %) и Дальнего Востока (Амурская область — 0,3 %, Чукотский АО — 0,2 %), где развитие ИКТ-сектора находится на начальном этапе.

Анализ подтверждает значительную межрегиональную дифференциацию в цифровизации, связанную с уровнем экономического развития, наличием центров компетенций и государственной поддержкой.

Неравенство регионов по уровню цифровизации

Цифровое неравенство среди регионов России можно оценить индексом Джини и визуализировать кривой Лоренца. Кривая Лоренца (рис. 4) показывает, что меньшее неравенство наблюдается в распределении мобильного интернета и оно снижается со временем.

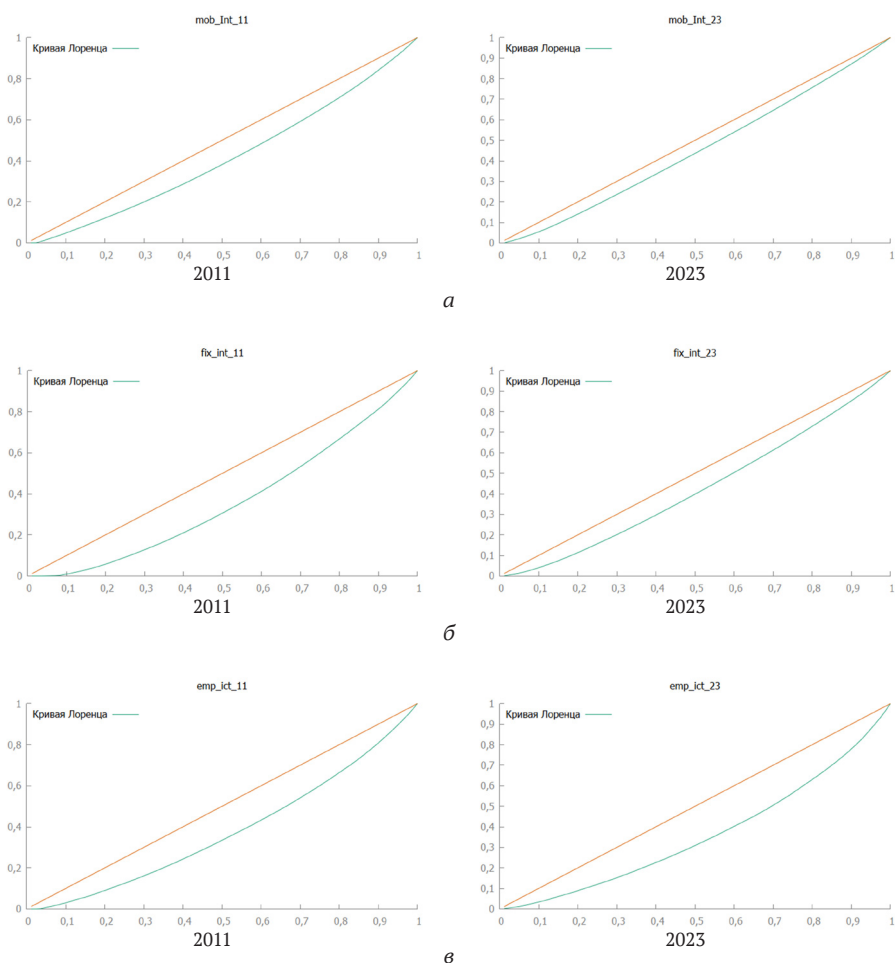

Рис. 4. Кривая Лоренца по показателям цифровизации для регионов России в 2011 и 2023 гг.: *а* — по численности активных абонентов мобильного широкополосного доступа к интернету; *б* — по численности активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к интернету; *в* — по занятости в ИКТ

Составлено по данным Росстата, программный пакет Gretl.

Наибольшее и возрастающее неравенство фиксируется по доле занятых в ИКТ, что свидетельствует о вторичном цифровом разрыве: преимущества цифровизации получают регионы, развивающие человеческий потенциал. Динамика первичного (доступ к интернету) и вторичного (занятые в ИКТ) неравенства отражена в индексе Джини (табл. 2 и рис. 5)¹.

Таблица 2

Динамика индекса Джини по показателям цифровизации
в регионах РФ в 2011 – 2023 гг.

Период	Мобильный интернет	Фиксированный интернет	Занятые в ИКТ
2011	0,171	0,277	0,243
2012	0,164	0,260	0,232
2013	0,170	0,257	0,241
2014	0,153	0,243	0,231
2015	0,142	0,228	0,224
2016	0,139	0,217	0,219
2017	0,110	0,203	0,215
2018	0,110	0,182	0,242
2019	0,104	0,175	0,235
2020	0,100	0,170	0,239
2021	0,102	0,164	0,239
2022	0,098	0,161	0,261
2023	0,100	0,153	0,279

Составлено по данным Росстата, программный пакет Gretl.

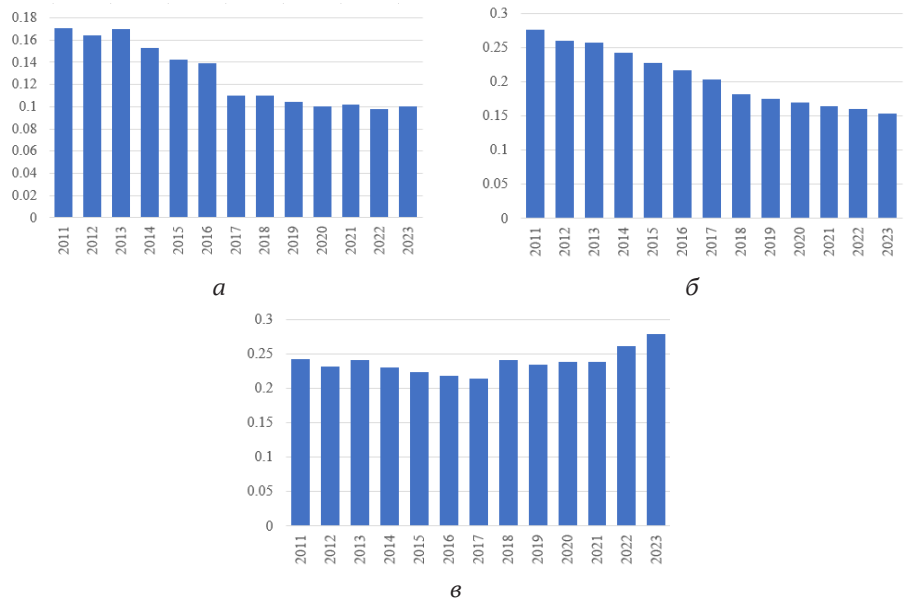

Рис. 5. Динамика индекса Джини по показателям распространения мобильного интернета, фиксированного интернета и численности занятых в ИКТ в регионах РФ в 2011 – 2023 гг., индекс: а – мобильный интернет; б – фиксированный интернет; в – занятые в ИКТ

¹ Для верификации устойчивости выводов дополнительно рассчитан индекс Тейла. Динамика обоих индексов демонстрирует качественно одинаковые тренды: снижение по инфраструктурным показателям и рост по занятости в ИКТ. Это подтверждает, что вывод о дивергенции первичного и вторичного разрыва не зависит от выбора индекса. Расчеты выполнены в Gretl.

Данные таблицы 2 фиксируют устойчивое снижение регионального неравенства в доступе к интернету с 2011 г. Наиболее значительно сократился разрыв по мобильному интернету (индекс Джини — с 0,171 до 0,100). По фиксированному интернету снижение более плавное (с 0,277 до 0,153) при исходно более высоком неравенстве.

Динамика неравенства в занятости в ИКТ разнонаправлена: после снижения до 2017 г. последовал рост, и в 2023 г. индекс достиг максимума (0,279), превысив уровень 2011 г. Это указывает на усиление концентрации кадрового потенциала в ограниченном числе регионов и формирование вторичного цифрового разрыва.

Важно различать относительное и абсолютное неравенство, а также учитывать качество доступа. Снижение индекса Джини по инфраструктурным показателям отражает сокращение относительных диспропорций, но не означает автоматического уменьшения абсолютных разрывов¹. Критически значим разрыв в качестве доступа (скорость, стабильность, цена), напрямую не измеряемый статистикой проникновения. Снижение индекса может быть частично обусловлено эффектом насыщения в регионах-лидерах, тогда как отстающие регионы наращивают подключения на базе менее качественной инфраструктуры. Оценка преодоления первичного разрыва требует комплексного подхода, учитывающего не только количественные, но и качественные параметры.

Оценка ядерной плотности

Вторичный цифровой разрыв наиболее ярко проявляется в территориальном распределении ИКТ-специалистов. Анализ ядерной плотности (KDE) по доле занятых в ИКТ фиксирует тенденцию неоднородного развития цифровой сферы в регионах России (рис. 6).

Анализ ядерной плотности выявил неоднородность распределения занятых в ИКТ. В отдельные годы (2011, 2016) распределение было близко к нормальному. Наиболее длительный период (2012—2013, 2015, 2017—2019, 2021—2023) характеризовался двумя кластерами (с высокой и средней долей). В 2014 и 2020 гг. наблюдалось три пика. Колебания числа пиков отражают динамику концентрации ИКТ-занятости под влиянием экономических, политических и технологических факторов. В целом сохраняется цифровое неравенство: одни регионы становятся центрами развития высокотехнологичных секторов, другие отстают.

Резкий рост индекса Джини и устойчивая пространственная кластеризация по доле занятых в ИКТ указывают на усиление вторичного цифрового разрыва, обусловленное совокупностью факторов:

1) агломерационные эффекты и концентрация спроса — крупные центры формируют самоподдерживающуюся экосистему, спрос на специалистов привлекает кадры и стимулирует их подготовку;

2) неравномерность научно-образовательного комплекса — ведущие технические вузы и исследовательские центры исторически сконцентрированы в немногих регионах, создавая структурное преимущество;

3) миграция квалифицированных кадров — высокие зарплаты, карьерные перспективы и качественная среда в регионах-лидерах вызывают отток выпускников и специалистов из периферии, усугубляя кадровый дефицит;

4) локализация головных офисов — ключевые функции IT-компаний и их статистическая отчетность сосредоточены в столичных агломерациях, что формально «завышает» показатели занятости в ИКТ в этих регионах, не всегда отражая реальную диффузию компетенций.

¹ Например, при росте числа абонентов в регионе-лидере со 140 до 145, а в аутсайдере — с 40 до 80 относительное неравенство (по Джини) сократится, но абсолютный разрыв останется существенным (65 чел. на 100 чел.).

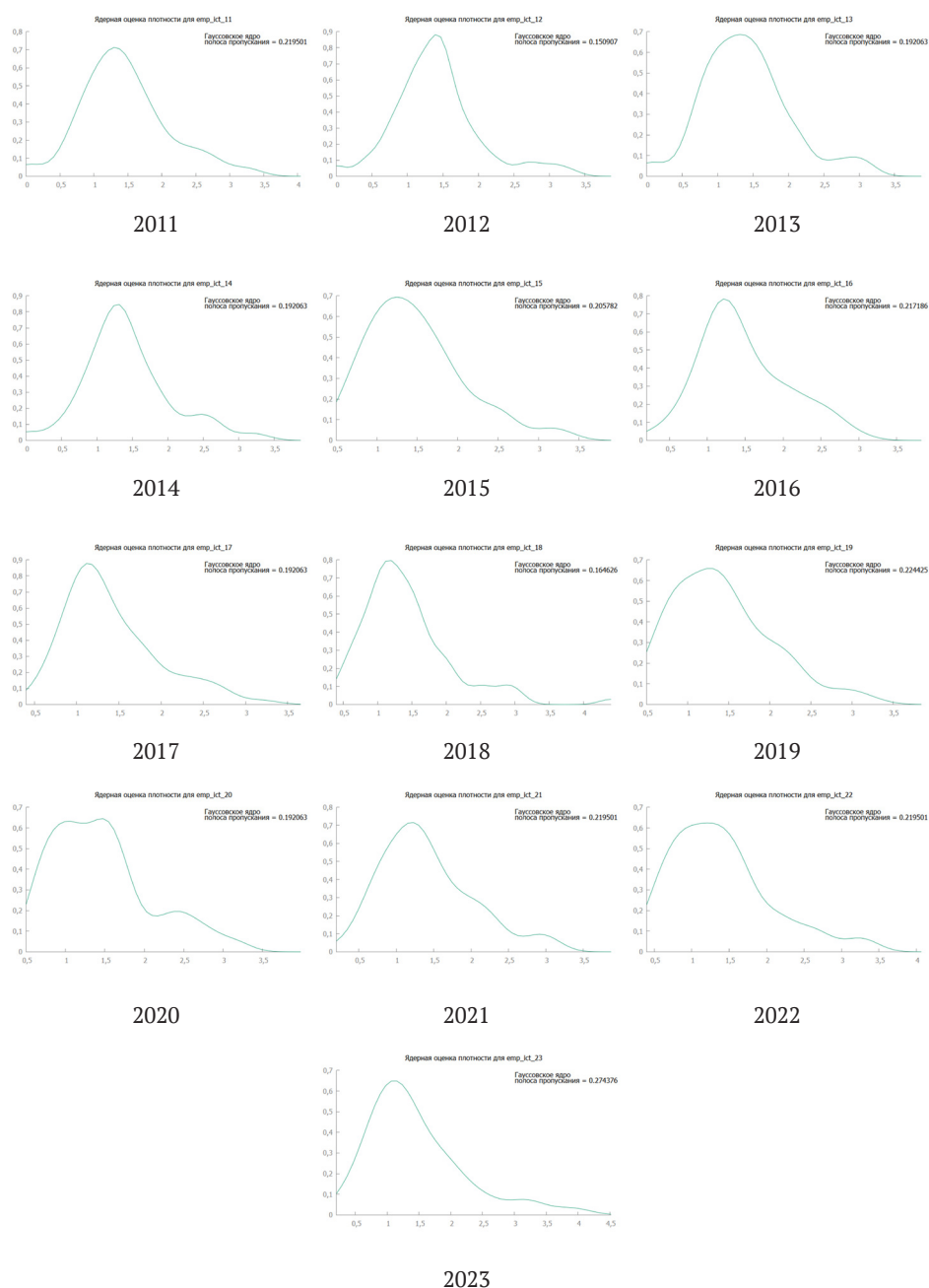

Рис. 6. Оценка ядерной плотности по показателю доля занятых в ИКТ в регионах России в 2011 — 2023 гг.

Составлено по данным Росстата, программный пакет Gretl.

Пространственные эффекты

Пространственные эффекты анализировались по всем трем направлениям: мобильный и фиксированный интернет (первичный разрыв), занятость в ИКТ (вторич-

ный разрыв). Использована бинарная матрица весов (смежность по границе, правило «ферзя») с row-стандартизацией. Картограммы локального индекса Морана представлены на рисунках 7—9.

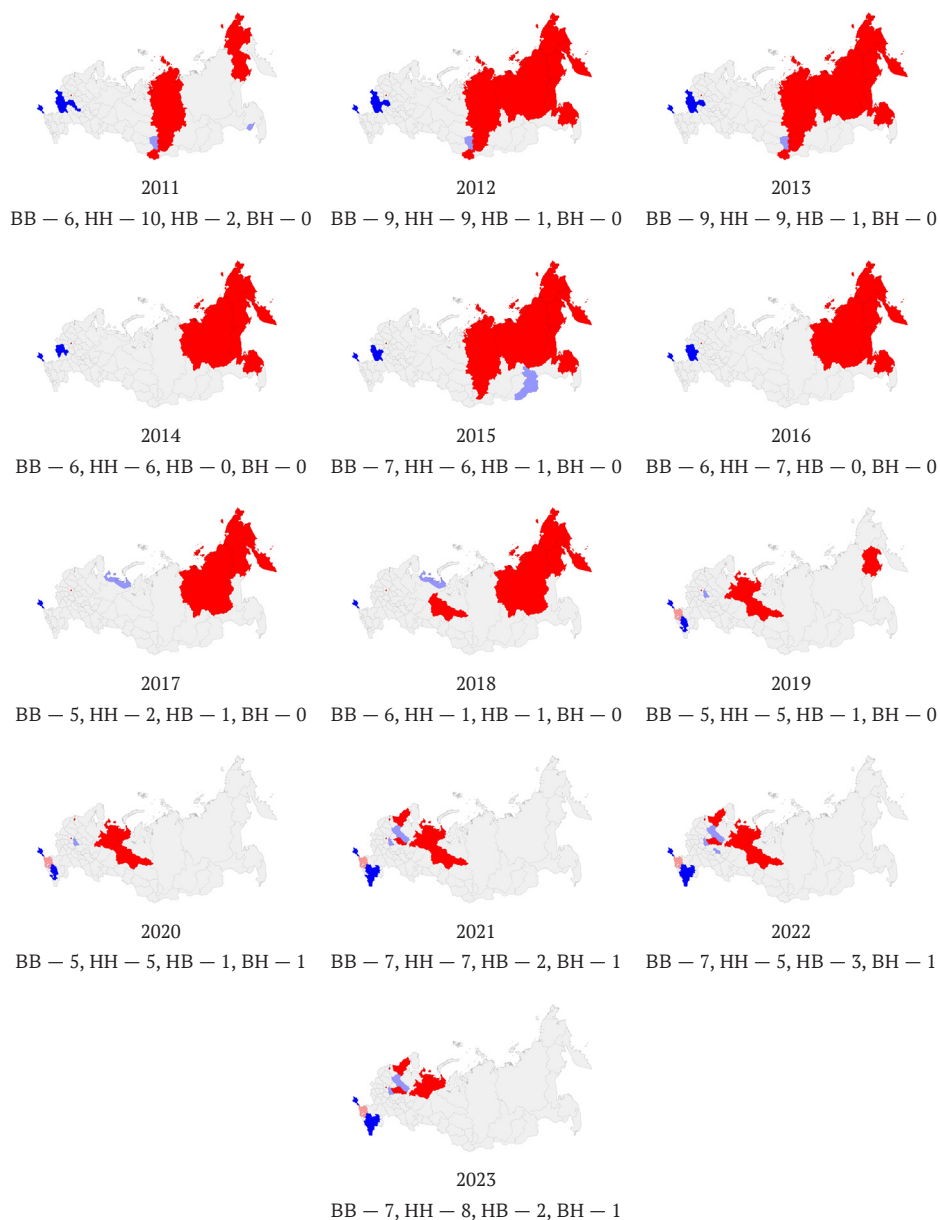

Рис. 7. Картограммы одномерного локального индекса Морана по численности активных абонентов мобильного широкополосного доступа к интернету, чел. на 100 чел., по регионам России в 2011—2023 гг.

Примечание: BB (красные) — высокие значения, окруженные высокими; HH (синие) — низкие среди низких; HB (голубые) — низкие среди высоких; BH (розовые) — высокие среди низких. Для цветных регионов $p\text{-value} = 0,001\text{—}0,05$; серые — статистически незначимы.

Составлено по данным Росстата, программный пакет GeoD A.

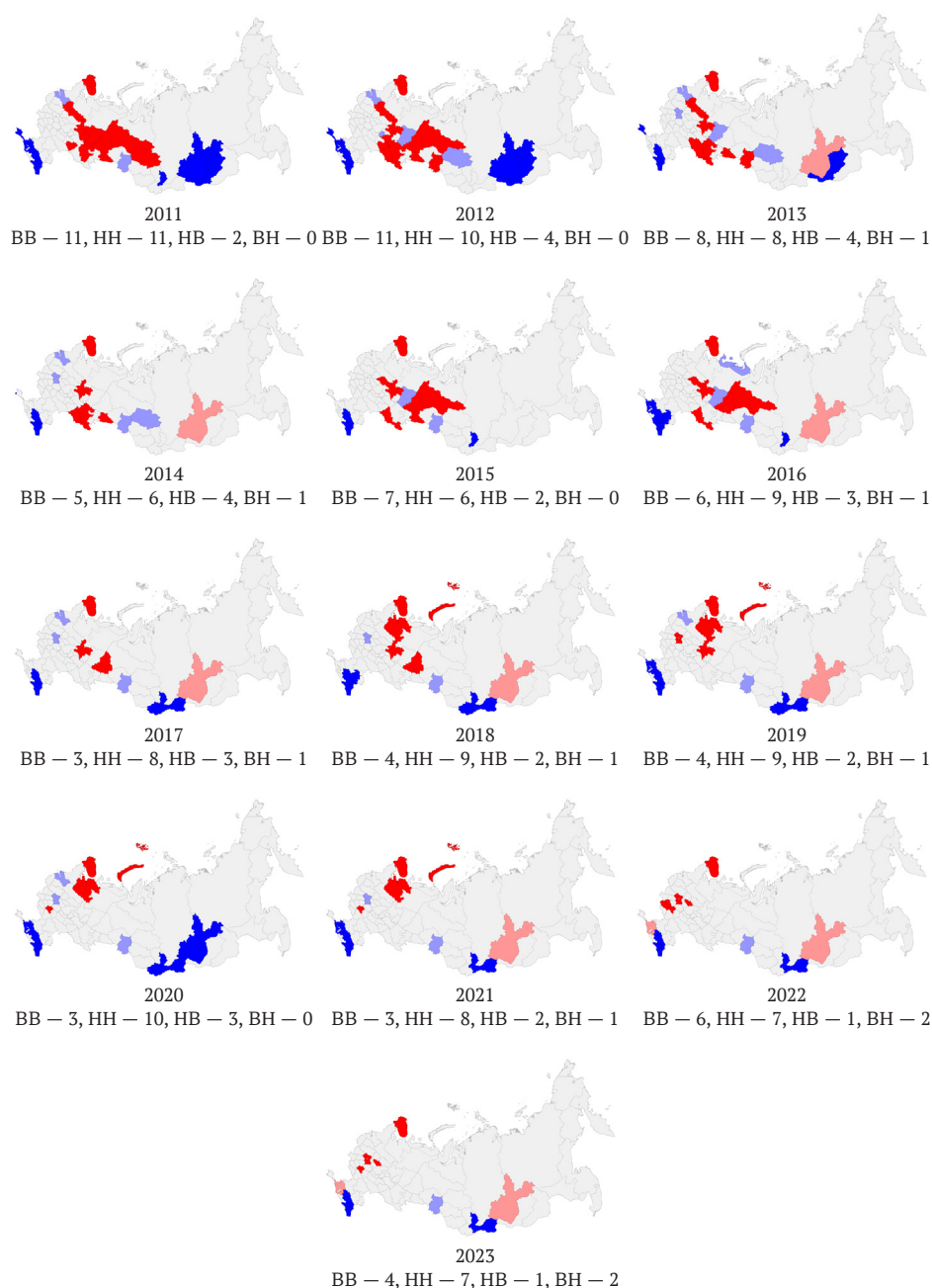

Рис. 8. Картограммы одномерного локального индекса Морана по численности активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к интернету, чел. на 100 чел., по регионам России в 2011—2023 гг.

Примечание: BB (красные) — высокие значения, окруженные высокими; HH (синие) — низкие среди низких; HB (голубые) — низкие среди высоких; BH (розовые) — высокие среди низких. Для цветных регионов $p\text{-value} = 0,001\text{—}0,05$; серые — статистически незначимы.

Составлено по данным Росстата, программный пакет GeoD A.

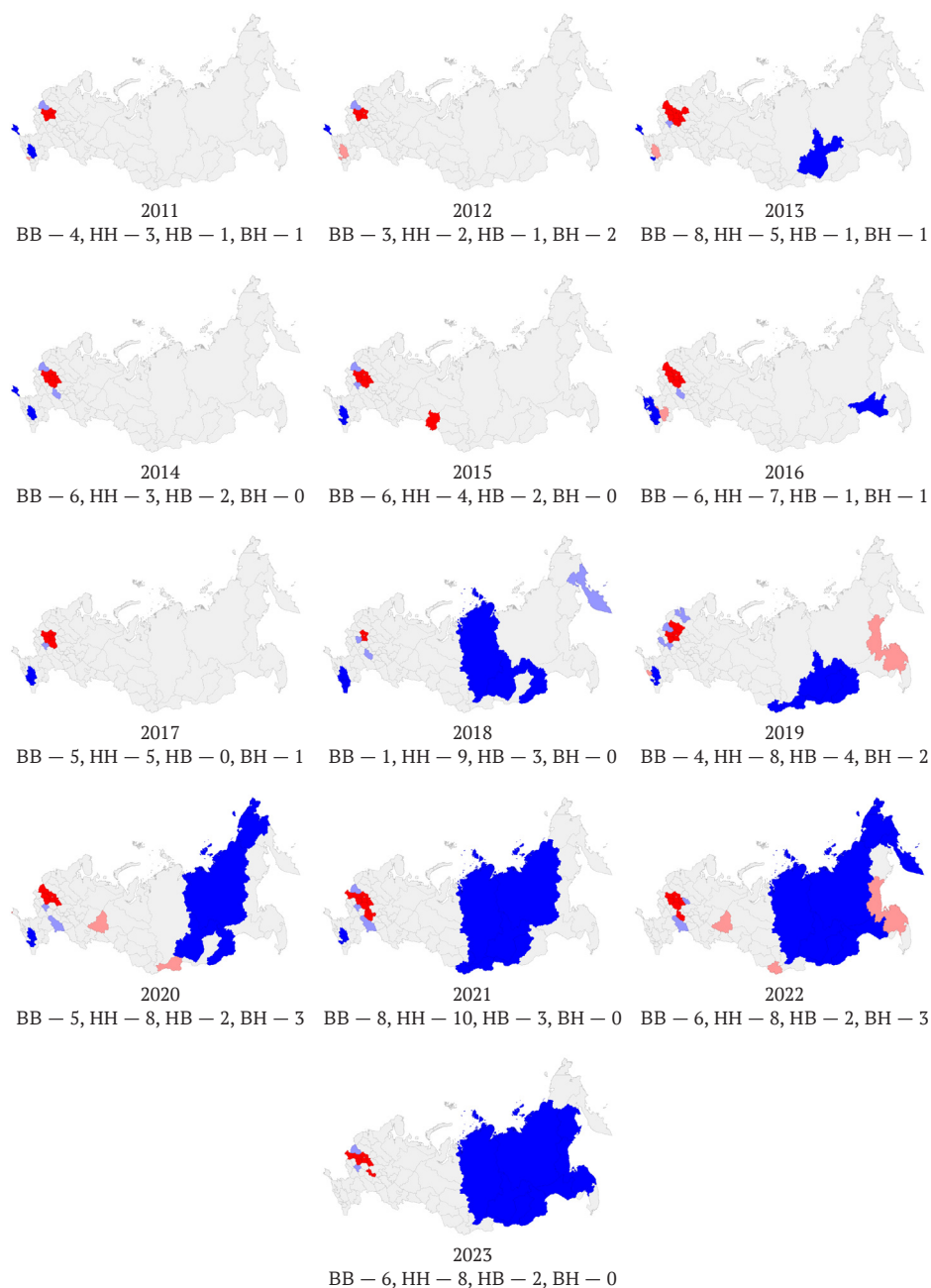

Рис. 9. Картограммы одномерного локального индекса Морана по занятым в ИКТ, %, по регионам России в 2011—2023 гг.

Примечание: BB (красные) — высокие значения, окруженные высокими; HH (синие) — низкие среди низких; HB (голубые) — низкие среди высоких; BH (розовые) — высокие среди низких. Для цветных регионов $p\text{-value} = 0,001\text{—}0,05$; серые — статистически незначимы.

Составлено по данным Росстата, программный пакет GeoD A.

На протяжении всего периода наблюдается устойчивая кластеризация регионов по уровню проникновения мобильного интернета. Регионы с высокими значениями (ВВ) — Москва, Санкт-Петербург, нефтегазовые округа, территории Дальнего Востока — формируют кластеры «цифровых лидеров». Колебания числа кластеров не отменяют сохранения пространственных диспропорций.

Кластеры смешанного типа (ВН, НВ) редки, что указывает на слабое влияние локальных прорывов. Исключение — 2020—2023 гг., когда единичные случаи ВН (Краснодарский край) возникли на фоне менее развитых соседей, вероятно, благодаря точечным инвестициям.

После 2017 г. число кластеров НН сократилось (с 6—10 до 5—8), что может быть связано с реализацией программы «Цифровая экономика» и расширением покрытия. Однако полного выравнивания не произошло.

Индекс Морана на всем периоде положителен и статистически значим (табл. 3), подтверждая пространственную зависимость. Распространение мобильного интернета носит «волновой» характер: технология постепенно диффундирует из центров на периферию, но с задержками и формированием «слепых зон».

Таблица 3

**Динамика индекса Морана по показателям цифровизации
в регионах РФ в 2011—2023 гг.**

Период	Мобильный интернет	Фиксированный интернет	Занятые в ИКТ
2011	0,543	0,383	0,255
2012	0,595	0,39	0,248
2013	0,601	0,344	0,332
2014	0,618	0,283	0,313
2015	0,626	0,315	0,139
2016	0,576	0,369	0,191
2017	0,592	0,342	0,195
2018	0,531	0,407	0,139
2019	0,555	0,38	0,2
2020	0,479	0,363	0,272
2021	0,408	0,393	0,285
2022	0,269	0,382	0,293
2023	0,3884	0,349	0,316

Составлено по данным Росстата, программный пакет Gretl.

Распределение кластеров по фиксированному интернету более разнообразно. До 2016 г. регионы образовывали «пояса» высоких значений, распространяя влияние либо контрастируя с соседями. Динамика индекса Морана подтверждает устойчивую пространственную автокорреляцию.

В 2011—2014 гг. индекс снизился (с 0,383 до 0,283), указывая на ослабление кластеризации и выборочную конвергенцию. В 2015—2018 гг. рост до пика 0,407 отразил усиление дифференциации и очаговый характер распространения технологий. С 2019 г. индекс стабилизировался, оставаясь выше уровня начала периода, что свидетельствует о структурной устойчивости пространственной зависимости.

Высокий уровень вторичного цифрового разрыва по занятости в ИКТ также фиксируется индексом Морана.

Кластеры с высокой долей занятых в ИКТ немногочисленны и сосредоточены преимущественно вокруг Москвы. При этом в Сибири и на Дальнем Востоке формируется зона низких значений (негативная тенденция). В целом пространственная кластеризация по занятости в ИКТ носит устойчивый характер.

Динамика индекса Морана (табл. 3 и рис. 10) волнообразна. После роста в 2011—2014 гг. (пик 0,332 в 2013 г.) последовало резкое снижение до минимума 0,139 в 2015—2018 гг., что может указывать на временную диффузию ИКТ-кадров в периферию. Однако с 2019 г. индекс устойчиво растет, достигнув 0,316 в 2023 г. — уровня, близкого к значениям 2013—2014 гг. Это свидетельствует о возврате и усилении пространственной поляризации: занятость в ИКТ вновь концентрируется в ограниченном числе регионов-лидеров, углубляя межрегиональную дифференциацию.

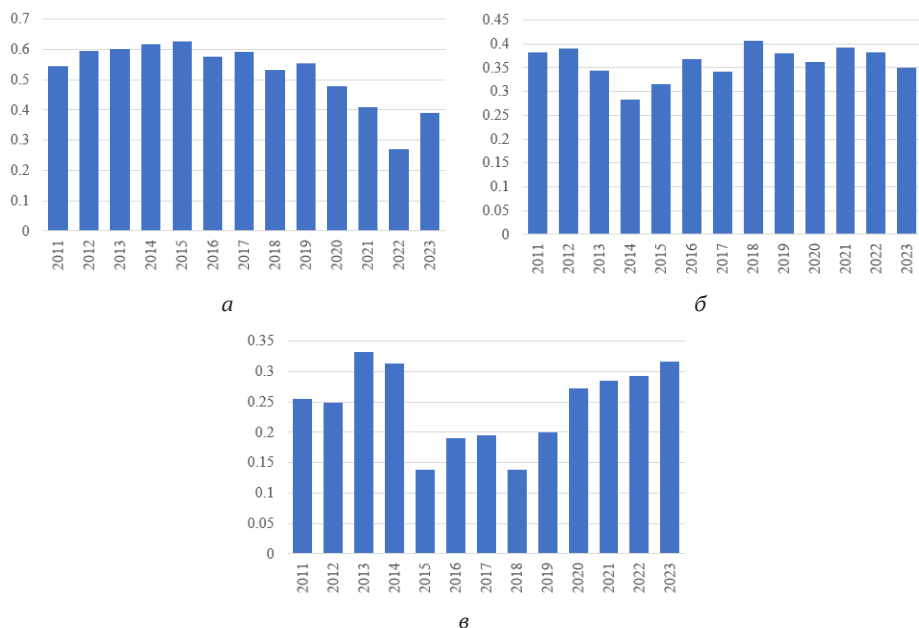

Рис. 10. Динамика индекса Морана по показателям распространения мобильного интернета, фиксированного интернета и численности занятых в ИКТ в регионах РФ в 2011—2023 гг., индекс: а — мобильный интернет; б — фиксированный интернет; в — занятые в ИКТ

Обсуждение результатов

Исследование зафиксировало значительный рост доступности мобильного и фиксированного интернета в России, однако сохраняется выраженная региональная асимметрия. Наиболее высокие темпы роста — у регионов с изначально низким уровнем проникновения, тогда как в развитых субъектах динамика замедляется, что может указывать на насыщение. Дальнейшее сокращение цифрового неравенства требует адресных мер поддержки, особенно в регионах с отстающей телекоммуникационной инфраструктурой.

Выявлены существенные межрегиональные различия в развитии ИКТ-сектора, обусловленные экономическим потенциалом, наличием научно-образовательных центров и мерами господдержки. Для сокращения разрывов необходима адресная политика, стимулирующая спрос на ИКТ-услуги и развитие цифровых навыков населения.

Индекс Морана демонстрирует устойчивую пространственную автокорреляцию, но не позволяет однозначно идентифицировать каузальные механизмы: яв-

ляется ли кластеризация следствием госполитики, эффектов соседства или общих историко-экономических предпосылок — вопрос открыт для дальнейших исследований.

Выявленная поляризация в сфере ИКТ-кадров ставит под сомнение эффективность существующих мер пространственного выравнивания и требует пересмотра подходов к стимулированию диффузии знаний. Ключевая политическая импликация — переход от унифицированных подходов к адресному инструментарию, ориентированному на специфику разных типов кластеров.

Для регионов-лидеров (тип «высокие-высокие») приоритет составляет не сохранение отрыва, а трансформация в национальные «генераторы» цифровых компетенций. Целесообразно создание на их базе федеральных центров компетенций с обязательствами по стажировкам, переподготовке и методической поддержке регионов-аутсайдеров. Региональные власти могут стимулировать ИКТ-компании к созданию распределенных команд и филиалов в партнерских регионах через налоговые льготы, увязанные с созданием рабочих мест вне столичных агломераций. Ключевой механизм — софинансирование программ академической и профессиональной мобильности для перетока кадров и знаний.

Для кластеров-аутсайдеров (НН) центральная задача — интеграция в цифровое пространство. Необходима финансовая поддержка местных предприятий при обязательном привлечении технологов из регионов-лидеров. Властям следует развивать адресные жилищные и образовательные программы («цифровая ипотека», поддержка IT-репатриантов) для привлечения и удержания ИКТ-специалистов. Важный механизм — создание в опорных вузах цифровых кафедр в партнерстве с ведущими университетами из кластеров-лидеров.

Для смешанных кластеров (ВН, НВ) и территорий со средним уровнем развития, имеющих риски отставания, приоритет — использование пространственного взаимодействия для эффекта «подтягивания». Целесообразны совместные межрегиональные проекты в приоритетных сферах (логистика, туризм, АПК) и создание межрегиональных ИКТ-кластеров с поддержкой федерального центра, где «точки роста» стимулируют спрос и компетенции в соседних регионах.

На федеральном уровне целесообразен переход от инфраструктурных грантов к системе «умных» контрактов, увязывающих финансирование с достижением кадровых и кооперационных показателей. Региональным стратегиям цифровой трансформации следует включать блок межрегионального сотрудничества. Бизнес-ассоциации могут стать операторами программ распределенной занятости и наставничества. Таким образом, преодоление цифрового неравенства требует дифференцированных решений и смещения фокуса с инфраструктуры на управление диффузией знаний и человеческого капитала.

Выявленные траектории цифровизации России — сокращение инфраструктурного разрыва при усилении вторичного и его пространственной кластеризации — отражают общие закономерности для стран с выраженной территориальной дифференциацией. Исследования по ЕС и ОЭСР показывают, что по мере насыщения базовой инфраструктурой ключевым вызовом становится неравенство в навыках [12; 22]; феномен «цифровой лестницы» описан для разных контекстов.

Устойчивая пространственная автокорреляция и кластеризация лидеров и аутсайдеров имеют прямые аналогии в других странах и регионах (Кремниевая долина, Шэньчжэнь-Гуанчжоу, столичные территории Европы). Концентрация высокотехнологичных кадров в ограниченных агломерациях — ключевой драйвер роста и источник нового территориального неравенства в эпоху знаний. Специфика России

состоит не в самом факте кластеризации, а в ее экстремальной выраженности и жесткой привязке к иерархии (мощный центр, сырьевые анклавы, обширная периферия).

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует дивергенцию траекторий цифровизации российских регионов. На фоне постепенного сокращения относительного неравенства в доступе к базовой цифровой инфраструктуре (первичный разрыв) сохраняются значительные абсолютные разрывы и вызовы, связанные с качеством подключений. Ключевой угрозой для сбалансированного развития является стремительное нарастание вторичного цифрового разрыва, имеющего кумулятивную природу и подпитываемого агломерационными эффектами, миграцией кадров и неравномерным распределением научно-образовательного потенциала. Устойчивая пространственная кластеризация указывает на то, что рыночные механизмы и географическая близость не приводят к автоматическому выравниванию, а, напротив, воспроизводят иерархию «центр — периферия». Это требует перехода от универсальных инфраструктурных программ к адресной региональной политике, направленной на развитие человеческого капитала, стимулирование инновационной деятельности и создание точек роста цифровой экономики вне сложившихся столичных агломераций.

Возвращаясь к гипотезам, сформулированным во введении, можно констатировать следующее. Гипотеза Н1 о сокращении инфраструктурного цифрового неравенства подтвердилась: динамика индекса Джини для мобильного (с 0,171 до 0,100) и фиксированного (с 0,277 до 0,153) интернета демонстрирует устойчивое снижение. Гипотеза Н2 об усилении кадрово-компетентностного неравенства также нашла эмпирическое подтверждение: индекс Джини для занятых в ИКТ вырос с 0,243 до 0,279, а анализ ядерной плотности (KDE) выявил тенденцию к формированию многомодального распределения. Гипотеза Н3 о наличии положительной пространственной автокорреляции подтвердилась для всех трех показателей, о чем свидетельствуют статистически значимые значения индекса Морана на протяжении всего исследуемого периода. Гипотеза Н4 о разнонаправленности эффектов соседства подтвердилась частично. Для инфраструктурных показателей наблюдается конвергенция (снижение индекса Джини), но для занятости в ИКТ подтвердилась гипотеза о поляризации — рост индекса Морана в последние годы (с 0,139 в 2018 г. до 0,316 в 2023 г.) и устойчивое наличие кластеров НН и ВВ свидетельствуют о воспроизводстве пространственного разрыва между лидерами и аутсайдерами.

Выявлена устойчивая положительная пространственная автокорреляция по всем показателям, что проявляется в статистически значимом глобальном индексе Морана и формировании стабильных пространственных кластеров типа «высокие — высокие» (лидеры) и «низкие — низкие» (аутсайдеры). Эта кластеризация указывает на то, что уровень цифровизации региона тесно связан с уровнем его соседей, однако природа этой связи требует дальнейшего изучения. Таким образом, ключевым вызовом для сбалансированного регионального развития становится не столько обеспечение базового доступа к инфраструктуре, сколько преодоление нарастающего кадрового и компетентностного неравенства, требующее комплексных мер, направленных на развитие человеческого потенциала и стимулирование инновационной активности во всех субъектах Российской Федерации.

Список литературы

1. Van Dijk, J. 2020, *The Digital Divide*, Cambridge, Medford, Polity Press, 208 p.
2. Горошко, Ю. Д., Баглаев, С. А. 2024, Исследование влияния цифровых технологий на благосостояние населения. Современные научные исследования: актуальные вопросы, XXXIX Международной научно-практической конференции, Пенза, с. 36—39, EDN: IUFQCG
3. Земцов, С. П., Демидова, К. В., Кичаев, Д. Ю. 2022, Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии, *Балтийский регион*, т. 14, №4, с. 57—78, EDN: LDZLAY, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>
4. Heeks, R. 2022, Digital inequality beyond the digital divide: conceptualizing adverse digital incorporation in the global South, *Information Technology for Development*, vol. 28, №4, p. 688—704, EDN: NQJXXX, <https://doi.org/10.1080/02681102.2022.2068492>
5. Журавлев, Д. М., Чаадаев, В. К. 2023, Стратегические инструменты роста промышленного сектора экономики в условиях шестого большого цикла Кондратьева, *Экономика промышленности*, т. 16, №3, с. 253—262, EDN: CNWXXU, <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-3-253-262>
6. Растворцева, С. Н. 2024, Причины и тенденции регионального неравенства в России, *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*, т. 4, №2, с. 135—140, EDN: TLHVXZ, <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-2-132>
7. Архипова, М. Ю., Сиротин, В. П. 2019, Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России, *Экономика региона*, т. 15, №3, p. 670—683, EDN: PJIJXG, <https://doi.org/10.17059/2019-3-4>
8. Peng, Z., Dan, T. 2023, Digital dividend or digital divide? Digital economy and urban-rural income inequality in China, *Telecommunications Policy*, vol. 47, №9, art. 102616, EDN: OHRUEL, <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2023.102616>
9. Hargittai, E. 2003, *The digital divide and what to do about it*, *New Economy Handbook*, p. 821—839.
10. Михайлова, А. А., Хвалеи, Д. В. 2023, География мобильного интернета в приграничных регионах России, *Балтийский регион*, т. 15, №3, с. 140—166, EDN: AQBQTG, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-8>
11. Семенова, П. А., Шкиотов, С. В., Маркин, М. И. 2023, Кластерный анализ цифрового неравенства и качества жизни населения в субъектах РФ, *Теоретическая экономика*, №2, с. 98—108, EDN: FEXMVA, https://doi.org/10.52957/22213260_2023_2_98
12. Tislenko, M. 2024, Digital divide in the European union: assessing spatial disparities and neighborhood effects, *Journal of the Geographical Institute Jovan Cvijic Sasa*, vol. 74, №2, p. 181—194, EDN: OXUMSB, <https://doi.org/10.2298/ijgi2402181t>
13. Shen, C., Wu, X., Shi, L., Wan, Y., Hao, Z., Ding, J., Wen, Q. 2025, How does the digital economy affect the urban—rural income gap? Evidence from Chinese cities, *Habitat International*, №157, art. 103327, EDN: RREJCW, <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2025.103327>
14. Zhao, T., Zhang, Z. 2020, Digital economy, entrepreneurial activity and high-quality development: Empirical evidence from Chinese cities, *Management World*, №10, p. 65—76.
15. Card, D., DiNardo, J. E. 2002, Skill-biased technological change and rising wage inequality: Some problems and puzzles, *Journal of labor economics*, vol. 20, №4, p. 733—783, EDN: DVSAEL
16. Sharma, R. S., Malone, L. G., Guan, C., Dattakumar, A. 2019, A maturity model for digital literacies and sustainable development, in: *Advanced Methodologies and Technologies in Library Science, Information Management, and Scholarly Inquiry*, <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-7659-4.ch006>
17. Bimber, B. 2000, Measuring the gender gap on the Internet, *Social science quarterly*, vol. 81, №3, p. 868—876.

18. Чижио, Э., Богданова, Н., Миетуле, И., Кокаревича, А., Кудиньш, Я. 2024, Неравенство среди жителей и предприятий в латвийском интернет-рынке цифрового маркетинга, *Балтийский регион*, т. 16, № 3, с. 136—162, EDN: GTRCWQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-7>
19. Wan, Q., Tang, S., Jiang, Z. 2023, Does the development of digital technology contribute to the innovation performance of China's high-tech industry?, *Technovation*, № 124, art. 102738, EDN: LLDJJO, <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102738>
20. DiMaggio, P., Hargittai, E., Celeste, C., Shafer, S. 2004, From unequal access to differentiated use: A literature review and agenda for research on digital inequality, *Social inequality*, vol. 1, № 1, p. 355—400.
21. Lam, D., Levison, D. 1991, Declining inequality in schooling in Brazil and its effects on inequality in earnings, *Journal of Development Economics*, vol. 37, № 1-2, p. 199—225, EDN: HIMTUN, [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(91\)90088-D](https://doi.org/10.1016/0304-3878(91)90088-D)
22. Deursen, A. V., Dijk, J. V. 2019, The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access, *New media & society*, vol. 21, № 2, p. 354—375, <https://doi.org/10.1177/1461444818797082>
23. Добринская, Д.Е., Мартыненко, Т.С. 2019, Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, т. 19, № 1, p. 108—120, EDN: VUHAGN, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>
24. Zambom, A. Z., Dias, R. 2013, A review of kernel density estimation with applications to econometrics, *International Econometric Review*, vol. 5, № 1, p. 20—42.
25. Correa-Quezada, R., Cueva-Rodríguez, L., Álvarez-García, J., del Río-Rama, M. C. 2020, Application of the kernel density function for the analysis of regional growth and convergence in the service sector through productivity, *Mathematics*, vol. 8, № 8, art. 1234, EDN: DAKWXQ, <https://doi.org/10.3390/math8081234>
26. Cheruiyot, K. 2022, Detecting spatial economic clusters using kernel density and global and local Moran's I analysis in Ekurhuleni metropolitan municipality, South Africa, *Regional Science Policy and Practice*, vol. 14, № 2, p. 307—328, EDN: AZSKUK, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12526>
27. Лаврикова, Ю.Г., Суворова, А.В. 2020, Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей, *Экономика региона*, т. 16, № 4, с. 1017—1030, EDN: BPNBFL, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1>
28. Manaeva, I., Rastvortseva, S., Kanishcheva, A. 2022, Evaluation of interrelatedness of cities in the territorial space of Russia, *Journal of Economic Structures*, vol. 11, № 1, art. 24, EDN: JHRRJY, <https://doi.org/10.1186/s40008-022-00288-2>
29. Курилова, А.А. 2025, Анализ конвергенции цифрового неравенства среди населения регионов России, *Балтийский регион*, т. 17, № 1, с. 117—140, EDN: SJDLHM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-1-7>
30. Ghorbani, R., Golambossaini, R., Alizadeh, S. 2023, An analysis on the impact of spatial structure factors on travel behavior in Tabriz city with a low carbon city approach, *International Conference on Environmental Leadership and Sustainability (ICELIS)*.

Об авторах

Светлана Николаевна Растворцева, доктор экономических наук, профессор, профессор, департамент мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ «Высшая школа экономики», Россия; профессор кафедры стратегического и инновационного развития факультета Высшая школа управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-1599-359X>
E-mail: Srastvortseva@gmail.com

Елизавета Эдуардовна Колчинская, кандидат экономических наук, доцент, доцент, департамент государственного администрирования Санкт-Петербургской школы социальных наук, НИУ «Высшая школа экономики», Россия; старший научный сотрудник, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-0077-8173>

София Артемовна Панасюк, аспирант, преподаватель, департамент мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ «Высшая школа экономики», Россия.

<https://orcid.org/0009-0001-7545-0626>

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

INEQUALITY AND SPATIAL EFFECTS IN THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY ACROSS RUSSIAN REGIONS

S. N. Rastvortseva^{1,2}

E. E. Kolchinskaya^{1,3}

S. A. Panasyuk¹

¹ HSE University,
20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation

³ Leontief Centre — International Centre for Social and Economic Research,
25A 7th Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russian Federation

Received 16 November 2025

Accepted 24 February 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-8

© Rastvortseva S. N., Kolchinskaya E. E., Panasyuk S. A., 2026

The relevance of the study stems from the growing digital inequality among Russian regions amid the rapid development of the digital economy. Disparities in digitalization levels perpetuate existing interregional gaps and create risks of concentrating human and technological potential in a limited number of regions. The aim is to identify and quantify the dynamics and spatial structure of digital inequality in Russian regions (2011–2023), differentiating it into primary (infrastructural — internet access) and secondary (human capital and competency-based — ICT employment) levels. The methodology combines cartographic methods of quantile classification, the Gini index, kernel density estimation (KDE), and Moran's index to verify neighborhood effects. The results indicate divergent dynamics: a steady reduction in the infrastructural gap in internet access is accompanied by an increasing concentration of human capital in ICT. Significant spatial autocorrelation is confirmed, manifested in the formation of stable clusters of leading and lagging regions. Conclusions. The key challenge for regional development is shifting towards overcoming the secondary divide, necessitat-

ing a transition from universal infrastructure policies to targeted measures that stimulate the diffusion of digital competencies and the development of human capital in peripheral regions.

Keywords:

digital inequality, regional development, mobile internet, fixed internet, neighbourhood effects

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant № 25-28-01533 (<https://rscf.ru/project/25-28-01533/>).

References

1. Van Dijk, J. 2020, *The Digital Divide*, Cambridge, Medford, Polity Press, 208 p.
2. Goroshko, Yu. D., Baglaev, S. A. 2024, Studying the impact of digital technologies on the well-being of the population, *XXXIX International Scientific and Practical Conference*, Pensa, p. 36—39, EDN: IUFGCG
3. Zemstov, S. P., Demidova, K. V., Kichaev, D. Yu. 2022, Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: trends, factors, and the influence of the pandemic, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 57—78, EDN: LDZLAY, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>
4. Heeks, R. 2022, Digital inequality beyond the digital divide: conceptualizing adverse digital incorporation in the global South, *Information Technology for Development*, vol. 28, № 4, p. 688—704, <https://doi.org/10.1080/02681102.2022.2068492>
5. Zhuravlev, D. M., Chaadaev, V. K. 2023, Strategic instruments for the growth of the industrial sector of the economy in the conditions of the sixth big Kondratiev cycle, *Russian Journal of Industrial Economics*, vol. 16, № 3, p. 253—262, <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-3-253-262>
6. Rastvortseva, S. N. 2024, Causes and trends of regional inequality in Russia, *Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, vol. 4, № 2, p. 135—140, <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-2-132>
7. Arkhipova, M. Yu., Sirotin, V. P. 2019, Development of digital technologies in Russia: Regional aspects, *Economy of Regions*, vol. 15, № 3, p. 670—683, <https://doi.org/10.17059/2019-3-4>
8. Peng, Z., Dan, T. 2023, Digital dividend or digital divide? Digital economy and urban-rural income inequality in China, *Telecommunications Policy*, vol. 47, № 9, art. 102616, <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2023.102616>
9. Hargittai, E. 2003, *The digital divide and what to do about it*, New Economy Handbook, p. 821—839.
10. Mikhaylova, A. A., Hvalev, D. V. 2023, Geography of the mobile internet in the border and interior regions of Russia, *Baltic Region*, vol. 15, № 3, p. 140—166, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-8>
11. Semenova, P. A., Shkiotov, S. V., Markin, M. I. 2023, Cluster analysis of the digital divide and quality of life in Russian Regions, *Theoretical economics*, № 2, p. 98—108, https://doi.org/10.52957/22213260_2023_2_98
12. Tislenko, M. 2024, Digital divide in the European union: assessing spatial disparities and neighborhood effects, *Journal of the Geographical Institute Jovan Cvijic Sasa*, vol. 74, № 2, p. 181—194, <https://doi.org/10.2298/ijgi2402181t>
13. Shen, C., Wu, X., Shi, L., Wan, Y., Hao, Z., Ding, J., Wen, Q. 2025, How does the digital economy affect the urban—rural income gap? Evidence from Chinese cities, *Habitat International*, № 157, art. 103327, <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2025.103327>
14. Zhao, T., Zhang, Z. 2020, Digital economy, entrepreneurial activity and high-quality development: Empirical evidence from Chinese cities, *Management World*, № 10, p. 65—76.

15. Card, D., DiNardo, J. E. 2002, Skill-biased technological change and rising wage inequality: Some problems and puzzles, *Journal of labor economics*, vol. 20, № 4, p. 733—783.
16. Sharma, R. S., Malone, L. G., Guan, C., Dattakumar, A. 2019, A maturity model for digital literacies and sustainable development, in: *Advanced Methodologies and Technologies in Library Science, Information Management, and Scholarly Inquiry*, <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-7659-4.ch006>
17. Bimber, B. 2000, Measuring the gender gap on the Internet, *Social science quarterly*, vol. 81, № 3, p. 868—876.
18. Čižo, E., Bogdanova, N., Mietule, I., Kokarevica, A., Kudins, J. 2024, Inequality among residents and enterprises in the Latvian online market of digital marketing, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 136—162, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-7>
19. Wan, Q., Tang, S., Jiang, Z. 2023, Does the development of digital technology contribute to the innovation performance of China's high-tech industry?, *Technovation*, № 124, art. 102738, <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102738>
20. DiMaggio, P., Hargittai, E., Celeste, C., Shafer, S. 2004, From unequal access to differentiated use: A literature review and agenda for research on digital inequality, *Social inequality*, vol. 1, № 1, p. 355—400.
21. Lam, D., Levison, D. 1991, Declining inequality in schooling in Brazil and its effects on inequality in earnings, *Journal of Development Economics*, vol. 37, № 1-2, p. 199—225, [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(91\)90088-D](https://doi.org/10.1016/0304-3878(91)90088-D)
22. Deursen, A. V., Dijk, J. V. 2019, The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access, *New media & society*, vol. 21, № 2, p. 354—375, <https://doi.org/10.1177/1461444818797082>
23. Dobrinskaya, D. E., Martynenko, T. S. 2019, Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels, *Rudn Journal of Sociology*, vol. 19, № 1, p. 108—120, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>
24. Zambom, A. Z., Dias, R. 2013, A review of kernel density estimation with applications to econometrics, *International Econometric Review*, vol. 5, № 1, p. 20—42.
25. Correa-Quezada, R., Cueva-Rodríguez, L., Álvarez-García, J., del Río-Rama, M. C. 2020, Application of the kernel density function for the analysis of regional growth and convergence in the service sector through productivity, *Mathematics*, vol. 8, № 8, art. 1234, <https://doi.org/10.3390/math8081234>
26. Cheruiyot, K. 2022, Detecting spatial economic clusters using kernel density and global and local Moran's I analysis in Ekurhuleni metropolitan municipality, South Africa, *Regional Science Policy and Practice*, vol. 14, № 2, p. 307—328, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12526>
27. Lavrikova, Y. G., Suvorova, A. V. 2020, Optimal Spatial Organisation of the Regional Economy: Search for Parameters and Dependencies, *Economy of Regions*, vol. 16, № 4, p. 1017—1030, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1>
28. Manaeva, I., Rastvortseva, S., Kanishcheva, A. 2022, Evaluation of interrelatedness of cities in the territorial space of Russia, *Journal of Economic Structures*, vol. 11, № 1, art. 24, <https://doi.org/10.1186/s40008-022-00288-2>
29. Kurilova, A. A. 2025, Analysis of the convergence of digital inequality across Russian regions, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 117—140, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-1-7>
30. Ghorbani, R., Golambossaini, R., Alizadeh, S. 2023, An analysis on the impact of spatial structure factors on travel behavior in Tabriz city with a low carbon city approach, *International Conference on Environmental Leadership and Sustainability (ICELIS)*.
31. Manaeva, I., Rastvortseva, S., Kanishcheva, A. 2022, Evaluation of interrelatedness of cities in the territorial space of Russia, *Journal of Economic Structures*, vol. 11, № 1, art. 24, <https://doi.org/10.1186/s40008-022-00288-2>
32. Kurilova, A. A. 2025, Analysis of the convergence of digital inequality across Russian regions, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 117—140, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-1-7>

33. Ghorbani, R., Golambossaini, R., Alizadeh, S. 2023, An analysis on the impact of spatial structure factors on travel behavior in Tabriz city with a low carbon city approach, *International Conference on Environmental Leadership and Sustainability (ICELIS)*.

The authors

Dr **Svetlana N. Rastvortseva**, Professor, the Department of World Economy, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; Professor at the Department of Strategic and Innovative Development, Graduate School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-1599-359X>

E-mail: Srastvortseva@gmail.com

Dr **Elizaveta E. Kolchinskaya**, Associate Professor, the Department of Public Administration, St. Petersburg School of Social Sciences, HSE University; Senior Researcher at the Leontief Centre — International Centre for Social and Economic Research, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-0077-8173>

Sofia A. Panasyuk, PhD Student, Lecturer at the Department of World Economy, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Russia.

<https://orcid.org/0009-0001-7545-0626>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что

- работа не была опубликована ранее в другом журнале;
- не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) приставные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2026
Volume 18
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2026.
163 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia

CONTENTS

Theory and methodology

*Kolosov V.A., Vendina O.I., Gritsenko A.A., Zotova M.V., Karpenko M.S.,
Sebentsov A.B., Turov N.L.* Geostrategic territories: the history
of the concept, features, and definition criteria.....4

Geopolitics and international relations

Yurk A. V. The place and role of the Baltic States in U. S. transatlantic policy23

Trunov Ph. O. Contemporary military-political cooperation between Germany
and Sweden in the context of militarisation: from interconnectedness
to complementarity40

Ragozin G. S. The image of Russia in Swedish national-conservative discourse
in 2014—202463

Leonov E. S. Technological diplomacy and the international positioning
of small states: the case of Denmark.....77

Chernov S. I., Liu Yi. Bilateral relations between China and Latvia
in the context of global geopolitical changes: freedom of choice
or geopolitical imperatives?96

Socio-economic development of regions

Belov V.I. Assessment of energy efficiency of Russian regions in the context
of economic decarbonisation and sustainable territorial development 117

Rastvortseva S.N., Kolchinskaya E.E., Panasyuk S.A. Inequality
and spatial effects in the development of the digital economy across
Russian regions 134

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2026

Том 18

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 06.04.2026 г.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 14,3
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ 27
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

